Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 НОЯБРЯ 22

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № А-3650. Тираж 100.000 экз.

Набрано в тип. Изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебр. наб., д. 23а.
Отпечатано в 1-й Образц. тип. Госиздата. Москва, Пятн., 71. Зак. № 5642.

К XV с'езду партии.

Нет необходимости доказывать, что дезорганизаторская, разлагающая «работа» оппозиции чрезвычайно сильно навредила партии в повседневной практической деятельности последней по руководству социалистическим строительством.

Предс'ездовская дискуссия — это не просто «непомерная роскошь»,—это нечто значительно большее, с точки зрения того ущерба, который нанесла партии борьба оппозиции против ленинизма.

Оппозиция, получив решительный отпор со стороны партии, не остановилась перед апелляцией к силам, стоящим вне партии. Оппозиция открыто перешла от борьбы внутрипартийной к борьбе против партии *за пределами партии*. Оппозиция, по существу дела, стала антисоветским фактором, превратившись в центр притяжения элементов «третьей силы».

Вредоносность оппозиции заключается, прежде всего, в том, что ее антиреволюционные выступления, ее попытки прорыва советской легальности привели к оживлению контрреволюционных сил, к тому, что враги пролетарской диктатуры подняли голову и перешли к более активной борьбе против коммунизма.

С другой стороны, необходимость борьбы с оппозицией, необходимость идейной ликвидации троцкизма имела своим следствием оттягивание сил партии от практической работы по консолидации сил революции, по энергичному преодолению специфических трудностей переживаемого периода.

Таким образом, оппозиционная борьба против партии обошлась последней, а также, конечно, и руководимой ею пролетарской диктатуре, весьма дорого.

Тем настоятельнее и необходимее в этих условиях является пресечение антипартийной и антиреволюционной фракционной деятельности оппозиции и *сосредоточение сил и активности партии на вопросах практической положительной работы.*

С'езд партии должен подвести решающие итоги дискуссии и *повернуть партию на путь нормальной деловой работы.*

Оппозиционным раскольникам и штрейкбрехерам будет поставлен на с'езде вопрос ребром: или они отказываются от своей антиреволюционной деятельности и от идеологии троцкизма,

питающей эту деятельность,—или они оставляют ряды ленинской партии.

На данной стадии вопрос может стоять только так. Партия не может больше терпеть лицемерия, двурушничества, обмана, раскольнического «маневрирования».

Партия не может терпеть в своих рядах людей, которые в основных вопросах предпочитают меньшевистские оценки, прогнозы и положения—ленинским.

Троцкисты должны выбирать. Только отказавшись от борьбы с ленинизмом и ленинской партией, только войдя в русло деловой повседневной положительной работы партии, оппозиционеры могут спасти себя для революции, для дела Ленина, для партии.

С'езд призовет членов партии к усилению организованной борьбы с классовыми врагами и преодолению очередных трудностей; он заявит, что оппозиционной возне должен быть положен конец и все силы партии должны быть брошены на нужную, полезную, усиленную строительную работу.

С'езд подведет, в связи с *политическим отчетом ЦК*, итоги последним достижениям пролетарской диктатуры, борющейся за коммунизм, проводящей социалистическую индустриализацию в условиях мирового капиталистического окружения и преобладания мелкобуржуазного населения внутри страны; он даст оценку текущему политическому моменту, наметит основные линии работы на ближайший период, специально отметит трудности текущего периода и практические задачи, встающие перед пролетарским государством в связи с этими трудностями.

На с'езде подвергнется обсуждению вопрос *о международной политике* партии, в связи с отчетом нашей делегации в ИККИ, XV с'езд должен дать оценку теперешнего соотношения сил революции и контрреволюции в мировом масштабе, по-ленински оценить процессы, происходящие в системе мирового капитализма, в среде пролетариата и трудящихся масс вообще.

Наша партия всегда была и остается партией *интернационалистской*. Судьбы СССР, судьбы пролетарской диктатуры в нашей стране, теснейшим образом связаны с судьбами международного революционного движения. Именно поэтому вопрос о перспективах этого движения и методах успешного преодоления международного реформизма в борьбе за свержение мирового капитализма будет играть на с'езде исключительно значительную роль.

Из вопросов *внутреннего* порядка внимание с'езда займут вопрос о *директивах по составлению пятилетнего хозяйственного плана* и проблемы *работы партии в деревне*.

Текущий момент в экономической политике пролетарского государства отмечается ростом *планового* воздействия командных высот пролетариата на развитие всего народного хозяйства в целом. Этот рост является необходимым условием пятилетки. Без

серьезных успехов в развитии нашей социалистической промышленности, в развитии банковской и кредитной системы пролетарского государства, без роста успешного экономического воздействия пролетарского города на деревню, без усиления ведущей роли пролетарского города во всей системе народного хозяйства Советского Союза — всякий разговор о пятилетнем плане не серьезен.

Пятилетний план стал возможен в силу того, что позиции социализма стали крепче, в силу того, что пролетарское государство располагает теперь реальными возможностями обеспечения хозяйственной и социальной гегемонии социалистических элементов в народнохозяйственном развитии.

Однако, приступая к разработке пятилетнего плана, наша партия не может не учитывать всей его относительности. Плановость превратилась бы во вредное прожектёрство, если бы пролетарское государство в своих строительных и регулирующих функциях не учитывало тех трудностей планирования, которые обусловлены изменениями в хозяйственной и политической обстановке, в соотношениях между СССР и капиталистическими странами, в соотношениях между городом и деревней и т. д. Учитывая это, Центральный Комитет предлагает партии на данной стадии нашего развития, прежде всего, выработать *принципы* составления пятилетнего плана и подготовить выработку примерных пропорций, в пределах которых, при более или менее «нормальных» условиях, будут развиваться различные отрасли хозяйства.

Эти принципы должны быть ленинскими принципами, т.-е. принципами, обеспечивающими успешное *строительство социализма на основе смычки пролетариата с крестьянством*.

Директивы, которые будут обсуждаться и определяться на с'езде, и должны дать целостную систему указаний о направлении строительно-социалистической работы на ближайшее пятилетие.

В области *деревенской* работы с'езд уделит серьезное внимание выработке системы мер, которые должны помочь широкому производственному кооперированию бедняцко-середняцких слоев крестьянства, более быстрому развитию коллективных хозяйств и включению хозяйственной жизни деревни в сферу планового воздействия пролетарского государства.

Центральный Комитет предлагает XV партс'езду установить, что и работа в деревне и вся работа по индустриализации должны проводиться *под знаком усиленного и систематического наступления на частнокапиталистические элементы*.

Впереди—полоса большой, ответственнейшей борьбы за социалистическую индустриализацию нашей страны. От результатов этой борьбы зависит весьма многое не только в нашей *внутренней* области, но и в области соотношений классов в *мировом* масштабе.

Разрешение этих задач требует повышения активности партии и руководимого ею пролетариата. Развертывание этой активности есть развертывание внутрипартийной и пролетарской демократии.

Именно *на пути действительной ленинской политики*, именно *на пути творческой деятельности партии и пролетариата в области строительства социализма*, в области упорной, систематической, повседневной борьбы за социализм—*получит дальнейшее развитие процесс демократизации отношений внутри нашей партии и в среде пролетариата.*

XV с'езд отбросит в сторону нытиков и штрейкбрехеров, мешающих строительству социализма, и твердо и уверенно поведет партию вперед по ленинскому пути, к разрешению новых задач, к преодолению новых трудностей, навстречу новым решающим боям!

В. Астров.

Бауэр о „функциональной демократии“.

Прославляя парламентскую демократию, австро-марксисты вместе с тем имеют в своем идейном багаже («у дядюшки Якова—товару про всякого»!) левые фразы и *против* парламентской демократии.

Одним из «левых» выкрутасов Отто Бауэра и К° является некоторая формальная ревизия старых социал-демократических взглядов на «политическую демократию» (т.-е. на буржуазный парламентаризм), которую эти господа пропагандируют, примерно, уже с 1919—20 годов. Эта ревизия связана с идеей о так называемой «функциональной демократии».

«Голая» («bloss») политическая демократия не оправдала себя, как единственное средство, достаточное для завоевания власти пролетариатом,—признают австро-марксисты. Оставаясь *главным* средством в этом отношении, она все же должна быть *дополнена* «функциональной демократией», и тогда завоевание власти «демократическими средствами» будет на мази. Таким путем они хотят бороться в рабочей среде с идеей о *диктатуре* пролетариата.

Прежде всего уместно спросить: какие причины побудили австро-марксистов ревизовать старые социал-демократические взгляды? Довольно ясно указывает на эти причины Макс Адлер в одной из своих последних брошюр.

Макс Адлер имеет совершенно исключительные способности к фразерству и пустозвонству. Достаточно сказать, что он даже в среде австро-марксистов выделяется этими качествами (а это вовсе не так легко). «Проблемы демократии» при этом составляют одну из излюбленнейших тем Макса Адлера. Можно сказать, что проблемы демократии исписаны им и вдоль и поперек.

«Демократия имеет много проблем»,—пишет он:—об избирательном праве, о законодательстве, о роли парламентаризма, о самоуправлении общин, о централизме и федерализме, о разделении власти законодательной, исполнительной и судебной и т. д. Все это—«очень важные» вещи. Но—увы!—теперь дело идет уже не об этих частностях! Макс Адлер должен брать перо и писать «о проблеме *самой* демократии».

...«Ибо это знаменательно для нашей эпохи, являющейся, в общем, веком демократии: *самая демократия стала в высокой степени проблематичной!* («Какой скандал» для добропорядочных профессоров буржуазного права!.. *В. А.*). Она стала *проблемой* не только лишь для отдельных мыслителей—этим она всегда была,—но *для больших политически зрелых масс, которые начи-*

***нают относиться к ней сегодня скептически, даже с недоверием. Старого предрассудка* «за демократию» больше нет»** [1]).

Итак, «сегодня» *массы* «начинают относиться» к демократии «скептически» и «с недоверием». Вот причина, вот ветер, заставляющий австрийских социал-демократов менять паруса на их партийной «галоше».

Однако, по какому же пути идут *массы*, разочаровывающиеся в демократии?

«***У большей части его*** (пролетариата. ***В. А.***), которая находится под влиянием большевистской теории, дело зашло так далеко, что демократия рассматривается прямо как опасная иллюзия. Она кажется крупным обманом, посредством которого стремящиеся к свободе массы вводятся в заблуждение»... [2]).

«В среде рабочего класса понятия *революционной* классовой борьбы и *диктатуры* пролетариата, ***если не столь ходячи, то все же известны*** (! ***В. А.***) ***из учения Маркса и Энгельса.*** Теперь они кажутся, на опыте насильственных событий в России, сохранившими их большое историческое значение: здесь видят победы метода, который кажется совершенно отличным от всякой демократия. Итак в рабочих слоях возник новый пароль: диктатура, а не демократия! Долой парламентаризм,—«вся власть рабочим советам»! [3]).

Массы подпадают под «влияние большевизма», и среди них воскресает теория Маркса (жив еще курилка!..) о диктатуре пролетариата, которую так старались навсегда похоронить социал-демократические теоретики. Для того, чтобы в новых условиях успешнее бороться с распространением в массах теории Маркса о диктатуре, австро-марксисты подновляют старые социал-демократические взгляды на парламентаризм:

«*Но внутри социал-демократии также* проявились теоретические устремления, которые так резко ограничивали свою точку зрения на демократию от буржуазно-демократической позиции, что и *здесь старая наивная партийная позиция «за демократию» исчезла»* [4]).

«Старая наивная партийная позиция» «за демократию» дискредитирует социал-демократию среди рабочих, и австро-марксисты берутся ее подновить так, чтобы она чем-то «резко» отличалась от обычной *буржуазной* демократической позиции. На сию потребу и идет «функциональная демократия», которую Адлер рекламирует следующим образом:

«***Функциональная демократия* есть, таким образом**, в ее существе *призыв к организованным массам трудящегося народа стать рядом и прежде всего против* (! ***В. А.***) ***политической демократии.*** Она по всей ее натуре есть *революционное средство* и поэтому может выполнить свою цель, свою «функцию» только в том случае, *если эти массы революционно настроены и организационно готовы к действию»* [5]).

«Таким образом, «функциональная демократия», если со правильно понять, ве *есть мирное понятие, не политический пацифизм и не разоружение* в революционной пролетарской классовой

---

[1]) Макс Адлер. «Politische oder sociale Demokratie», Berlin. 1926 г., стр. 18.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 22.
[4]) Там же, стр. 19.
[5]) Там же. стр. 154.

борьбе»... «*Ибо в основе последние* ***и*** *сильнейшие аргументы функциональной демократии суть «аргументы улицы»* [1]).

«Аргументы улицы»? Так, значит, дело здесь не пахнет шуткой?.. Но мы сейчас увидим, что все это—пустая болтовня.

Настоящий «обоснователь» (среди австро-марксистов) теории «функциональной демократии», это—Отто Бауэр [2]). Чтобы точнее установить, что именно Бауэр понимает под термином «функциональная демократия», нам придется привести довольно длинную выдержку из его книги:

«Парламентская демократия стремится сохранить контакт между правящими и управляемыми *путем выборов.* Она полагает, что контакт будет создан тем, что каждые три или четыре года народ будет призван к выборам в парламент, который определит состав правительства и будет контролировать деятельность последнего. Рабочий класс везде на опыте узнал, что *эта вера в парламент только иллюзия*, что *буржуазии удается* через прессу, церковную кафедру и через самый избирательный аппарат *добиться такого исхода выборов, что правительство*, создающееся потом в результате этих выборов, *становится классовым правительством буржуазии*—правительством меньшинства народа. Поэтому через все революционное движение, вызванное великой войной, особенно ярко обрисовывается *борьба рабочего класса против парламентской демократии.* Из этой борьбы родилась русская идея советского государства точно так же, как и британская идея гильдейского государства. Как ни существенно отличаются эти идеи друг от друга, в обеих пролетариат искал средства для большей согласованности между правящими и управляемыми, чем это может быть достигнуто при помощи парламентской демократии.

«В современном капиталистическом обществе рядом с политической демократией, представленной демократическими организациями государства и общин, развилась *промышленная демократия, представленная крупными, демократически организованными профессиональными союзами и рабочими потребительскими обществами, профессиональными организациями служащих и чиновников и крестьянскими товариществами.* Политическая демократия знает только просто граждан. Она не обращает внимания на экономическое положение, на профессию и общественные функции гражданина, она призывает всех граждан без различия к избирательным урнам и делит их только по территориально разграниченным избирательным округам. *Промышленная же демократия, наоборот, делит людей по их профессиям, месту их работы, по роду их функций в народном хозяйстве, по их общественным функциям, она об'единяет их в организации по предприятиям, профессиям и индустриальным организациям.* В борьбе против чисто парламентской демократии рабочий класс противопоставил ей идею *функциональной демократии* в самых различных ее формах, *т.-е. требование, что правительство должно контролироваться гражданами, об'единенными и расчлененными согласно их профессиям, месту работы и их общественным и политическо-экономическим функциям.* Если политическая демократия требует того, чтобы правительство управляло в согласии с парла-

---

[1]) Там же, стр. 156.
[2]) Бауэр, в свою очередь, заимствовал и термины и идею «функциональной демократии» у гильдейских социалистов.

ментом, избираемым народом через каждые два года, то *функциональная демократия требует, чтобы правительство оставалось в каждой отдельной отрасли его деятельности в постоянном контакте с организованными коллективами, об'единяющими граждан сообразно роду их профессии, месту работы, общественным и хозяйственным функциям*, при чем каждый из этих коллективов сохраняет непосредственную связь *с соответственной отраслью управления*. Комбинация политической и функциональной демократии—такова была сущность правительственной практики, к вступлению на путь которой было вынуждено правительство республики (речь идет о правительстве Реннера. *В. А.*) в виду соотношения сил, созданного революцией.

«В проникновении системы функциональной демократии в практику правительства буржуазия видела не что иное, как установление власти нелегальных «побочных правительств», как «контрабандный большевизм». В действительности это знаменовало *не только углубление демократической идеи о контакте правительства с управляемыми*, не только *легальную форму использования и расширения власти рабочего класса*, но только спасение страны от опасности кровавой катастрофы. Оно знаменовало значительно большее. Функциональная демократия явилась *средством к полному перевороту в отношении между массами и государством*. Это было средством для проявления инициативы и плодотворнейшей деятельности масс» [1]).

Мы видим, что Бауэр озабочен мыслью о достижении возможно более полного «контакта» или «согласия» («Übereinstimmung») «между управляющими и управляемыми». «Путь выборов» в парламент оказывается не в состоянии осуществить этот «контакт»: буржуазное меньшинство имеет возможности навязывать большинству народа определенный исход выборов, в итоге которого обеспечивается буржуазное классовое правительство. Думать иначе—«иллюзия»,—говорит Бауэр.

Таким образом, он признает, по сути дела, *банкротство парламентаризма* самого по себе, *как метода завоевания власти пролетариатом*. Он констатирует факт, что революционные массы повсюду вынуждены обращаться к *вне*парламентским методам борьбы и организации. И сам он видит себя вынужденным искать выхода из положения на путях этой «борьбы против голой парламентской демократии».

Но для самого Бауэра это словечко «против» играет роль простой *увертки* от серьезности задетой им проблемы. На деле он во всех своих дальнейших выводах остается целиком *на почве принципов* буржуазного парламентаризма, он *за* них, а не «против» них.

В самом деле, каков единственный, честный и последовательный вывод, который можно сделать из слов Бауэра? Только один: если надежда на возможность парламентским путем добиться правительства, соответствующего действительным интересам большинства народа, есть *«иллюзия»*, то тогда парламентаризм перестает быть *главенствующим* принципом политической деятельности рабочих партий, ему отводится подчиненное место, и *главная* линия борьбы переносится на подготовку к завоеванию власти *непарламентским* путем, например, к захвату власти такими пролетарскими «функциональными» организациями, как *советы* рабочих и солдатских депутатов. Понятно, что при этом роль парламентаризма на известных ступенях борьбы не только не отрицается, но, наоборот,—только в этом случае парламентаризм превращается в могучее, охватывающее все слои народа вспомогательное орудие *революционной* пролетарской борьбы.

[1]) «Австр. революция». Русск. изд., стр. 182 и 183.

Но сделав один-единственный шажок вперед, об'явив веру в народный характер парламентаризма (эту «старую наивную партийную позицию», по выражению Макса Адлера) «иллюзией», Бауэр шарахается от неизбежного логического вывода из своих слов, делает несколько трусливых скачков назад. Он отводит пролетарским организациям *жалкую* роль в ряду других «функциональных» организаций (*всех классов* населения!) и даже не заикается о том, что функции избрания правительства могут быть отняты у буржуазного парламента и взяты в свои руки более подходящими, с пролетарской точки зрения, организациями.

Но не только в этом непоследовательная трусливость Бауэра. Вопрос о том, кем будет выделено правительство пролетариата—парламентом или советами—не исчерпывает вопроса о переходе власти из рук одного класса в руки другого класса. В капиталистическом обществе политически господствует буржуазное *государство*,—понятие более широкое, чем «правительство», включающее и армию, и суды, и тюрьмы, и парламент, и полицию, и бюрократические аппараты «министерств», и бюрократические «самоуправления» и т. д. *Разрушение* всей этой старой государственной машины, в том числе парламентской, есть *предпосылка* овладения властью для пролетариата. Только конкретная историческая обстановка в каждой стране в момент переворота определит, из каких организаций и как вырастет *новое* правительство. Но необходимым условием создания действительно пролетарского правительства и удержания им власти является *разрушение* старого государственного аппарата, которое может быть произведено только при помощи *не*парламентских средств. Все эти вопросы Бауэр устраняет из поля зрения, когда говорит о «функциональной демократии», намечает задачи непарламентских организаций в отношении правительства. А как он относится к задаче разрушения буржуазного государства, можно видеть на «классическом» примере его отношения к австрийским жандармам, которых он «воспитывает» в «республиканском духе».

Итак, «функциональная демократия» Бауэра не посягает на «священный» принцип «законного» избрания правительства через парламент, над которым буржуазия, *заведомо для Бауэра* (!), имеет полную возможность господствовать. С другой стороны, в задачи «функциональной демократии» не входит и разрушение и смена всего буржуазного государственного аппарата в целом. Словом, буржуазное классовое государство оставляется в полной *неприкосновенности*.

В итоге бауэровская идея «функциональной демократии» сводится к *двум* требованиям. Во-первых, чтобы *буржуазное правительство контролировалось* не только парламентом, но и *«функционально»-организованными «гражданами»*; во-вторых, чтобы буржуазное правительство правило в каждой отрасли управления.

Это-то и есть «углубление демократической идеи», «легальная форма использования и расширения власти рабочего класса» (?),

«средство к полному перевороту в отношениях между массами и государством» и т. д., и т. п.

Прежде всего, бросается в глаза то, что идея Бауэра совершенно не носит классово-пролетарского характера или хотя бы его отпечатка. «Граждане»,—говорит Бауэр,—должны быть организованы «по их общественным и экономическим функциям». Организации *каких* граждан требует Бауэр для «углубления демократии»? «Общественную» и «экономическую функцию» в современном буржуазном обществе несет не только рабочий, не только крестьянин, но и капиталист. Функция капиталиста, с точки зрения капиталистического общества, есть самая жизненно-необходимая общественная и хозяйственная функция, ибо без капиталистов нет самого капитализма.

Бауэр стоит именно на этой точке зрения, свойственной апологету капиталистического общества. Он говорит не о контроле рабочих над государством и не о контроле рабочих и крестьян над государством. Он говорит о контроле «Staatsbürger»-ов («граждан»). Вообще все те, кто имеет то или иное отношение к той или иной отрасли деятельности правительства (а *кто* же имеет более близкое и непосредственное касательство ко всей деятельности буржуазного правительства, если не капиталисты?)—все пользуются у Бауэра правами и благами «функциональной демократии».

Однако, сейчас же неизбежно встает вопрос: если «функциональная демократия» щедро «предоставляет» всем гражданам без различия их классовой принадлежности «равные права» внепарламентского контроля над правительством, то могут ли в действительности все классы населения одинаково использовать эти «права», имея в виду, что правительственная-то власть находится в руках *одного* из этих «контролирующих» классов—буржуазии?

Возьмем, для примера, внешнюю политику буржуазного правительства. Можно ли допустить мысль о том, чтобы буржуазное правительство рассказало *рабочим* совершенно откровенно о своей внешней политике,—больше и откровеннее, чем оно это делает в парламенте для политических представителей всех классов населения: показало бы рабочим тайные договора о разделе колоний между грабителями-империалистами, выдало бы «военные тайны» и т. д.? Разумеется, этого немыслимо ожидать.

А возможно ли, чтобы буржуазное правительство открыло те же тайны *капиталистам* и их организациям? Понятно, да, ибо уже сейчас вся его внешняя политика разрабатывается при прямом участии концернов и крупных акционерных компаний, все военные заказы выполняются капиталистическими организациями и т. д.

Капиталисты могут «контролировать» свое правительство уже постольку, поскольку они, в конечном счете, сами его «посадили», поскольку оно есть *правительство капиталистов*, имеющее в классе капиталистов свою опору, источник силы и *экономического* могущества класса капиталистов, распоряжающегося крупной промышленностью, банками, внутренней и внешней торговлей и т. д.

Рабочие *не* могут контролировать буржуазное правительство потому, что это—правительство *другого* класса, безраздельно располагающего *экономической* силой и, плюс к тому, армией, полицией и государственным аппаратом, сложившимся десятилетиями.

Смешно даже говорить о «контроле» тех, кто *не имеет власти* над теми, кто *имеет* эту власть! *Сильный может* контролировать более слабого, но слабый сильного—нет. А пролетариат при буржуазном государстве до поры до времени остается *слабее* буржуазии. А в тот момент, когда он станет *сильнее* буржуазии с ее государственным аппаратом, тогда он может и должен *взять всю власть*.

Идеей «контроля» над правительством теория «функциональной демократии» пытается *нагло обмануть* рабочих. До взятия власти пролетариат *не в силах* «контролировать» буржуазную власть. А после взятия власти пролетариатом исчезает об'ект «контроля»—буржуазное правительство.

Чтобы лучше понять австро-марксистов с их теорией «функциональной демократии», надо опять-таки вспомнить тот проделанный ими опыт в Австрии, который и побудил господ Бауэров и Адлеров подправлять «старые партийные позиции».

Парламентский ли демократизм привел их к власти в 1918 году? Отнюдь нет. Они не имели абсолютного большинства в парламенте. Две другие буржуазные партии, христианские социалисты и немецкие националы, соединившись, в любое время могли бы заголосовать социал-демократов и свергнуть их правительство. В самый разгар революционного времени, в итоге февральских выборов 1919 года, социал-демократы получили из 159 мандатов в учредительном собрании только 69; христианские социалисты—63, националисты—24. Социал-демократы стояли у власти *в коалиции с христианскими социалистами*. Они ушли из правительства (как и подобает социал-демократам,—добровольно), когда на следующих выборах, в октябре 1920 года, на выборах в национальное собрание, христианские социалисты получили на 200 тысяч голосов больше, чем они.

Спрашивается, почему буржуазная партия христианских социалистов в течение пары лет предпочитала социал-демократов дейтш-националам, а потом поступила наоборот? [1]). Это об'ясняилось кривой революционного движения масс, его под'емом и спадом. На под'еме революции только социал-демократы могли спасти обуржуазный строй. На ее спаде надобность в них для буржуазии миновала.

«Внепарламентское» движение в революционные годы препятствовало буржуазии непосредственно реализовать имевшиеся у нее парламентские возможности. На этом основании Бауэр и Адлер считают, что «функциональная демократия» в истории австрийской революции «функционировала» *против* парламентской демократии. Однако, в том, что Бауэр и Адлер называют «функциональной демократией», приходится различать, по меньшей мере, *две* вещи: движение и настроение масс, во-первых, и деятельность социал-демократии, во-вторых.

В 1919—20 годах трудящиеся массы в Австрии были безусловно «революционно настроены», достаточно организованы и «готовы к действию». Таким образом, были налицо главные усло-

---

[1]) Получение христианскими социалистами относительного большинства на выборах 1920 года не являлось решающим фактором для судьбы коалиции. Как передает Бауэр в своей книге, уже до этих выборов социал-демократы приняли решение уйти из правительства, в виду обострения борьбы с христианскими социалистами и в виду колебаний последних в сторону дейтш-националов.

вия для того, чтобы «функциональная демократия» выявила свою «природу революционного средства». Для каких же целей употребили тогда австрийские социал-демократы все свое внепарламентское влияние, как и в чьих интересах они использовали тогда орудие «функциональной демократии»? Заглянем снова в книгу Бауэра, написанную как бы со специальной целью разоблачить антипролетарскую роль социал-демократов в австрийской революции и вскрыть обманный характер их теорий:

«Революция разбила аппарат господствующего милитаризма, подавлявшего рабочий класс. Последний стал свободным. Он уже не подчинялся никакой военной силе»...

«В казармах фактическая власть находилась не в руках офицеров, а солдатских советов. Никакая принудительная военная сила не могла заставить народную армию подчиняться капиталистическому правительству»...

«Рабочие и солдаты могли каждый день установить пролетарскую диктатуру. Не было никакой силы, которая могла бы им в этом воспрепятствовать» [1])...

«Во время дискуссий, которые велись в солдатских советах, *происходила борьба между социал-демократами и коммунистами. Солдаты надеялись с оружием в руках добиться победы пролетариата»*...

«*Массы*, которые видели недавно уничтоженной сильную империю, но подозревали о силе капиталистической Антанты. Они полагали, что революция мигом охватит государства-победительницы. «*Диктатура пролетариата!*», «*Вся власть советам!*», *только и слышно было на улицах»*... [2]).

«*Волна большевизма*, прокатившаяся по всей Европе, должна была повлиять на образ *мыслей широких кругов австрийских рабочих*. И это влияние должно было еще более усилиться в виду того, что *австрийский пролетариат чувствовал*, что его влияние внутри коалиции падает, *что его успехи в борьбе, которую он ведет методами демократии, становятся все более скромными»*... «*Чем более массы были недовольны коалиционной политикой*, тем чаще коммунистам и «об'единению для работы» (существовавший тогда орган блока коммунистов с наиболее левыми из социал-демократов в советах. *В. А.*) удавалось привлечь на свою сторону членов советов, не принадлежавших ни к каким фракциям. Таким путем «новым левым» удалось заполучить *почти большинство* на происходившей в начале июня 1920 года третьей сессии Всеавстрийского рабочего совета» [3]).

Советы, эти важнейшие органы пролетарской «функциональной демократии», по терминологии Бауэра, по его собственному же описанию, *стихийно развивались по направлению к тому, чтобы стать органами пролетарской диктатуры*:

«Рабочие советы возникли в Австрии со времени январской забастовки (1918 г. *В. А.*). Революция быстро расширила сеть этих организаций»...

«Советы обеспечили себе *контроль над действиями уездных правительственных учреждений*. Они организовали совместно с солдатскими и крестьянскими советами городские, уездные и областные комиссии по регулированию народного хозяйства. Они

1) «Австр. рев.», стр. 182, (рус. изд.—178.)
2) Там же, стр. 118 (рус. изд.).
3) Там же, стр. 214 (рус. изд.).

контролировали доставку хлеба и скота, реквизицию и распределению жилищ. Они организовали охоту на контрабандистов. *Они терроризовали спекулянтов*, взвинчивавших цены. Они запрещали всякий вывоз продовольствия из одной области в другую. Они действовали обычно в согласии с правительственными учреждениями: *формально* рабочие советы являлись их *контрольными органами, в действительности же осуществлялась диктатура советов, учреждения действовали по указанию советов*. Временами последние выступали *самостоятельно* от правительственных учреждений и даже *против них*. Бывало, что они *самостоятельно производили реквизиции с помощью частей Народной армии* или вызывали лиц, виновных в нарушении правил военного хозяйства, и угрожали *революционным террором* пролетариата. Все движение в первые месяцы было неорганизовано; между рабочими советами внутри данной области не было еще никакой связи...»

«Из этой работы советов и выросла их *первоначальная идеология. Советы должны расширить свои функции по управлению, при чем эти функции должны захватываться ими революционным порядком* по мере того, как этого требовали интересы пролетариата, и в такой мере, как это позволяет его мощь, *частью подчиняя себе постепенно правительственные учреждения, частью же их вовсе уничтожая, пока вся власть не будет захвачена ими*. Эта идеология, идеология движения за советы, приобрела значение далеко за пределами промышленного пролетариата: весной 1919 г. большинство государственных чиновников, частных служащих, лиц, занимающихся умственным трудом, приняли участие в выборах в эти дни в советы. *Социал-демократическая литература также находилась под влиянием этого движения*. Александр Тойблер, который пережил в России первую фазу развития советов, формулировал теорию автономной экспансии советов в область управления. *Макс Адлер также приветствовал советы, как «органы перманентной революции»* [1]).

Таким образом, мы с бесспорностью устанавливаем, куда росло то *массовое внепарламентское движение* рабочих и солдат, которое Бауэр, мудрствуя, наименовал развитием «функциональной демократии»: оно росло *к захвату власти советами, к диктатуре пролетариата*. Частично на местах уже *«осуществлялась* диктатура пролетариата», свидетельствует Бауэр.

А в какую сторону направлялась политика социал-демократии? *По* линии развертывания сил этой «функциональной демократии», *по* линии борьбы за власть советов? Нет,—*против*, за *свертывание* массового движения и советов, за *подавление* внепарламентской демократии. Вот как Бауэр описывает «прозедение» австрийскими социал-демократами столь широко возвещенных ими «принципов функциональной демократии»:

«Руководители пролетарских организаций должны были *добиться сочувствия масс к правительственной политике*, основы коей были выработаны ими совместно с членами правительства, и *побудить массы к отказу от требований*, выходящих за пределы постановленного. Они должны были раньше всего добиться согласия и сочувствия доверенных людей партии, профессиональных союзов и рабочих и солдатских советов. Эти доверенные люди должны были выполнять *самую тяжелую и самую важную работу*. Они должны были проводить *перед массами* в пред-

1) Там же.

приятиях политику организаций. На ораторской трибуне перед чрезвычайно возбужденными массами выступал представитель партии, фабрично-заводского комитета, солдатского совета. *Массы были недовольны.* Они требовали больше того, что им мог дать их уполномоченный. *Массы призывали к насильственным решениям.* Уполномоченный говорил о хозяйственной нищете республики, о ее зависимости от иностранных держав, об опасностях конфликта с всесильным заграничным капиталом. *В зале бушевали голод, отчаяние, страсти,* на трибуне же—анализ экономических возможностей, знакомство с международным положением, которое обословливает ход революции, призыв к благоразумию и чувству ответственности. *Это была тяжелая борьба,* борьба, которая прод'являла к доверенным лицам партии и профессиональных союзов не только высокие интеллектуальные требования, но и высокую моральную готовность бесстрашно противопоставить себя своим же товарищам во имя великого дела, *переносить от возбужденных людей ругань; жалобы, временами даже угрозы и оскорбления,* решительно проводить в упорной борьбе с отчаянием и возбуждением все то, что признано нужным.

«*На таких собраниях в предприятиях и казармах были отражены наиболее ожесточенные атаки большевизма.* Посредством этих собраний была постепенно *восстановлена упавшая дисциплина.* На таких собраниях *улаживались стихийные стачки* и восстанавливались *порядок и дисциплина,* когда голод и возбуждение толкали массы на бесчинства и насилия. История этих собраний в предприятиях и казармах представляет собой *внутреннюю, духовную историю немецко-австрийской революции.* Буржуазия, которая едва ли заметила этот процесс внутреннего самоограничения рабочего класса, *не поняла этой внутренней истории революции*» [1]).

Вот она «*самая* тяжелая», черная работа социал-демократов! Они должны были (это было *тяжелее всего!*) «добиться сочувствия масс» к правительству Реннера, а для этого надо было во что бы то ни стало *переломить массу,* принимая на свою «честную» (лакейскую) грудь удары масс, «ругань», «угрозы и оскорбления» (!). Социал-демократические «доверенные люди» (эта «духовная аристократия» рабочего движения!)—*вот кто,* в действительности, *спасал* капиталистический строй от крушения во время социальной бури, вот кто восстанавливал «порядок и дисциплину», вот кто штрейбрехерствовал, срывая стачки, «самоограничивая» (!) рабочий класс! А буржуазия еще смеет высказывать черную неблагодарность социал-демократам,—это ли, в самом деле, не «возмутительно»?! И Бауэр пишет:

«Оборонительная борьба против большевизма являлась в Немецкой Австрии не классовой борьбой буржуазии с пролетариатом, а борьбой внутри рабочего класса. Буржуазия без всякого понимания и влияния следила за этой борьбой. После *она пыталась истолковать ход событий таким образом, что Вену спасла венская полиция, ее шеф Шобер. Это—глупая легенда!* Уже в «великий четверг» и 15 июня *не полиция, а лишь Народная армия* смогла восстановить порядок, и *это были действия только небольшого меньшинства пролетариата!* (Это крайне ценное признание! *В. А.*). *Если бы рабочие и солдатские советы высказались за диктатуру советов, то в их распоряжении находился бы весь рабочий класс,* организованные во времена Октябрьской революции из рабочих вооруженные дружины, Народная армия, городская охрана и железнодорожная жандармерия. Буржуазия не могла бы оказать ни в Вене, ни в промышленных областях Нижней Австрии какое бы то ни было сопротивление; *полиция была бы совершенно бессильной. Атака большевизма была отбита лишь путем борьбы внутри рабочих и солдатских советов.* И исход этой борьбы был решен не при помощи оружия а лишь путем идейной борьбы. *Мудрое руководство Фридриха Адлера рабочими советами, а Юлиуса Дейча и его друзей солдатскими советами решило исход этой борьбы.* Эта победа над большевизмом означала победу немецко-австрийской революции» [1]).

[1]) Стр. 181.

Положительно, австрийская буржуазия лишена чувства признательности: как можно было прогонять от власти социал-демократов, когда они так «на совесть» *честно* и неподкупно ей служили, будучи *совершенно незаменимы в борьбе с рабочим классом?..*

«*Всякая революция должна защищать темп своего развития от масс, исполненных революционных страстей, от масс, пытающихся перешагнуть за пределы возможного при данных условиях, за пределы достижимого и поддающегося осуществлению при данных исторических условиях*»,—высокопарно «обосновывает» Отто Бауэр свое позорное предательство по отношению к массам рабочего класса. В этой «установке» австро-марксизм—весь, как на ладони. Здесь речь идет не о борьбе с путчизмом, с преждевременными выступлениями отдельных групп в несозревшей для победы обстановке. Здесь сформулирована «философия» борьбы социал-демократов (и даже «небольшого меньшинства пролетариата») *со всем рабочим классом своей* страны.

Подоплеку всей своей теории «функциональной демократии» Бауэр ярко вскрывает в дальнейших строках. Революция должна «защищать темп своего развития от масс», «но, — продолжает автор,—коалиционное правительство немецко-австрийской революции *не владело никакими средствами насилия* (так вот в чем «секрет»! *В. А.*) для того, чтобы подчинить себе преисполненные революционными страстями массы» [2]).

«*Лишившись средств насилия против своих подданных, немецко-австрийское правительство могло править, лишь поддерживая с ними ежедневный и ежечасный контакт. Слабость возникшей из революции государственной власти* **навязала** *ей эти методы управления*» [3]).

Это значит, что не будь Реннеры и Бауэры так *слабы,* будь у них *больше* власти, чем это было в действительности, будь в их распоряжении «*средства насилия*» над массой,—то они посылали бы «ежедневно и ежечасно» на предприятия и в казармы не «доверенных людей», для идейного воздействия, а *отряды жандармов и карательные команды* для операций несколько иного рода. Только *слабость* правительства Реннера «**навязала**» ему методы «функциональной демократии».

[1]) «Австр. революция», стр. 138. ГИЗ.
[2]) Там же, стр. 182—183. Рус. пер.—стр. 178—179.
[3]) Там же, стр. 186. Рус. изд.—стр. 182.

Этим признанием Бауэр снял с себя, что называется, «все исподнее» и остался, «в чем мать родила». После этого всякий увидит, что австро-марксизм является лишь *скрытой* формой «носкизма», скрытой идеологией *насилия* и палачества по отношению *к рабочему классу*. И представители этой идеологии еще смеют упрекать большевиков в насилиях *над буржуазией*!

Австро-марксистам удалось свести советы в Австрии на-нет, с помощью буржуазии потушив пламя массового революционного движения. Советы «постепенно превращались из органов революционного наступления в органы управления народным хозяйством (?—как будто бы они могли «управлять» хозяйством, остававшимся всецело в руках капиталистов! *В. А.*), в органы политической и классовой борьбы»,—так Бауэр повествует о *вырождении* революционных массовых организаций благодаря деятельности в них социал-демократов. Социал-демократическая идея о «дополнении» парламентаризма «функциональной демократией» состоит в том, чтобы, по меньшей мере, низвести революционные внепарламентские организации рабочих к уровню обычных повседневных организаций всех других классов буржуазного общества, сделав их подпорками буржуазной демократии и буржуазного правительства.

Дополним обрисованный нами портрет социал-демократической «функциональной демократии» еще только одним характерным штришком. Уделяя так много внимания «процессу превращения рабочего-скота в свободную личность», Бауэр приводит пример, как в бауэровско-ренперовской Австрии 1918—20 годов происходил такой процесс превращения:

«Крушение монархии уничтожило все авторитеты в государство и обществе. И если пал самый старый и самый могущественный авторитет, то теперь каждый начальник в своем бюро, каждый управляющий на своей фабрике и каждая хозяйка на своей кухне почувствовали, что их авторитет сильно поколебался. Буржуазные дамы рассказывали негодуя, а мужчины с сарказмом, анекдот о кухарке, которая сказала своей хозяйке: «Я не допущу, чтоб вы мне предписывали, как мне готовить. Мы живем теперь в республике, и я умею готовить лучше вас». Но для сарказма не было оснований» [1]).

Кухарка, которая «пробудилась» для того, чтобы *«лучше готовить»* своим господам,—это ли не эмблема идеальной для австро-марксизма «свободной личности»?

Вождь большевизма и международного пролетариата Ленин говорил: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». А Бауэр говорит: «Каждая кухарка да научится вкуснее готовить своим господам». Кто о чем...

---

[1]) «Австр. рев.», стр. 181.

Мих Каценеленбоген.

Об „уклонах" в национальной политике ВКП(б).

(По «достоверным материалам» оппозиции).

Логика борьбы, необходимость сколотить «собственную» программу для собственной партии—заставила оппозицию в свою платформу (которая должна была сыграть почетную роль этой программы) включить и такие вопросы, о которых один-два года назад оппозиция и не заикалась. Членораздельно обвинение партии в неправильной линии по национальному вопросу как будто бы было произнесено не так давно, на заседании президиума ЦКК летом 1927 года, когда устами тов. Зиновьева оппозиция возвестила об «ошибках» и «беспринципности» партии и ее ЦК в национальной политике. Затем в устных выступлениях оппозиции и ее печатных документах (платформа) еще более округлились и оформились мнимые ошибки и вымышленные уклоны в национальной политике ВКП(б).

Основные обвинения оппозиции сводятся к следующему: *решения XII с'езда и IV национального совещания (1923 г.) не выполняются*: «Дело за последние годы развивается в прямо противоположном направлении» (этим решениям). «Бюрократизм, опираясь на великодержавный шовинизм, сумел испортить отношения между центром и окраинами». *«В области нашей национальной политики, как и в других областях, необходимо вернуться на ленинские позиции»* [1]).

Верная своему традиционному стилю, оппозиция и в этом вопросе не считает нужным, в подтверждение всех своих многочисленных обвинений, привести хоть какие-нибудь факты (к чему *«напрасный» труд?*). *Загипнотизированная собственными измышлениями* и своей общей «установкой» об отходе партии от ленинских позиций, оппозиция пытается подменить то, что есть, тем, что было бы, сжели бы оппозиционный сон (мягко выражаясь), стал явью. Партия идет к гибели—это «факт». Какие же вам еще факты нужны? Кто сему не верит, тот термидорианец, бюрократ, чиновник. Поскольку обвинения идут по всем линиям национального строительства, попытаемся сопоставить решения XII с'езда и IV нацсовещания с тем, что на деле имеется к X годовщине Октября, для проверки правдивости оппозиционных обвинений партии в ее отходе от ленинских позиций в национальном вопросе.

Начнем с *вопросов хозяйственной политики*.

«Преодолеть его (процесс фактического национального неравенства. *М. К.*) можно лишь путем действительной, длительной

---

[1]) Курсив наш. *М. К.*

помощи русского пролетариата отсталым народам союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния». (Резолюция по национальному вопросу XII с'езда партии). Перечислим наиболее важные решения о формах хозяйственной помощи, вынесенные IV нацсовещанием в осуществление решения с'езда: «1) возможное обеспечение землей местного трудового населения за счет госземфонда; 2) усиление ирригационных работ; 3) доступный сельхозкредит местному населению; 4) всемерная помощь кооперации».

Оппозиция утверждает, что решения XII с'езда и IV нацсовещания о борьбе с экономическим и культурным неравенством национальностей Союза не выполняются. Проверим это на фактах *об обеспечении землей местного трудового населения.*

Партии, благодаря укреплению ее позиций во всей стране, и в частности на окраинах, удалось не только провести наделение местного трудового населения землей из *госземфонда*, но и провести *земельную реформу* в целом ряде национальных районов (Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Казакстан). Эта реформа ликвидировала хозяйства помещичьего типа, лишила значительных земельных излишков зажиточно-байскую группу кишлака и аула. Эта реформа лишила земли среднюю и крупную городскую торговую буржуазию. В итоге этой реформы, по двум лишь республикам (Узбекской и Туркменской) наделено землей свыше ***100 тыс. хозяйств*** бедняков и батраков. В Казакстане, в итоге передела сенокосных и пахотных угодий, значительно улучшились и увеличились земельные наделы бедноты. Может быть, «отход партии от ленинских позиций» и заключается в том, что, благодаря успешно проведенной реформе, был нанесен не только сокрушительный удар по остаткам феодализма, но удалось значительно продвинуться и по пути наступления на капиталистические элементы деревни.

Может быть, «отход» заключается в том, что, не ограничиваясь наделением бедноты землей, советская власть сумела снабдить многих землеустроенных инвентарем (отпуск средств на инвентаризацию лишь по республикам Средней Азии превышает 8 миллионов), семенами и тракторной вспашкой.

Весьма знаменательны, в данной связи, и данные об ирригации.

«Орошение важнее всего, оно пересоздаст край, возродит его, укрепит переход к социализму» [1],—писал Ленин. Проверим отпуск средств на ирригацию по годам, взяв за отправной пункт 1922—23 г. и конечный—10-ю годовщину Октября:

Ассигнования по фонду ирригации [2] (особые кредиты на ирригацию).

	Средняя Азия	Закавказье
	(В тысячах руб.)	
1923/24 г.	6.485	1.464
1924/25 г.	12.214	3.245
1925/26 г.	24.000	7.000
1926/27 г.	27.326	8.925

Рост ассигнований более чем в четыре раза по Средней Азии и еще больший по Закавказью,—разве эти факты по достаточны

[1]) Письмо к коммунистам Грузии, Азербайджана, Армении, Дагестана и горских республик (1921 г. Соч. т. XVIII).

[2]) Данные водной секции Госплана.

для ответа на вопрос, выполнялась ли директива IV национального совещания об орошении национальных районов?

Посмотрите, далее, на данные о кредите. Прежде всего о *размерах* кредита.

Направление целевых кредитов (в тыс. руб.) [1]).

	ЗСФСР	БССР	Узбекистан	Туркменистан	Россельбанк (по 14 автон. респ. и област. РСФСР).
1923/24 г.	1.368	687	1.266		3.677,25
1924/25 г.	5.625	3.976	3.881		—
1925/26 г.	5.567	3.890	1.161,43	2.435	—
1926/27 г.	6.995	5.786	—	—	21.886

Рост по годам, если взять 1924—25 г. (первый год нормальной деятельности ЦСХБ) за сто процентов, в 1925—26—112,2%, 1926—27 г.—184,9%. На одно крестьянское хозяйство по линии сельхозкредита отпускалось:

в Узбекистане	12 р. 85 к.
» Таджикистане	16 р. 93 к.
» Туркменистане	27 р. 94 к.
» Киргизии	13 р. 58 к.
В среднем по Союзу	8 р. 40 к.

Ставки на целевые ссуды крестьянства устанавливались:

до 1/XII—25 г. — по долгосрочным 8%,	краткоср. —	11—12%
после 1/XII—25 г. » » 6%	»	10%

Кредит все еще дорог. Ряд решений партии говорит о необходимости серьезной борьбы за дальнейшее удешевление и улучшение кредита, но отсюда отнюдь не следует, что сокращение на 2% не является серьезной победой партии по удешевлению кредита.

Наконец, о направлении кредита по отдельным социально-экономическим группам. Обвиняя партию в кулацком уклоне в вопросах направления сельхозкредита, оппозиция естественно заостряет этот вопрос в отношении национальных окраин.

Вот данные о направлении кредита по ряду республик.

Туркменистан.

Распределение заемщиков (в процентах).

По посеву	Колич. заемщиков	Сумма остатков ссуд на 1/X—26г.	По рабскоту: Наличие рабскота	Наличие х-ств. получ. кред.	Сумма остатков ссуд на 1/X—26г.
Беспосевные	0,2	0,2	Без раб. ск. и с 1 гол.	89,9	94,2
С посевом до 1 дес.	76,3	75,3	С 2 гол.	8,6	4,4
» » от 1—2 дес.	22,2	23,1	» 3 »	1,1	0,9
» » » 2—4 »	1,3	1,4	» 4 и выше	0,4	0,5

[1]) Данные ЦСХБ.

Узбекистан.

(Данные за 2 и 3 кварталы 1927 г. в проц.).

	Кол. заемщ.	Всех кредитов
Беднота	73,9	69,7
Середняки	25,4	29,3
Зажиточн.-байская группа . .	0,7	1

Чувашская область.

(Данные обследования 186 хоз-ств в 1927 г. в проц.).

	Среди заемщиков	Ко всему кредиту
Бедняки	51,5	44,8
Середняки	43	47,6
Зажиточные	5,5	7,6

Взяв для примера две союзные республики и одну автономную область, мы сознательно выбрали более отсталые районы, чтобы показать, что даже там, где сравнительно сильнее влияние кулака, слабее кредитный, кооперативный и советский аппарат, основная масса кредитов направляется в бедняцко-середняцкие слои деревни так же, как и по всему Союзу. *Есть и серьезнейший недостаток*, заключающийся в том, что имеется некоторое недокредитование бедноты и перекредитование кулака. *С этим злом надо решительно бороться*. Об этом говорят тезисы ЦК по работе в деревне. Но разве отсюда следует умаление *основного, решающего факта*, что подавляющая масса кредитов идет *к бедняку и середняку* и что удельный вес кулака к общей сумме кредитов ничтожный.

В отношении роста *кооперирования* населения точно так же имеются большие достижения. По всем нацрайонам Союза по линии потребкооперации % кооперированности выражался в 1924 г.—11%, в 1927 г.—24%.

По линии сельхозкооперации, в связи с проведением специализации системы и в особенности благодаря политике контрактации, кооперирование па много выше (напр., по республикам Ср. Азии кооперировано 56% хозяйств, что выше среднего процента по РСФСР).

Значителен рост собственных средств. Так, в республиках Ср. Азии по линии потребкооперации собственные средства увеличились на 127% за последний год. Увеличились и обороты.

В чем же заключается «отход» партии от ленинского пути кооперативного строительства? Оказывается, если верить оппозиционному канону «отход» заключается в том, что «*хозорганы без конца расширяют систему частного и бюрократического посредничества между промышленностью и крестьянством, поставщиком сырья*» [1]). И хуже того—«хозорганы (? *М. К.*) направляют кооперативное строительство в сторону обслуживания преимущественно богатых слоев деревни». Вместо «придирок» к тому, что, увы, и эти обвинения не сопровождаются никакими доказательствами, перейдем к освещению истинного положения вещей. Несколько цифр в связи с первым обвинением.

[1]) Курсив наш. *М. К.*

Заготовка табака по всем районам Союза (в проц.).

	Кооперация	Госорганы	Непосредственно
1923 г.	39	36,2	24,8
1927 г.	62,16	5,37	25,47

Заготовка табака по Абхазии (в проц.)

	Кооперация	Госорганы	Непосредственно
1923	34,9	51,8	13,3
1926	79,92	19,8	0,90

Заготовка хлопка по Узбекистану (в проц.) [1])

	Законтрактовано (через кооперацию)	Вольные посевы
1924 г.	88,3	11,7
1927 г.	96,8	3,2

По Туркменхлопку законтрактовано через кооперацию *96%* всех посевов (на 1926—27 г.), по Закхлопкому—*96,6%*.

По линии заготовки *шелка* в 1927 г. кооперацией снято 75% всего урожая коконов.

Оказывается, факты по «совсем» сходятся с «охотничьими рассказами» оппозиции. Оказывается, «частный и бюрократический посредник», который без конца «расширяется и насаждается хозорганами между промышленностью и крестьянством», это—...кооперация. Ведь 95% законтрактованного хлопка идет по генеральному договору Главхлопкома и хлопковой *кооперации*. То же по шелку. О том же говорят кооперативные заготовки табака. Так в чем же дело? Если кооперация, по мнению оппозиции, — частный, бюрократический посредник, почему *так* и не сказать вместо того, чтобы декорироваться? Теперь по поводу утверждения об обслуживании кооперацией преимущественно богатых слоев населения. Направление основной массы кредита бедняцко-середняцким слоям деревни (что доказано изучением этого вопроса целым рядом организаций и учреждений) само по себе является не последним ответом на вопрос, кого обслуживает кооперация на селе. Проверим этот же вопрос на опыте работы хлопковой кооперации.

Вот данные по Узбехлопкому, об'единяющему до 75% посевов всего союзного хлопка, и по Туркменхлопку.

Распределение хозяйств по посевам на 1927г.

(в процентах)

Размер посева	Узбекхлопок	Туркменхлопок
	Количество посевов	
До 1 дес.	51,16	47,45
от 1 до 2 дес. . . .	32,52	40,65
» 2 » 3 » . . .	10,12	8,89
» 3 » 5 » . . .	4,62	2,63
Свыше 5 дес. . . .	1,58	0,38
	100	100

[1]) Данные Главхлопкома.

Количество хозяйств по этой же группировке дает еще меньший удельный вес группе свыше 5 дес. (Узбекистан—0,16, Туркменистан—0,02).

Из этих цифр как будто бы ясно, кого обслуживает коопорация, куда идут авансы хлопкома, как обстоит дело с распределением хлеба по минимальным ценам, с сортовыми семенами, жмыхом и т. д. Оппозиция в своей платформе обстреливает также и *заготовительную* политику. Она утверждает, что заготовительная политика не приспособлена к задаче развития специальных культур бедняцко-середняцкими хозяйствами, в частности, хлопка в Ср. Азии, и табака в Крыму и Абхазии. Другими словами, оппозиция утверждает, что пролетарское государство способствует хозяйственному развитию не основной массы сельского населения нацрайонов, а ее кулацкой верхушке. Правда, при этом не указывается ни на один факт ни по одному району, но... разве недостаточно резко само по себе «авторитетное» заявление? Попытаемся все же помочь оппозиции и приложим к ее заявлениям — печатным и непечатным—несколько справок. Авось выводы «сойдутся». Остановимся на политике заготовки *хлопка*, критикуемой оппозицией.

Справка № 1. Согласно «Наказу» Узбекхлопкома на 1927—1928 г. «максимальная площадь посевов на одно хоз-ство допускается в 7 дес. при ручной обработке хлопчатника и 10 дес. при машинной» («Наказ» § 28, стр. 16).

Выше мы уже видели, каков удельный вес группы хозяйств с посевом свыше 5 дес. Подобные же наказы имеются и в Закхлопкоме и Туркменхлопкоме.

Но может быть, в итоге губительной заготовительной политики, уменьшаются из года в год посевы под специальные культуры, уменьшается урожайность и т. д?

Справка № 2. По Ср. Азии технические культуры составляли к общей посевной площади:

в 1914 году	22,9 проц.
» 1927 году	32,0 „

Технические культуры в 1927—28 г. достигают 113% довоенного (хлопок 110) при 83% общей посевной площади по Ср. Азии.

Рост посевов табака по Союзу выразился в 2 с лишним раза (36.400 десятин—против 17.281 десятин в 1924—25 г.).

Справка № 3. Посевы сортовыми семенами хлопка к общей посевной площади:

	Ср. Азия	Закавказье
1923 г.	1,8	2,09
1927 г.	61,2	46

Справка № 4. Урожайность с десятины хлопка:

1923 г.	46,5 пуд.
1927 г.	51,4 »

Не довольно ли справок по поводу пустого заявления? Для чего же понадобилось оппозиции подобного рода утверждение? Платформа отвечает указанием на неправильное назначение цен на технические культуры. Цены назначаются якобы без учета положения бедняцких и середняцких масс. Это-то огульное требование повышения цен и является основной приманкой. Только для кого? С большим удовольствием прочтут подобное заявление о неправильности политики цен Мустафа-Чекаевы и прочие белоэмигранты. Да и местные шовинисты не прочь будут водддержать подобную платформу оппозиции, так как они еще ранее оппозиции пробовали нажить капитал на этом деле. Но если оппозиционеры рассчитывают такого рода приманками поколебать кого-либо из лагеря нашей партии, то напрасны их труды. Может быть, отдельные националистически настроенные элементы и потянутся за этой приманкой, но национальные партийные организации в целом достаточно хорошо знают, куда направлена политика Союза. Освобождение на 50% от сельхозналога технических культур, борьба за поднятие урожайности и удешевление переработки сырья, политика контрактации,—все эти мероприятия направлены на улучшение положения основной массы (бедняцко-середняцкой) национальной деревни. Это—общеизвестные факты, которых не перекрыть парой не совсем свежих оппозиционных фраз (свежих разве только для оппозиции). Если же имеется в виду знаменитый рецепт «двух цен», то он разобран и «проработан» на деле давно уже в пользу оппозиции.

Обратимся теперь к вопросу *о национализации (коренизации) госаппарата, о классовой линии в советском строительстве.*

«Доказав» победу колонизатора и великодержавного шовиниста в экономической политике, оппозиция направляет свою критику дальше на политику национализации госаппарата и советского строительство. «Бюрократический режим передает фактическое проведение поверхностно-показной «национализации» госаппарата в руки чиновника, спеца, мелкобуржуазного учителя... Это отталкивает местную бедноту от партии и советской власти и бросает ее в об'ятия местной торговой буржуазии, ростовщиков, реакционного духовенства, феодально-патриархальных элементов». А отсюда вытекает, что решения XII с'езда и IV нацсовещания о неуклонной работе по национализации госаппарата не выполняются. Крепко, связно, звонко получается. Только одна заминка. А правда ли это? Нет ли и здесь повторения истории с частником, который всемогущ? Перейдем к фактам.

Наименование организаций	К общему составу, националы составляют в %%.				
	ВЦИК		УИК		Среди всего населения местных национальн.
	1924/25 г.	1925/26 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	
Украина	27,6	55,5	—	60	75
Азербайджан	—	68	—	75,2	71
Татария	58,9	55,1	54,3	54,5	48
Башкирия	46,7	48,9	46,5	47,2	46
Чувашия	88	81	85,7	73,5[1]	75

[1]) Сокращение чувашей произошло из-за присоединенного к Чувашии русского уезда (Алатырского).

Националы в составе выборных органов профсоюзов [1]).

	1924 год	1926 год
Азербайджан	32,4	39,6
Украина	40,1	49,9
Узбекистан	40	43,5
Татария	18,5	26,2

В отношении делопроизводства аппарат волостной, районный, уездный почти полностью перешел на язык основной национальности. Хуже обстоит дело с окружным и центральным аппаратом. Но и здесь ряд республик добился серьезных успехов. Напр., на Украине делопроизводство ведется на украинском языке в 85% центральных учреждений. Кто же ведает ответственнейшим делом национализации аппарата? Чиновник, спец, мелкобуржуазный учитель? Национализация, поскольку она в первую очередь проходит по линии выборных и ответственных звеньев аппарата, находится под непосредственным контролем партии (право, которое партию лишить не смогли не только чиновники, спецы, но даже учраспреды оппозиции). Мобилизация общественного мнения, внедрение плана коренизации в подготовку работников, установление твердой персональной ответственности руководителей учреждений за ход национализации, привлечение ко всему этому делу низовых органов профсоюзов и партийных ячеек, борьба за улучшение условий работы для вновь выдвинутых в аппарате националов,—все это должно значительно улучшить работу по национализации госаппаратов и обеспечить проведение классовой линии во всем этом деле. Если партийная ячейка, профсоюзы, советские организации,—все это—«чиновник» «спец», «мелкобуржуазный учитель», тогда другое дело, тогда так и сказать надо. В таком большом и сложном деле, каким является национализация аппарата при условии одновременного разрешения задачи рационализации госаппарата и максимального вовлечения рабочих и крестьян в аппарат, не может не быть отдельных промахов и ошибок. Дело неизбежно осложняется и остатками великодержавного шовинизма, крепко сидящими в головах известных слоев нашего аппарата. И десятка лет мало для перевоспитания всей массы старых царских чиновников, в особенности в условиях национальных республик. Тяжелый дух идет порой и от некоторых слоев мелкобуржуазной интеллигенции, сидящей в нашем аппарате. А при незначительном проценте грамотных в большинстве национальных районов нам полностью от всех этих элементов в ближайшие годы не избавиться. Тем отраднее, что, невзирая на все эти трудности и вопреки им, благодаря упорнейшей работе партии, в деле национализации госаппарата нацреспублики продвигаются вперед. Проводятся курсы подготовки работников, быстро растет вовлечение националов в школы низшие, средние, высшие. Вот пара примеров: по Узбекистану за один год количество учеников из националов выросло на 30%, в Казахстане за два года—на 64,7%, в составе вузов по Татарии, вместо 9,7% татар в 1925 г.,— 14,6% в 1927 г. В институтах Украины, вместо 31,3% в 1924—25 г.,—50,9% в 1926 г. Растут кадры рабочих из местных национальностей, в итоге правильной политики по проведению решения XII с'езда партии о строительстве местной промышленности и индустриализации отсталых районов (строительство хлопковых заводов, шелкомотальных фабрик, Ганжа в Закавказье, текстильные фабрики в Ср. Азии и т. д.) [1]) при усилении вовлечения рабочих местных национальностей в уже существующую промышленность. Так, во Казакстану за последние два года число рабочих местных национальностей увеличилось в производстве на 52%, по Узбекистану—на 49,3%, по Татарии—за последний год—на 11,9%, за это время по Азербайджану—на 15,9%.

Однако, несмотря на политический и хозяйственный рост, задачи остаются более чем сложными. И недаром вопросы национализации аппарата, школьного строительства и расширения кадров местного пролетариата все время находятся в центре внимания местных парторганизаций. Недаром ЦК ВКП провел специальное обследование состояния этой работы в нацрайонах. *Большим, тяжелым, упорным трудом здесь даются маленькие победы.* Но тем противнее оппозиционная ложь. Одни оппозиционеры не видят того неоспоримого факта, что не чиновник и не спец, а *партия*, опираясь на трудящиеся массы национальных окраин, воспитывает и организует кадры рабочего класса и бедняцко-середняцкого актива, что дело национализации аппарата, дело большего вовлечения масс в управление государством и приближения аппарата к массам идет под руководством партии. В своем обвинительном акте оппозиция требует «добросовестного» проведения национализации аппарата. Как-то *недобросовестно* звучит это слово в ее устах.

Наконец, еще об одном оппозиционном «сказании» по советскому строительству. По утверждениям оппозиции, в этой области нет должной ставки на бедняка и середняка. Эксплоататорские элементы не лишаются избирательного права, а потому необходимо «безусловно лишить избирательных прав эксплоататорские элементы». Ограничимся приложением нескольких справок к оппозиционным безапелляционным истинам.

---

[1]) «Материалы к XV с'езду ВКП. Отчеты отд. ЦК ВКП». Госиздат, 27 г.

---

[1]) Приведем несколько цифр о росте промышленности в «подтверждение» оппозиционной лжи, по поводу невыполнения директивы XII с'езда об индустриализации нацокраин.

Расходы на промышленное строительство *выросли* за 1 год, по данным НКФ СССР и РСФСР, с 1925/26 г. по 1926/27 г. (в проц.).

	Промышленность	Электрификация
Украина	на 240	на 92
Узбекистан	» 132,4	» 5
Белоруссия	» 281,3	» 27,3
Закавказье	» 212,57	» 160,7

По всем автономным областям и республикам РСФСР рост капитальных затрат за этот же год на 75,4%. По сравнению с затратами на всю промышленность РСФСР затраты на промышленность по автономным областям и республикам составляли:

В 1925/26 г.	6,6	
» 1926/27 г.	8,6	
» 1927/28 г.	10,1	(контрольн. цифры)

Кроме этих средств следует еще учесть местный бюджет и банковские кредиты на промышленность.

Справка № 1[1]). Лишение избирательных прав.

	1926 г.	1927 г.		1926 г.	1927 г.
	(в процентах)				
Грузия	1,7	4,9	Украина	1,4	4,6
Армения	0,9	4,9	Туркменистан	1,9	2,2
Азербайджан	2,3	8,1	—	—	—

По автономным республикам и областям РСФСР[2])

1926 г.	1927 г.	
1,1	3,9	(При 3,1 по губерниям и округам РСФСР)

Не правда ли—«за последние годы» и здесь виден громадный «отход» от ленинских позиций?

Справка № 2.

Беря за критерий освобождение от сельхозналога, получаем следующий процент освобожденных от налога в соворганах:

	Сельсоветы	Предсельсоветы	ВИКИ
	(в процентах)		
1926 г.	10,6	8,8	11,9
1927 г.	21,8	19,7	23

Состав предвиков

1926 г.	2,2
1927 г.	17,8

Как будто бы и здесь не назад и не в сторону видны следы партии.

III. Вопросы внутрипартийного строительства.

Обстреляв партийные позиции в политике по национальному вопросу, оппозиция подвергает враждебной критике и *внутрипартийное строительство.* Стоит ли здесь жалеть красок? Разве в борьбе с партией существуют недопустимые средства?

«Одной из коренных задач партии является выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения коммунистических организаций национальных республик и областей» (IV нацсовещание). «... Между тем за последние годы дело развивается в прямо противоположном направлении» (платформа оппозиции). «Назначаемые секретариатом ЦК верхушки нацпартаппарата берут на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников, как коммунистов II разряда». «Искусственное разделение работников на правых и левых применяется, как система, для того, чтобы назначенные из центра секретари могли бесконтрольно командовать обеими группами». «Бюрократический режим оттесняет на задворки подлинные коммунистические элементы националов» (платформа). Атака решительная. Но снова гложет червь сомнения. А вдруг и в этой атаке ружья без пуль и вонь без огня? Начнем с нескольких цифр.

---

1) Данные ЦИК СССР.

2) «Итоги выборов в советы РСФСР в 1927 г.»—издание Центризбиркома.

Состав парторганизаций. За последние два года нацпарторганизации выросли на 40,5%. Темп роста по ряду республик выше общесоюзного. Вместо 30,6% к общему составу ВКП в 1925 году, нацпарторганизации составляют к 1927 г. 33%. Этот рост сопровождается значительным увеличением числа коммунистов из основных национальностей, абсолютным и относительным. Напр., Украина: на 1/I—25 г.—36,9% украинцев, 1927 г.—51,6%; Казакстан: вместо 23,9% казаков—34,1%; Татария: вместо 28,8—32,2%. В выборных органах партии также заметно увеличился удельный вес коммунистов из местных национальностей.

Вот данные по ряду организаций[1]).

Пленумы, нац. окркомов укомов, кантонкомов, райкомов.	1925 г.	1926 г.	Пленумы нац. окркомов и губкомов.	1925 г.	1926 г.
Украина	44,9	48,8	Казакстан	35,5	45,5
Узбекистан	55,3	61,2	Татария	42,5	49
Азербайджан	55,4	56,1	—	—	—

По ряду парторганизаций процент коммунистов из остальных местных национальностей в выборных парторганах выше их процентного отношения ко всей парторганизации. Напр., в Азербайджане в партии тюрков 39,7%, в горрайкомах—40,2%, в укомах—72%. В Узбекистане в партии узбеков 46,1%, в составе пленумов ОК—61,2%, в райкомах—52,4%.

Но оппозиция утверждает, что все решается исключительно «верхушкой». Посмотрим состав рабочего аппарата (рабочих троек) по ряду парткомов: Азербайджан националов—68,7%, Татария—50%, Узбекистан—41,5%, Украина—41,6%.

Но ведь как известно, основное зло, по оппозиционной библии, идет от секретарей. Мало ли что в рабочем аппарате до 50% националов, все ведь решается секретарями. Но, ведь вот незадача какая! По всем ЦК, Крайкомам и ОК (23 организации) к XIV с'езду было секретарей-националов *58%*, в настоящее время—*63%*. Не могут же сами 63% секретарей-националов себя отстранять от руководства. Оказывается, это делают остальные 37% ненационалов, рассматривающих первых как коммунистов второй категории. Каким же путем? И на сей счет есть готовый ответ у оппозиции: путем искусственного разделения сверху местных коммунистов на «правых» и «левых». В своих предложениях оппозиция требует отказа «от принудительного деления коммунистов на «правых» и «левых». Вот ведь как все «гениально» просто. И было все хорошо, и не было ни «левых», ни «правых», *вдруг, за последние годы* в результате ряда манипуляций ЦК родились «левые» и «правые». Да еще не только в искусственном, но даже *принудительном* порядке. Обвинение настолько абсурдное, что его и опровергать не следует. Однако, несколько памяток приведем:

«Тут *нельзя не затронуть* еще раз вопроса о правых и левых, что я и хочу сделать». (Речь т. Зиновьева на IV нацсовещании).

---

1) Все приводимые в этом разделе цифры взяты из «К XV с'езду ВКП(б). Отчеты отделов ЦК». ГИЗ, 1927 г.

«Мне хотелось бы в заключение сказать, что между нашими правыми и левыми товарищами разных национальностей *наступит сближение*». (Заключительное слово т. Каменева перед закрытием IV нацсовещания).

«Некоторые из ваших многоуважаемых левых пытались здесь все это истолковать, будто бы это некоторый капитал в пользу левого «непримиримого» крыла. Это обстоятельство показывает, что именно в «левую» сторону нужно бить и бить серьезно, ибо эта опасность очень велика». (Речь т. Троцкого на IV нацсовещании).

Выходит, что «левые» и «правые» не только не выдумка последних лет, но уже *в 23 году* обсуждался вопрос о борьбе с обоими уклонами. Одного пожелания т. Каменева, чтобы не стало «левых» и «правых», маловато для ликвидации обоих уклонов. Потребовались годы упорной работы над выращиванием коммунистических организаций из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения, кропотливая работа над выращиванием кадров, чтобы на фоне роста пролетариата из местных национальностей и общего укрепления народного хозяйства в в нацрайонах при могучей поддержке союзного пролетариата—добиться решающих успехов в большевизации нацпарторганизаций, создания большевистских интернационалистских кадров (к несчастью, все еще немногочисленных), стирающих грани вчерашних группировок левых и правых, впитывающих в себя все лучшее из обоих течений и получающих большевистскую закалку в повседневной борьбе с осколками этих двух уклонов. Потребовались годы, чтобы правильной политикой, намеченной рядом с'ездов партии (X, XI, XII), в основном преодолеть эти уклоны (в основном, но и на сегодняшний день не полностью). Что, кроме насмешки, может при этом вызвать глупое обвинение партии в «принудительном» делении сверху на «левых» и «правых»? И, наконец, для кого написаны слова о «подлинно коммунистических элементах», которые оттесняются на задворки и преследуются? Не для обиженных ли историей, неисправимых групповиков из бывших «правых» и «левых», не принявших большевизма, не перевоспитавшихся за все эти годы, не на буржуазных ли и мелкобуржуазных националистов рассчитана вся эта немудрая «философия»?

Эти слова, несомненно, рассчитаны также на дезориентацию отдельных товарищей, незнакомых в должной мере с положением дел в нацокраинах. Но этот номер не пройдет: все равно не поверят.

Много трудностей на пути полного выполнения основного лозунга партии об уничтожении экономического и культурного неравенства отсталых народностей Союза. Победы значительны, но и победы в свою очередь выдвигают новые задачи (проведение земельно-водной реформы, количественный рост парторганизаций, необходимость значительного расширения сети партийного просвещения). При безусловно правильной партийной линии во всех вопросах национальной политики и на сегодняшний день остается ряд неотложных, все еще не полностью разрешенных задач. Во всю широту продолжает стоять проблема индустриализации национальных районов, дальнейшего расширения кадров пролетариата из местных национальностей и—что также не маловажно—поднятия квалификации втянутых в производство рабочих-националов (*здесь достигнутые успехи явно недостаточны*).

Необходимость максимального приближения госаппарата к массам требует усиления *темпа* и дальнейшего улучшения *качества* работы по рационализации всего государственного аппарата, *при решительном втягивании рабочих и крестьян* (бедняков и середняков) в дело управления. Привлекая и впредь к работе госаппарата честных работников из местной интеллигенции, следует еще более заострить вопрос о полном изолировании госаппарата от сохранившихся местами в аппарате национал-шовинистических элементов, выходцев из торговой буржуазии, духовенства, представителей реакционной интеллигенции, всячески пытающихся перекинуть мостки от госаппарата к кровно связанным с ними врагами советской власти (пантюркисты, панисламисты, украинские шовинисты- «западники» и т. д.).

Ведущаяся партией упорная борьба с остатками русского колонизаторства и попытками его возрождения еще не означает, что этот поганый червь прошлого не делает время от времени попыток выползти, высвободиться из-под давления пролетарской диктатуры. Через нэпмана, через русского кулака он всячески пытается срывать, тормозить национальное строительство. Эти поползновения и впредь должны встретить должный ответ.

Нельзя также считать полностью разрешенной задачу обслуживания трудовых слоев национальных меньшинств в нац. республиках и областях. Положение, когда по ряду нацрайонов *оборонительный* национализм местной основной национальности превращается в национализм *наступательный*, завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик,—отмечено уже в решениях XII с'езда партии. Партия с этим уклоном вела и ведет решительную борьбу. Районирование, проведенное в ряде национальных республик и областей, выделение автономных районов из нацмен при районировании, перевод делопроизводства на язык нацмен в этих районах, расширение школьной сети для нацмен в нац. республиках,—все это в значительной степени способствует усилению обслуживания трудовых слоев нац. меньшинств. *Но вместе с тем эту задачу ни в коем случае нельзя и сейчас снять с повестки дня всей работы национальных парторганизаций. Дальнейшее втягивание трудящихся нацмен в госаппарат, в кооперацию, экономическая и культурная помощь им*—это дело, над которым придется работать и работать.

Успешное выполнение этих задач, в значительной мере зависит от успешности борьбы за дальнейшее укрепление и расширение большевистских кадров в нац. парт. организациях.

Оппозиционная клевета на нацполитику партии—еще одно лишнее препятствие на нашем пути социалистического строительства. Тов. Зиновьев на IV нацсовещании в 1923 году сказал по поводу соц.-демократов: «*Они закрывают уши, чтобы не слышать, и глаза, чтобы не видеть, какое великое движение поднято все же нашей революцией на Востоке*». Эти слова полностью могут быть отнесены к оппозиции в 1927 году. Партию не дезориентируешь парой звонких и пустых фраз. Партия устранила не мало препятствий на своем пути, и новое бревно, остервенело брошенное ей под ноги оппозицией, будет отброшено, как и прочие бревна, преграды и нечистоты, которыми оппозиция пытается «мостить» пути партии.

Мих. Глебов.

Кто ведет современную оппозицию?

„В том-то и беда, что „благие" намерения остаются в *лучшем случае* суб'ективным делом Карпа, Петра, Сидора, а *общественное значение* подобных заявлений безусловно и неоспоримо и никакими оговорками и раз'яснениями ослаблено быть не может".

(Н. Ленин, т. X, стр. 292.)

Процесс борьбы оппозиции с партией находится в той стадии, когда вся партия единодушно оценила выступления оппозиции, как об'ективно контрреволюционные, т.-е. пропитанные еще «добрыми» революционными намерениями, но контрреволюционные по своему общественному значению, по своим общественным результатам.

Мы говорим о *процессе*, стало быть, мы говорим об известном движении «*от*» «*до*». Мы еще верим искренности и «добрым намерениям» некоторой части оппозиционно настроенных товарищей, но мы не допускаем мысли, чтобы ответственные лидеры не отдавали себе достаточно ясного отчета в том процессе эволюции оппозиции, который *ведет* их в лагерь открытой котрреволюции.

Со времен Маркса мы знаем, как мало можно верить самооценкам политических деятелей, рассуждающих о себе и своих поступках и намерениях; но, с помощью той же марксистско-ленинской методологии, нам совсем не трудно оценить об'ективное общественное значение поступков действующих суб'ектов.

И именно руководствуясь этой методологией, мы можем утверждать, что современная оппозиция в целом дописывает, если не дописала, теперь последние страницы своих сколько-нибудь даже *суб'ективно*-революционных выступлений.

Контрреволюционное значение всех выступлений оппозиции слишком очевидно и бесспорно. *Перейдены все* границы *внутри*-партийных способов изживания партийных разногласий, многократно и вопиюще растоптаны постановления с'ездов, конференций и высших руководящих партийных органов, разорваны и оплеваны двукратные собственные обязательства о подчинении большинству, о сохранении единства, о роспуске фракции и т. д.

Но все же до недавнего времени еще можно было говорить, что ослепленные фракционной страстью вожди оппозиции руководствуются лучшими революционными намерениями.

Но ноябрьские выступления оппозиции (собрание в МВТУ и ряде других мест, апелляция к беспартийным с целью срыва ноябрьской демонстрации и раскола рабочей массы) и разоблачения Кузовникова—увы! рассеивают и эту иллюзию.

Давно было пора,—а теперь особенно необходимо,—поставить вопрос о перспективах развития внутрипартийной борьбы. Давно пора поставить вопрос и о том, куда ведут оппозиционные вожди те незначительные единицы отдельных членов нашей партии, которые еще, может быть, верят в чистоту намерений своих лидеров.

Обзор эмигрантской и буржуазной прессы дает достаточный ответ на этот вопрос. Достаточно посмотреть только на эмигрантскую прессу, чтобы почувствовать наглеющую третью силу. Можно смело утверждать, что ни международное, ни внутреннее положение нашей республики, ни обострение отношений нашего государства с капиталистическими странами, ни естественные хозяйственные затруднения периода реконструкции народного хозяйства не вызывают таких надежд на реставрацию, как именно небывало наглые набеги оппозиции на нашу партию. Недаром именно этим вопросам уделяется изо дня в день огромное и первое место в эмигрантской печати—всеми этими «Возрождениями», «Послед. Нов.», «Рулями», «Соц. Вестниками» и т. д.

Нечего и говорить о том, что если современная оппозиция и имеет какой-нибудь социальный базис, то он находится вне рабочего класса, в массах мелкой и нэпманской буржуазии, сочувствующей, разумеется, оппозиции постольку, поскольку она подтачивает и разрушает самую основу диктатуры пролетариата.

Доказательства вряд ли нужны теперь, когда партия располагает таким обильным материалом в отношении саморазоблачившейся и обанкротившейся оппозиции.

Но, может быть, все это относится лишь к области *об'ективно* контрреволюционного значения выступлений оппозиции?

Достаточно знать, что *главные* надежды всего буржуазного мира на контрреволюционную реставрацию связаны с характером выступлений оппозиции, чтобы понять, что продолжение этой борьбы оппозиции неизбежно превращает последнюю в силу контрреволюционную и *суб'ективно*.

Вся социально-политическая «муть» концентрируется постепенно вокруг оппозиции. Сдавленная тисками пролетарской дисциплины внутри нашей партии, оппозиция прибегает в борьбе против партии к услугам темных политических дельцов, *звенья* от которых ведут в лагерь белогвардейщины. Упорство потерявшей социальный базис в рабочем классе кучки интеллигентов в борьбе с партией приводит и неминуемо приведет их к контакту с социальными отбросами, с враждебными диктатуре пролетариата элементами.

Вопрос слишком ясен. Процесс борьбы оппозиции с нашей партией находится в той стадии, когда *количество переходит в качество*, когда все обостряющиеся оппозиционные выступления, пропитанные «добрыми намерениями», превращаются в выступления *и об'ективно и суб'ективно* контрреволюционные.

Никогда, даже в самые острые моменты жизни нашей партии, в самых тяжелых условиях ее существования, оппозиционные формы борьбы против партии не доходили до таких безмерно наглых границ, до каких дошла современная троцкистская оппозиция. Она *затмила* штрейкбрехерские выступления Каменева и Зиновьева в 1917 г., она *превзошла* кратковременные выступления «левых коммунистов» в 1918 г., признавших свои ошибки перед

лицом всей партии и вернувшихся в ее ряды, она оставила далеко за собой вылазки с платформами оппозиции перед X с'ездом.

Где же причины таких выступлений против партии, которые граничат с выступлениями враждебных пролетариату сил, *чья* идеология может придавать *такой* глубоко враждебный партии характер, какой носит борьба современной оппозиции против партии.

В партии есть только одна—цельная по-своему, но совершенно чуждая партии—идеология, которая может *бесконечно далеко* завести всякого, кто за ней следует. Эта идеология символизируется именем, которое не сходит со страниц эмигрантской прессы, которое питает сейчас надежды всех злобно-враждебных нашей стране элементов. Это имя—Троцкий, эта идеология—троцкизм.

Величайший вред нашей партии наносят тт. Зиновьев и Каменев, променявшие положение большевиков-ленинцев на положение адвокатов Троцкого, когда по обязанности адвокатов они доказывают всей партии, что троцкизма нет.

В свое время сущность троцкизма хорошо понимал тот же Каменев. Он писал: «Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917, другой после 1917 г. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных, принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому т. Троцкий в партии систематически повторяет тип своих ошибок того времени, когда он был вне партии» («Партия и троцкизм»).

А теперь тот же тов. Каменев, вместе с тов. Зиновьевым, пытаются доказать всей партии по примеру содержателя захудалой кунсткамеры, что было два черепа императора Нерона—«один до «Камо грядеши», другой после «Камо грядеши», что было именно два Троцких: один до 1917 г., другой—после 1917 г.

А теперь Зиновьев и Каменев в заявлении 83-х пытаются доказать, что никакого троцкизма нет, что Троцкий признал свои ошибки и т. д.

Но разве не доказывал Троцкий еще в 1922 г., что «большевизм перевооружился»? Разве Троцкий не пытался дискредитировать ленинское руководство Октябрьской революцией, приписывая в «Уроках Октября» (1924 г.) собственной дальнозоркости и тактике победу в Октябре, «на три четверти, если не более», предопределенную днем 16 октября 1917 года, доказывая, что Ленин не мог из подполья оценить действительное положение вещей? Разве не говорил он там, что «восстание 25 октября имело только дополнительный характер»?

Так кто же, где и когда «перевооружился»?

По Троцкому, вопрос поставлен совершенно отчетливо: «перевооружился большевизм» и именно в 1917 г. Благодаря этому, по тому же Троцкому, ему не было надобности пересматривать свою тактику в вопросах русской революции. По концепции Троцкого, мы имеем два ленинизма: ленинизм до 1917 г. и ленинизм после 1917 г. «Синтез» ленинизма и троцкизма, происшедший в 1917 г. благодаря «перевооружению большевизма», позволил Троцкому идти вместе с Лениным.

Вся партия вместе с Каменевым думала, что Троцкого «съедала мысль—отроцкистить большевизм» и что «перед партией по отно-

шению к Троцкому... стояла прямо противоположная задача—«обольшевичить Троцкого» (Л. Б. Каменев «Партия и троцкизм»).

Вся партия вместе с Зиновьевым думала, что всякий раз, когда Троцкий выступает против партии, мы имеем «некий меньшевистский ренессанс», что в таких выступлениях «ничего другого, кроме меньшевистского рецидива... нет». (Речь т. Зиновьева на пленуме ЦК в январе 1924 г.).

С другой стороны, Троцкий, очевидно, полагал, что «перевооруженный большевизм» на исторических поворотах революции, в периоды затруднений воспроизводил «старый», «не перевооруженный» «ленинизм», и, по концепции Троцкого, понятно, почему он должен был выступать в таких случаях против Ленина и в 1918 и в 1920 и в другие годы.

Кто же, где, когда и в чем перевооружился?

Для партии бесспорно, что ленинизм не перевооружался в основных, принципиальных тактических вопросах. Равным образом не перевооружался и троцкизм. Перевооружились Зиновьев и Каменев, совершив «тушинский перелет» из партии во фракцию Троцкого.

Для партии бесспорно, что во всех платформах оппозиции, во всех основных вопросах, стоявших за последнее время перед партией—и в вопросах китайской революции, и в вопросе об англо-русском комитете, и в вопросах хозяйственных, и в области отношений к крестьянству—красной нитью проходила теория перманентной революции.

Для партии это ясно. Для части товарищей, еще идущих за оппозиционными вождями, это, видимо, еще не ясно. Для них еще, очевидно, в силе аргумент об отречении Троцкого от ошибок прошлого[1]. С другой стороны, попытки оппозиции прикрыть ленинизмом троцкизм, потуги бывших большевиков, Зиновьева и Каменева, выдать стопроцентный троцкизм за стопроцентный ленинизм, несомненно, имеют некоторое значение для незначительной части товарищей, впавших в троцкистскую оппозицию. Эти товарищи просто не различают коренных, принципиальных разногласий от частностей, содержания—от вывески. «Глубокая» мысль Козьмы Пруткова—«если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», не верь глазам своим»—должно быть, сохраняет для них все свое значение по настоящий день.

Но после выступления Раковского на XVI Московской Губпартконференции самым недальновидным должно быть ясно, что

---

[1]) Хотя Троцкий нигде и никогда не отказывался четко и ясно от своих ошибок по конкретным, точно определенным вопросам с точным указанием исторических моментов разногласий. Были отречения «вообще». Наоборот, все литературное «творчество» Троцкого сводилось или к тому, чтобы «доказать» (в духе анекдотической девицы прошлого, произведшей на свет ребенка и аргументировавшей тем, что ребеночек-то «совсем малюсенький»), что его разногласия с Лениным были незначительны, или к тому, чтобы показать, что его «прогноз и диагноз» были основательнее, чем у Ленина. Нам известна генеральная попытка Троцкого «отмежеваться» от меньшевизма (на Президиуме ЦКК 24/VI—27 г.). Но она, как мы знаем, тоже не удалась. Репликой Троцкий был вынужден сознаться, что в 1912 г. он, хотя и «не думал блокироваться с меньшевиками против большевиков»... но «оказался (Н *М. Г.*) в блоке с меньшевиками». И, по свидетельству Мартова, занял в нем «самую драчливую позицию по отношению к Ленину». Мы не знаем, с кем *думает* Троцкий блокироваться теперь, хотя сейчас мы можем предвидеть, с кем Троцкий *окажется* в блоке.

современная оппозиция в вопросах тактики пролетарской революции стоит на троцкистских путях.

На вопрос Карахана—«как по-вашему надо было ответить на провокационный разгром в Пекине?»—Раковский ответил: «Войной».

Раковский разоблачил то, что по сути дела не договаривалось оппозицией.

С точки зрения троцкизма этот ответ вполне понятен. Недооценивая, по меньшевистской традиции, революционной роли крестьянства, руководимого пролетариатом, Троцкий необходимо видел в непрерывной революции «закон классового самосохранения пролетариата», как он писал в 1905 г. К сожалению, мировая история даже после «открытия» перманентной революции не развивалась по ее законам. Процесс мировой революции, неудержимо развивающейся на наших глазах, не идет *предписанным* ей Троцким путем. На фоне *общего роста* классовых противоречий периоды бурного революционного под'ема сменяются периодами *относительного* затишья, периодами перестановок классовых сил и внутриклассовых перегруппировок.

Такие периоды относительного затишья, продолжительность которых зависит от целого ряда условий, неизбежно на всем протяжении политической деятельности Троцкого всегда вызывали к жизни ту долю импрессионизма, которая была оборотной стороной ультра-революционной, или, как Ленин говорил, теории «несуразно-левой перманентной революции». В такие периоды историческая действительность окутывалась для Троцкого «политическими сумерками».

Ленинского маневрирования Троцкий не признает. Немудрено, что первые политические сумерки для Троцкого спустились в эпоху Брест-Литовского мира. Тогда, исходя из теории «непрерывной революции», Троцкий предпочел ленинской «передышке» губительный «жест», ибо, как мы помним, ни Троцкий, ни левые коммунисты не могли гарантировать революции в Германии в ближайшие месяцы, что Ленин ставил необходимым условием принятия их тактики.

Разница двух тактик—ленинской и троцкистской—очевидна, ибо первая исходит из учета об'ективных обстоятельств, а вторая рассчитана на «ура», на «авось».

Нам кажется, что троцкистская тактика прекрасно иллюстрируется тем стихотворением Козьмы Пруткова, которое в свое время Г. В. Плеханов приводил против Б. Кричевского:

«Все стою на камне—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?
Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда—не видит.

Народная мудрость выразила это иначе:

«Либо дождик—либо снег,
Либо будет—либо нет?».

Короче говоря, такую тактику принято называть политической авантюрой, и партия должна быть благодарна Раковскому, что он разоблачил тактику оппозиции до конца.

Из числа нынешних союзников Троцкого Раковский является старейшим. Это именно о нем шла речь, когда Ленин писал в 1915 г. в письме к А. Коллонтай:

«Роланд Хольст, как и Раковский... как и Троцкий, по-моему *все*—вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах *прикрашивают* оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма»[1]).

Старый соратник Троцкого не выдержал и выдал Троцкого и троцкизм, выявив авантюристическую сущность его всему рабочему классу с головой.

Но у Раковского это вышло естественно.

Но что могут сказать в свое оправдание нынешние приказчики Троцкого тт. Зиновьев и Каменев?

Мы не оспариваем права тт. Зиновьева и Каменева совершать переоценки ценностей. Мы не оспариваем их права менять ленинские взгляды на троцкистские. Мы оспариваем только их право *прикрывать* троцкизм ленинизмом, мы оспариваем их право «производить ревизию ленинизма именем Ленина», т.-е. право на тот стратегический прием, в отношении которого тов. Зиновьев в свое время так убедительно писал, разоблачая Троцкого:

«Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении,—и в особенности в нашей стране,—что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому... приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина»—ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «И как божиться-то не лень»). Однако, эта стратегия не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и нескольких недель—и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть покушение с негодными средствами. («Большевизм или троцкизм». Ноябрь 1924 г.).

Хорошо писал т. Зиновьев, когда он был большевиком.

Но тот прием, к которому прибегает теперь сам Зиновьев, превратившись в жалкого адвоката Троцкого, прием «ревизии ленинизма именем Ленина», не пройдет и теперь: «партия-то у нас выросла настолько, что умеет, представьте себе, отличить ленинизм от троцкизма».

Не имея мужества сознаться перед партией в отходе от ленинизма, прикрывая самый доподлинный троцкизм именем Ленина, тт. Зиновьев и Каменев совершают тягчайший грех перед нашей партией, самую большую из когда-либо ими сделанных ошибок.

Но еще больший грех, еще большую ошибку они допускают, когда в отстаивании «позолоченного» троцкизма они доходят до никогда не бывавших в нашей партии приемов борьбы, граничащих с восстанием против партии и диктатуры пролетариата.

Но и в этом целиком повинна идеология Троцкого, то его отношение к организационным вопросам, о котором еще и еще раз следует напомнить всей партии.

---

[1]) «Ленинский Сб.» II, стр. 235.

Разве поведение троцкистской оппозиции в отношении партии не укладывается целиком в ту примечательную формулу, которую приводил Троцкий против Ленина в 1904 г.:

...«Дисциплина имеет смысл лишь до тех пор, пока обеспечивает возможность бороться за то, что считаешь правильным и во имя чего налагаешь на себя дисциплину»?

Разве раскольническая политика современной оппозиции не пропитана тем анархо-индивидуалистическим положением, которое Троцким было выражено в следующих словах:

«... когда известное направление поставлено перед перспективой «лишения прав», т.-е. лишения возможности бороться за идейное влияние, тогда вопрос его существования из Rechtfrage (вопроса права) превращается для него в Machtfrage (вопрос силы)»?

Разве не троцкистским «учением»,—говорившим о том, что в случае разногласия меньшинство «либо раскалывает партию, ставя реальную дисциплину по отношению к своим принципам выше «принципов» формальной дисциплины, либо остается в партии, стараясь... обеспечить себе максимум свободы действия»,—руководствуется современная оппозиция?

И разве теория Троцкого о большом и малом колесе, о которой сообщил нам т. Кузовников, не воспроизводит полностью идейный облик того способного ученика Павла Борисовича Аксельрода, а впоследствии одного из авторов перманентной революции, бойкое перо которого писало угрожающе по адресу Ленина:

«...Никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия (которые по Троцкому законны и естественны при диктатуре пролетариата. *М. Г.*), ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре «над обществом, не потерпит диктатуры над собой» [1])?

Организационные центры, фракционная дисциплина, членские взносы, платформа, нелегальная деятельность,—разве все это не по Троцкому эпохи 1904 г.?

Разве оплевывание партийного с'езда, который еще только будет, подрыв авторитета высшей партийной инстанции производится не по Троцкому? Разве разговоры со стороны ответственных товарищей из оппозиции о продолжении нелегальной работы вопреки всем постановлениям партийных органов не есть полное попрание ленинизма?

На X с'езде нашей партии Владимир Ильич, цитировавший из брошюры Коллонтай то место, в котором она писала, что «рабочая оппозиция», даже в случае поражения на с'езде будет оставаться внутри партии и шаг за шагом твердо отстаивать свою точку зрения», говорил:

«Даже в случае поражения на с'езде»,—скажите пожалуйста, как предусмотрительно. *Извините, но я от себя лично позволю с уверенностью заявить, что этого партийный с'езд не позволит»* (курсив мой. *М. Г.*).

Мы уверены, что и XV с'езд ленинской партии подобного поведения не позволит.

Троцкистская идеология крайне далеко завела современную оппозицию в ее борьбе с партией. Прошли все сроки разговоров, обещаний, клятв, компромиссов.

[1]) Троцкий «Наши политические задачи».

Для не растерявшей еще последних крупиц ленинизма части оппозиции есть только один путь—безоговорочной сдачи своих троцкистских позиций. Это—путь, который бывший большевик Зиновьев рекомендовал троцкистам:

«Есть одно действительное средство ликвидировать дискуссию и кончить ее раз навсегда—это выйти на эту трибуну и сказать: права была партия и неправы были те, которые утверждали, что мы стоим на краю гибели». (Из доклада Зиновьева на XIII с'езде ВКП(б) V—24 г.).

Вожди оппозиции спекулируют ссылками на то, что при Ленине никогда не было *такого* положения, как сейчас. В этом вожди оппозиции правы. До такого позора, до такой открытой угрозы расколом партии со стороны фракций мы не доходили. Несмотря на все потрясения, несмотря на всю фракционную работу оппозиций при Ленине, партия, в конечном счете, сохраняла единство в своих рядах. Каким путем достигалось это единство при Ленине—знает вся партия и лучше всех тов. Зиновьев.

Раскольники приходили в партию и перед лицом всей партии говорили: «Мы ошибались, права была партия».

Так было с тт. Зиновьевым и Каменевым в 1917 г., так было с «левыми коммунистами» в 1918 г., так было с рядом оппозиционеров X с'езда.

Другого *ленинского* пути для ликвидации оппозиции нет. Другой путь—путь троцкистский, путь *сознательного* восстания против партии, против диктатуры пролетариата, против рабочего класса, против мировой революции.

Ю. Ларин.

Дореволюционные остатки в современном кулачестве [1]).

1. Число и землепользование кулаков.

В ЦСУ СССР поступили материалы весеннего опроса *1 мая 1927 г.*, еще не успевшие быть опубликованными. Эти материалы доложены были 25 октября 1927 г. тройке в составе т. Пашковского (зампред ЦСУ СССР), Ю. Ларина (Коммунистическая Академия) и С. Струмилина (Госплан СССР). Опрос охватил весь СССР. Эти данные охватывают всю деревню (121,3 мил. чел. населения) и такие поселения городского типа, в которых часть жителей занимается сельским хозяйством (в этих поселениях 4,3 миллиона жителей, из них к *сельскохозяйственному* населению относится 1,8 миллионов человек). Всего, таким образом, опрос охватывает *24.628 тысяч семей* (или, как у нас иногда не совсем правильно говорят, «дворов») с населением в 125,6 миллионов человек.

Для сравнения можно привести, что весенние опросы двух предшествующих лет по тому же кругу поселений дали, как сообщило ЦСУ той же тройке, следующие результаты (в миллионах):

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Все население по весеннему опросу	120,7	123,5	125,6
2. Из него:			
а) в деревнях	117,5	119,4	121,3
б) в поселениях городского типа	3,2	4,1	4,3
3. Всего семей (дворов)	23,6	24,2	24,6

Из этого никоим образом не следует, что у нас имеется последние годы около 24 миллионов *крестьянских хозяйств*, как иногда поспешно заключают. Изрядная часть охватываемых весенними опросами жителей относится *вообще к несельскохозяйственному населению* (живущие в деревнях и в поселках городского типа фабричные, транспортники, ремесленники, учителя, служащие и прочие) и в некоторой части к бесхозяйным или к почти бесхозяйным семьям сельскохозяйственных и лесных *батраков определенно пролетарского типа*. Исключая эти две группы, ЦСУ дает *общий итог всех крестьянских хозяйств по СССР* (бедняцких, середняцких и кулацких вместе). Этот итог (в миллионах) следующий:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.
1. Число крестьянск. хозяйств («дворов», семей)	20,3	19,8	19,9
2. Численность населения этих семей	105,7	103,5	104,0

[1]) Статья печатается в порядке обсуждения.

Таким образом, крестьянских семей у нас имеется всего около 20 миллионов с населением несколько выше 100 миллионов человек (около 5,2 человек на двор в среднем). *По отношению к этому количеству общее количество кулацких дворов по весеннему опросу на 1 мая 1927 г. определено около 4%* всех *дворов* при несколько менее 5% их *населения* (докладная записка члена коллегии ЦСУ СССР тов. Немчинова). Надо иметь в виду, что средний состав кулацкой семьи (около 6,2 человек) несколько больше среднего состава крестьянской семьи вообще, и этим об'ясняется, почему при наличии только почти 4% кулацких дворов населенио их оказывается приближающимся к 5% (точнее, около 4,7%, или 4,9 миллиона человек на 1 мая 1927 г.).

Круг хозяйств, причисляемых к кулацким, по данным весеннего опроса 1927 г. был взят достаточно широко. Сюда вошли не только хозяйства, имеющие двух и более сроковых рабочих (как я брал в «Частном Капитале»), но также очень много имеющих одного рабочего (хотя бы даже на не особенно длительный срок) и отчасти даже совсем без наемных рабочих. Достаточным признаком для отнесения к кулакам считается, напр., наличность в собственности хозяйства какого-либо дорогого орудия или сравнительно большого количества, усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, хотя бы в хозяйстве вовсе не было наемных рабочих. Ибо кулацкий тип хозяйства может проявляться не только в одном найме рабочих и не только в найме рабочих, сопряженном одновременно с другими видами эксплоатации, но также и в одних этих других видах эксплоатации. Например, не имея вовсе наемных рабочих, кулак может эксплоатировать своих соседей путем обработки на кабальных условиях их полей своим избыточным рабочим скотом, избыточной мощностью своего сельскохозяйственного инвентаря (от плуга до молотилки и трактора включительно). Потому наличие в хозяйстве усовершенствованного инвентаря (сеялка, веялка и т. д.), возможная мощность которого превышает размер собственного хозяйства, служила для ЦСУ уже основанием для причисления хозяйства к кулацкому типу по весеннему опросу 1 мая 1927 г. Точно так же наличие торгового заведения, хотя бы без рабочих, или наличие мелкого перерaботочного предприятия с одним батраком (мелкой мельницы, сыроварни и т. п.) тоже служит достаточным основанием для причисления крестьянской семьи к кулацкой, хотя бы в *земледельческом и животноводственном* ее хозяйство вовсе не было ни наемного труда, ни избыточного живого или мертвого инвентаря.

Таким образом, признаки и границы причисления хозяйств к кулацкому типу взяты такие, что могут удовлетворить самым строгим требованиям в смысле неупущения из виду никакой разновидности кулаков. И по всем этим признакам в 1927 г. в СССР имелось в сумме *почти 800 тысяч кулацких дворов* (точнее, 782 тысячи) с населением почти в 5 миллионов человек. Если считать по посеву, то *в среднем* по СССР это соответствует хозяйствам с посевом примерно от 14 десятин на двор с колебаниями по районам и *по типам* культур. Например, в Крыму, по данным ЦСУ, одна десятина виноградника равна 14 десятинам зернового посева, 1 десятина табака равна $6\frac{1}{2}$ десятинам зернового хлеба и 1 десятина поливного огорода равна 5 десятинам зернового посева. Понятно, здесь приходится отнести к кулацким такие

виноградные, огородные и табачные хозяйства, которые попали бы в бедняцкие, будь та же площадь засеяна рожью или пшеницей. То же относится к хлопководам средне-азиатских республик, к огородникам повсюду и т. д.

Если считать по рабочему скоту, то эта группа *в среднем* по СССР соответствуют имеющим *более двух* голов рабочего скота, с колебанием вверх в таких районах, как *области кочевого скотоводства* и т. п. Но, разумеется, в ряде случаев к кулацкому типу хозяйств приходится причитывать и имеющих менее 14 десятин зернового посева (или менее соответственной площади, смотря по району и культуре) или менее рабочего скота, если они только удовлетворяют какому-либо другому из указанных выше признаков: мертвый инвентарь с избыточной мощностью над собственными потребностями или наличие торгового заведения и т. д. (смотри выше).

Правда, у большинства кулацких хозяйств эти признаки совпадают. Дорогие орудия, избыток орудий над собственной потребностью, большое количество рабочего скота, наемный труд и торговые и переработочные заведения предпринимательского типа (то-есть оперирующие продукцией не только собственного, но и чужих хозяйств),—все это обычно сосредоточено у тех же хозяев, кто имеет крупный посев. Из всех около 800 тысяч кулацких хозяйств почти три четверти имеют посев от 16 десятин и выше на двор. Основной тип кулацкого хозяйства является, таким образом, *интегральным*, то-есть сложным по составу источников дохода, по единым по их эксплоататорской сущности.

В каком отношении число кулацких дворов и численность кулацкого населения находится ко всей совокупности крестьянских хозяйств, видно для 1926—27 года из приводимой ниже таблицы (по материалам ЦСУ, проверенным особыми комиссиями и изложенным мною в «Правде» от 7 ноября 1927 г. в статье «Социальная структура СССР»). В миллионах имеем такие итоги:

	Число хозяйств.	Численность населения.
Бедняки	5,2	22,4
Середняки	13,9	76,7
Кулаки	0,8	4,0
	19,9	104,0

На вопрос о том, какая площадь земли находится в руках кулаков из всей площади землепользования всех крестьянских хозяйств, можно ответить лишь теперь, после того, как ЦСУ собрало, разработало и отчасти уже опубликовало необходимые для сопоставления данные (об общей площади удобных для сельского хозяйства земель, о средней площади по отдельным посевным группам крестьянских бюджетов, о распределении сельского населения между сельскохозяйственным и несельскохозяйственным, о числе действительных бедняцких хозяйств, т.-е. не причитывая к ним беспосевные и почти беспосевные семьи живущих в деревне фабричных рабочих и т. п.). Главнейшие *методологические* улучшения и исправления прежних пробелов и ошибок, вносимые в связи с этим ЦСУ в постановку своих работ (разработанные летом 1927 г. в подкомиссии Л. Крицмана, Ю. Ларина и представителей ЦСУ и затем принятые) указаны в вышедших к съезду моих брошюрах («Сельскохозяйственный пролетариат» и «Судьбы аграрного перенаселения и социальная структура СССР»), так что здесь можно на этом не останавливаться.

Вся удобная для сельского хозяйства площадь СССР по данным ЦСУ. в 1925—26 г. составляла (в миллионах десятин):

1. Усадебная и приусадебная	7,7	милл. дес.
2. Пашня	148,1	» »
3. Сенокос	32,7	» »
4. Выгон	31,5	» »
5. Прочая, невыясненная и нераспределенная по угодьям	33,2	» »
	253,2	милл. дес.

Что касается пятой группы («прочая и нераспределенная»), то она, возможно, отчасти покрыта кустарником, местами заболочена, вообще недостаточно выяснена. В эту четверть миллиарда десятин входит также государственный колонизационный (переселенческий) фонд, все совхозы (менее 4 миллионов десятин), земли школ и всяких учреждений, все земли, находящиеся в ведении городских советов, находящиеся в ведении ГЗИ удобные земельные площади неколонизационного и несовхозного характера и т. д. В землепользовании частных лиц находится несколько свыше 210 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства площади. В том числе около 205 миллионов десятин заняты крестьянскими хозяйствами, а остальные несколько миллионов находятся в распоряжении таких семей, для которых основным источником существования сельское хозяйство не является, но земля у них есть. Сюда относятся некоторые фабричные рабочие, транспортники и т. д., обычно, либо вовсе не ведущие сельского хозяйства и сдающие отведенную им землю в аренду, либо имеющие посев весьма небольшой. Поскольку она снята в аренду крестьянами (в том числе кулаками), она входит уже в указанные выше 205 миллионов десятин фактического землепользования крестьянских хозяйств.

Распределение всей этой земли между отдельными группами крестьян, по свойству сопоставляемых материалов, можно дать не строго по социальным типам (бедняки, середняки и кулаки), а только по четырем *посевным* группам. Эти группы: 1) сеющие до 2 десятин на хозяйство, 2) сеющие от 2 до 8 десятин, 3) сеющие от 8 до 16 десятин, 4) сеющие свыше 16 десятин. Благодаря такому разделению в третью группу (от 8 до 16 десятин) входят отчасти кулаки, отчасти середняки. На кулаков из этой группы по ориентировочному расчету должно приходиться около 10% хозяйств и около 15% площади, но точного расчета дать нельзя.

Точно так же вторая группа (от 2 до 8 десятин посева на двор) включает в себя отчасти бедняков, отчасти середняков. К беднякам по ориентировочному расчету относится около 15% населения этой группы и около 10% ее земельной площади [1].

[1]) Затем имеются такие хозяева с небольшой площадью посева, которые по характеру культуры (виноград, сад, огород и т. д.) должны быть отнесены к кулакам, хотя посев далеко не достигает 14 или 16 десятин. С другой стороны, в некоторых районах особо экстенсивного хозяйства можно справиться и с 16 дес. посева силами своей семьи, если она крупная, не превращая хозяйства в кулацкое. Но в общем подавляющая часть хозяйств с посевом выше 16 десятин принадлежит к кулацким.

Чтобы эти ориентировочные расчеты превратить в реальные, ЦСУ должно проделать значительную работу по пересчету по районам всего первичного материала. Такая работа требует много времени, и потому ее лучше приурочить к итогам весеннего опроса 1 мая 1927 г., которые только теперь поступили. Поэтому сейчас мы принуждены ограничиться распределением земли только между приведенными посевными группами. Произведя необходимые сопоставления, получаю такой результат для каждой из четырех посевных групп крестьянских хозяйств:

Группы по посеву.

	До 2 десят.	От 2 до 8 десятин.	От 8 до 16 десятин.	Выше 16 десятин.	Все вместе.
1. Миллионов дворов	3,0	13,8	2,6	0,5	19,9
2. В них миллионов населения	13,0	71,8	16,0	3,2	104,0
3. Человек на двор	4,3	5,2	6,2	6,4	5,2
4. Миллионов десятин удобного для сельского хозяйства землепользования	14,1	119,2	53,8	18,1	205,2
5. Десятин удобной земли на двор . .	4,7	8,7	20,7	36,3	10,4
6. Миллионов десятин посева	4,9	54,8	27,3	10,6	97,5
7. Десятин посева на двор	1,3	4,0	10,5	21,1	4,9

Площадь посева постепенно растет, так как в последние годы все большая доля удобной земли засевается теми хозяйствами, в пользовании которых она находится (в том числе и путем внутреннего перераспределения через аренду—по данным ЦСУ находится в аренде по СССР около 6% всей *посевной* площади). Более устойчивой является общая площадь землепользования. Чтобы получить общую площадь кулацкого землепользования, надо к площади удобной земли высшей группы (с посевом выше 16 десятин) прибавить около 15% *площади* следующей за ней группы (от 8 до 16 десятин), ибо в высшую группу входит лишь около полумиллиона дворов, тогда как всех кулацких хозяйств имеется до 800 тысяч. Тогда получаем *общую площадь кулацкого землепользования по СССР несколько свыше 26 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства земли*, то-есть около 12,7% всего крестьянского землепользования (удобных земель). Для *посева* таким же образом получаем, что около 15% всего крестьянского посева приходится на долю тех же 4% кулацких дворов (обнимающих менее 5% крестьянского населения). Процент посева, приходящийся на долю кулацких дворов, несколько больше, чем процент всего их землепользования в общей сумме крестьянского землепользования, потому что высшие группы засевают более крупный процент из площади своего землепользования благодаря лучшему обеспечению мертвым инвентарем и рабочим скотом и благодаря возможности полнее использовать средства производства на большей площади. Приведенная таблица это наглядно показывает (как и массовые сведения об использовании скота и инвентаря в разных группах хозяйств).

Таким образом, кулаки имеют у нас около 15% всего посева, а не около 35%, как пыталась создать впечатление оппозиция в своих контртезисах о деревне («Дискуссионный Листок» № 3 за ноябрь 1927 г.). Для вывода о 35% посева оппозиция подменила понятие «кулака» понятием «зажиточной части» крестьян, относя к ней на деле не только кулаков, но и всех середняков с посевом от 8 десятин, хотя бы такие крестьяне не нанимали рабочих, не эксплоатировали своих соседей сдачей инвентаря и рабочего скота, вообще не имели избыточных средств производства сравнительно с размерами своего хозяйства, не имели торговых и переработочных заведений и т. д. Но хозяйство, не имеющее никаких признаков эксплоататорского, нельзя относить к кулацким только потому, что оно сеет 8 или 9 десятин хлеба. Если по уровню и по источникам дохода, по количеству требующихся средств производства и затрат труда, если по этим условиям хозяйство относится к типу мелкого семейного *трудового* товаропроизводства, то его нельзя относить к хозяйству *капиталистических* товаропроизводителей, какими являются кулаки.

Однако, если кулаки составляют у нас на деле только 4% дворов и менее 5% сельскохозяйственного населения, сосредоточивают у себя лишь до 13% всего крестьянского землепользования (около 26 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства земли) и только около 15% всего посева (включая арендованный, а не 35%), то и это, конечно, заслуживает внимания и для нас далеко не безразлично. «Кулацкие излишки» над средней нормой фактического землепользования остальных крестьянских хозяйств составляют в настоящее время около 18 миллионов десятин удобной земли (как легко усмотреть из приведенной выше таблицы). Товарная продукция кулацких хозяйств по подсчету ЦСУ по хлебу достигает около 20% всей товарной продукции хлеба, а по всем продуктам земледелия и животноводства в среднем около 14% их товарной продукции.

Однако, кроме преувеличения размеров кулацкого хозяйства и его значения во всем сельскохозяйственном производстве, оппозиционеры исходят обычно еще из одного предположения: *будто современное кулачество целиком создалось и выросло в деревне в период нэпа*, за шестилетие 1921—1927 гг. Не то важно, что теперь есть 800 тысяч кулацких дворов и у них 15% посева, говорят нам на собраниях, а то, что революция совершенно уничтожила кулаков, а за последние шесть лет опять народились вместо них новые и имеют уже целых 26 миллионов десятин удобной земли и 15% посева. Пусть даже не 35%, а только 15%, говорят нам на собраниях, но если уничтоженные революцией целиком кулаки за последние годы замещены вновь созданными кулаками, имеющими уже около 13% всего крестьянского землепользования, то это такое стремительное нарастание кулацкой мощи, которое превосходит даже быстроту роста государственной промышленности.

Неоднократно приходилось наблюдать, как эти ссылки на необычайно быстрый рост кулачества за период нэпа встречались только общей ссылкой на неизбежность известного роста кулаков в период нэпа и на необоснованность паники перед появлением новых кулаков в размере всего 4% дворов (и 15% посева).

Между тем, *на деле вовсе не было ни полного уничтожения в СССР кулаков революцей* и годами военного коммунизма, *ни*

нарождения при нэпе новых 800 тысяч кулацких хозяйств с 26 миллионами десятин землепользования. *В основном* мы имеем дело с охвостьем царского времени, *с сохранившимся наследием дореволюционного режима*, с теми же хозяйствами, которые *были кулацкими и до войны*. Это обстоятельство установлено неопровержимыми массовыми данными, к которым мы сейчас перейдем. Некоторый рост числа кулацких хозяйств за период нэпа действительно произошел, но он, как увидим, не имеет ничего общего с воображаемым внезапным появлением за последние годы новых 800 тысяч кулацких хозяйств, «успевших» уже «сосредоточить» в своих руках 26 миллионов десятин удобной земли. На деле эта земля почти полностью находилась в их руках *все годы революции*, вообще не была у них отнята, и они представляют собой в своем большинстве кулаков, *не вновь появившихся, а сохранившихся*. Это обстоятельство имеет крупное значение: 1) для оценки итогов социального развития деревни при нэпе, для правильного понимания *темпа* различных процессов и происхождения той картины социальной структуры сельскохозяйственного населения, какую мы сейчас наблюдаем; 2) для оценки силы сопротивления, какую совокупность условий советского строя оказывает развитию нового кулачества даже при нэпе, без чего создание новых кулаков должно было бы дать гораздо больший результат, чем тот, какой оказывается, когда мы сравниваем теперь количество «унаследованных» кулаков с числом вновь появившихся; 3) для разоблачения необоснованности предположений оппозиции, будто политика партии имела своим последствием за последние годы появление нового обширного кулацкого слоя, собравшего теперь в своих руках десятки миллионов десятин земли; 4) для разработки дальнейших мер нашей практической деревенской политики в области задачи «проверить набело» и доделать земельную реформу в тех отношениях и районах, где она была произведена революцией лишь «начерно» или не получила достаточного осуществления по особым обстоятельствам того времени (эта работа «доделки» начата уже произведенной в 1926 и 1927 гг. земельной реформой в Узбекистане, происходящим сейчас распространением ее на Казакстан, проведенным недавно «из'ятием нетрудовых излишков» в Белоруссии, опубликованной в «Правде» в августе 1927 г. резолюцией ЦК о подготовке пересмотра некоторых норм земельного наделения в Крыму и т. д.).

Перехожу к фактам.

2. Кулацкие излишки и рядовое крестьянство на разных этапах революции.

Источники кулацкого хозяйства питаются не только настоящим, но и прошлым. От прошлого мы унаследовали кулака дореволюционного, который в некоторых районах страны уцелел в довольно заметной степени. Раскулачиванье, комбеды и т. п. получили сильное развитие в центральной Великороссии, меньше коснулись Украины, Белоруссии, почти не доходили до последних лет до бывшего Туркестана, отчасти Закавказья, Крыма, Сибири, Казакстана и т. д. Поэтому, если брать *страну в целом*, то итог уничтожения *дореволюционного* кулака отнюдь не оказывается таким полным, как итог революционного уничтожения помещика.

К тому же в большей части страны (кроме потребляющей полосы европейской части РСФСР) все *первые годы революции* был в наличии *громадный процент незасевавшейся*, остававшейся вообще без обработки земли. Рядовые крестьяне в то время далеко еще не успели восстановить свое хозяйство и обработать хотя бы только свои бывшие земли и конфискованные от помещиков. Поэтому в то время рядовое крестьянство в ряде районов не напирало особенно на кулаков в смысле отнятия у них земельных излишков. Довольно распространена была первые годы революции «система нарядов». По наряду комбеда или сельсовета кулак обязан был бесплатно или за скромное вознаграждение из доли урожая обрабатывать своим рабочим скотом (и частично орудиями) землю тех крестьян (или часть ее), у которых своего скота не было. Эта «система нарядов», решительно преобладавшая в среднем по СССР над прямым отнятием у кулака его земельных излишков и избыточных средств производства,—никоим образом не означала уничтожения возможной экономической мощности кулака. Она означала только временное обязательство кулака помогать маломощным своими средствами производства без закабаления эксплоататорскими условиями. Земельные же излишки у кулака целиком не отбирались, ибо и без того у остальных крестьян в то время было еще много неиспользовывавшейся ими земли.

Вопрос о кулацком землепользовании, о кулацких земельных излишках стал приобретать остроту для рядового некулацкого крестьянства лишь теперь. Ибо лишь в последние годы деревня постепенно дошла до восстановления полностью всей площади довоенного посева. Во времена военного коммунизма равнодушие рядовой деревни к наличию у кулаков земельных излишков доходило до того, что в ряде районов (Крым, Белоруссия и т. д.) кулаки не только не были лишены своих «надельных» излишков, *но были даже допущены к участию в разделе конфискованных помещичьих земель*. Это было распространенным явлением в многоземельных районах и в районах значительного помещичьего землевладения. Здесь никто особенно не регулировал дела, и кулак захватывал столько, сколько мог «освоить» хотя бы хищнической распашкой «наездом» (степная Украина, Северный Кавказ и т. д.). Впоследствии создавшееся таким образом пользование было оформлено кое-где *арендными договорами* с земорганами; кое-где вошло в состав «*трудового землепользования*» (оставшись в руках тех же кулацких семей при межселенном землеустройстве); кое-где продолжается *при отсутствии переделов* во все десятилетие революции (таких случаев особенно много в многоземельных районах; недавно издано специальное постановление о разрешении производить переделы в таких местах и по требованию бедняцкого *меньшинства*, а не только *большинства* общества, как обычно требуется для переделов).

Окончание восстановления рядовым крестьянством довоенной посевной площади к настоящему времени создало теперь *большее внимание* всей массы крестьян к наличию у кулаков земельных излишков, *обострило отношение маломощного и середняка* к кулаку, помогло нашей партии *политически изолировать кулака* в деревне за последнее время в гораздо большей степени, чем это было несколько лет назад. В этом *сдвиге хозяйственной*

обстановки (окончание восстановления рядовыми крестьянами посевной площади на своей пахотной земле и изменение поэтому их отношения к факту наличия у кулака земельных излишков) заключается один из существенных моментов *экономического обоснования* того более форсированного наступления на кулака, какое в связи с этим (*и с достигнутым тем временем укреплением хозяйственных возможностей государства*) намечено для предстоящего периода резолюцией ЦК о деревне, предложенной XV партс'езду.

Внешне это изменившееся отношение крестьян к вопросу о кулацких излишках выражается теперь в ряде общеизвестных фактов: 1) чрезвычайно возросшие настояния о *внутриселенном* землеустройстве, т.-е. о более правильном распределении землепользования внутри деревни, заметный шаг к удовлетворению чего делает юбилейный манифест ЦИК СССР; 2) стремление к лишению кулака права голоса *в земельных обществах*, вопроса о чем в деревне даже не подымалось не только во время годов военного коммунизма, но и ряд лет после того, теперь же настолько выяснилось, что уже и практическая разработка включена в с'ездовскую резолюцию ЦК; 3) начавшие поступать заявления маломощной части *о принудительном производстве переделов* в земельных обществах, где их не было при Октябрьской революции и после нее; раньше таких заявлений вовсе не поступало, а теперь их появление, как упомянуто выше, уже вызвало издание в 1927 г. специального постановления о разрешении земорганам предписывать в этих случаях производство передела даже при желании только меньшинства, а не большинства общества; 4) повышенный интерес к выявлению кулацких излишков в многоземельных районах, выразившийся в повышении интереса рядовых крестьян к *переселению* в эти районы, к напору *самовольных переселенцев* на Северный Кавказ, в Казакстан, на Южный Урал, в Крым, в Заволжье, который перед этим ряд лет отсутствовал (известны конфликты центральных переселенческих органов на этой почве с некоторыми местными правительствами многоземельных районов, не успевшими еще уяснить себе, что в этой форме происходит борьба маломощного и середняка с кулаком за землю).

Но в первые годы революции, то-есть как раз в то время, когда производился великий земельный передел (конфискация помещичьих, монастырских и т. д. земель, отчасти кулацких),— *сплошного* напора на отобрание земельных излишков от кулаков не было. Конечно, кулаки поплатились чувствительно. Во-первых, они потеряли почти сплошь так называемые «купчие» земли, т.-е. те земли, какие были ими куплены в частную собственность сверх находившейся в их пользовании «надельной» земли (такой «купчей» земли было у них свыше 15 миллионов десятин удобной для сельского хозяйства площади). Во-вторых, они потеряли пользование большей частью арендовавшейся ими помещичьей, монастырской, государственной и т. п. земли, ибо площадь их бывшей аренды была большей частью разделена между маломощными слоями, частью осталась за совхозами и т. д. (эта потеря должна была составить около 10 миллионов десятин, принимая во внимание долю кулацкой аренды в общей площади 30 миллионов десятин, арендовавшихся крестьянами до войны из ненадельных земель). В-третьих, в ряде мест, как

центральная часть Великороссии и как некоторые специальные ограниченные очаги кулацких восстаний, было произведено в 1918 г. довольно энергичное «раскулачиванье» под углом определенной политической установки (но в 1918 г. в районе господства советской власти не находились еще Украина, Сибирь, Закавказье, Дон и т. д.). В-четвертых, и в тех районах, где кулацкое *надельное* землепользование не подвергалось общему специальному разгрому, нередко часть земель у некоторых кулаков все же отрезывалась.

Таким образом, на большей части территории СССР фактически сочеталось отсутствие общего разгрома кулацкого надельного землепользования с рядом отдельных существенных ограничений и из'ятий (например, почти всей «купчей» земли). В итоге это должно было дать: 1) исчезновение части кулаков; 2) сохранение значительной части кулацких хозяйств; 3) переход некоторых из них, вследствие частичных из'ятий из самой крупной кулацкой группы (сеющие свыше 16 десятин, в среднем более 20 десятин посева на двор) в ту группу кулаков, какая по земельным условиям имеет теперь несколько менее 16 десятин посева, но оставшийся у нее избыточный инвентарь энергично использует для кабальной эксплоатации маломощных соседей путем обработки им их земель. Мы видели выше, что сейчас, в 1927 г., около 500 тысяч кулацких дворов относятся к сеющим более 16 десятин и около 300 тысяч кулацких дворов сеют менее 16 десятин.

Что общее количество кулацких дворов теперь меньше, чем было до войны (до революции)—это ни в ком еще не вызывало сомнений. Даже оппозиция не оспаривала это. В своей статье «Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой», написанной *в августе 1918 г.*, Владимир Ильич определяет, что у нас, «считая прежнюю Россию, до того времени, когда хищники оторвали от нее Украину и прочее», надо считать «едва ли больше *2-х миллионов* кулачья». Теперь имеется 800 тысяч. Общая ориентировочная оценка Владимира Ильича вполне подтверждается сопоставлением всех сведений о социальной структуре довоенной деревни. Я произвел такое сопоставление в работе, перепечатанной в книжке «Экономика досоветской деревни» (М. 1926 г. Госиздат), и получилось *около 10%* всех дворов (стр. 38 назв. книги). Теперь мы имеем 4%. Значит, в два с половиной раза меньше и абсолютно и относительно. Правда, сельскохозяйственная перепись 1917 г. дала только около 9% «высшей группы» (по изданию ЦСУ «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг.»), но это легкое уменьшение об'ясняется временным сокращением размеров части кулацких хозяйств под влиянием войны, мобилизовавшей лошадей и работников.

Вопрос, на который надо теперь ответить, сводится к следующему: возникли имеющиеся теперь в наличности 4% кулацких дворов только во время нэпа или в какой-либо части (и в какой именно) они представляют собой *непрерывно* существующие *дореволюционные* кулацкие хозяйства?

Для ответа на этот вопрос есть два ряда массовых данных: 1) бюджетное обследование крестьянских хозяйств, произведенное ЦСУ в 1924—25 г. в ряде крупнейших районов СССР; 2) сплошные данные о землепользовании, охватывающие все крестьянство европейской части СССР, собранные также за 1924—25 г. и

сопоставленные с царской статистикой землепользования крестьян 1906 г. по этой же территории; 3) выборочные иллюстрационные сведения по Узбекистану, Казакстану, Сибири и Кавказу. *Все эти сведения дают один и тот же результат: современное кулачество в большинстве своем является непрерывно сохранившимся с дореволюционного времени,* а не новым порождением периода нэпа. За все шестилетие нэпа создалось менее четверти нынешних кулацких хозяйств. А более трех четвертей осталось недобитыми в свое время от царских времен.

3. Дореволюционные кулаки в современном кулачестве.

Бюджетное обследование, произведенное ЦСУ в 1924—25 г., является единственным, которое включало вопрос о *землепользовании описываемого хозяйства до войны* и сравнение *с землепользованием тех же хозяйств* в год обследования, то-есть в 1924—25 г. В№ 6 «На Аграрном Фронте» за 1927 г. работником ЦСУ т. Гайстером опубликованы (стр. 31—34) таблицы этого обследования по 6 крупным районам (Степная Украина, Лесостепная Украина, Урал, Центрально-Земледельческий, Центрально-Промышленный, Белоруссия со Смоленской губернией). В этих районах живет по декабрьской переписи 1926 г. около половины всего сельского населения СССР. При чем сюда еще не входят как раз те части страны, где дореволюционное кулачество сохранилось наиболее полно (Сибирь, Дальновосточье, Казакстан, Крым и т. д.).

Все дворы разделены на группы по размеру посева на двор. Высшая группа—сеющие более 16 десятин на двор, группа почти сплошь определенного кулачества. За нею идет группа сеющих от 8 до 16 десятин, которая является кулацкой лишь отчасти, в своих верхних частях. Бюджетное обследование дает возможность осветить по этим районам два вопроса относительно определенно кулацкой группы, то-есть сеющих более 16 десятин: 1) *какая часть довоенных кулаков сохранила кулацкое хозяйство* такого же размера (посев свыше 16 десятин) и в 1924—25 году; 2) *какая часть теперешних кулаков,* имевшихся в наличии в 1924—25 году и сеющих свыше 16 десятин, принадлежала и до войны *к той же группе* определенно кулацких хозяйств (сеявших более 16 десятин).

Из довоенных хозяйств (сеявших более 16 десятин на двор) остались в той же кулацкой группе и в 1924—25 г. также сеют более 16 десятин на двор (в процентах к довоенному их количеству):

Степная Украина	39,6
Лесостепная Украина	44,4
Уральская область	70,8
Центрально-Земледельческая область	21,3
Центрально-Промышленная область	33,4
Белоруссия	44,0

Средняя взвешенная по всем этим районам вместе составляет *почти сорок процентов* (точнее, около 38%). Иначе сказать, из каждых пяти крупных кулаков дореволюционного времени, двое оставались крупными кулаками в этих районах и в 1924—25 г. А эти районы, как сказано, обнимают около половины всего деревенского населения СССР. Сразу бросается в глаза в этой таблице энергичное «раскулачиванье», проводившееся нами в свое время в Центрально-Черноземной области (например, *Тамбовская губерния*). Всего больше сохранилось старое кулачество в тех районах европейской части СССР, где позже окончательно прочно восторжествовала советская власть (Лесостепная Украина, Белоруссия, особенно Урал). Еще полнее сохранилось старое кулачество, добавим тут же, в азиатской части СССР и в некоторых частях Закавказья.

Но не следует думать, что все остальные крупные дореволюционные кулаки этих районов (сеявшие до войны более 16 десятин на двор) превратились в результате революции обязательно в бедняков или середняков. Нет, подавляющая их часть, поскольку не удержалась в определенно кулацкой группе (сеющих свыше 16 десятин), передвинулась только в соседнюю промежуточную группу—сеющих от 8 до 16 десятин. Мы знаем уже, что эта группа дает и в настоящее время (по весеннему опросу на 1 мая 1927 г.) более трети всех кулаков. Несколько лет назад, в 1924—1925 г., она давала, даже еще несколько более значительную их долю. Если взять вместе, какая часть довоенных кулацких хозяйств (сеявших более 16 десятин) осталась в той же группе и перешла в соседнюю, лишь частично поставляющую кулаков (сеющие от 8 до 16 десятин). то получим такой итог в процентах к довоенному числу кулацких хозяйств:

Степная Украина	86,9
Лесостепная Украина	88,8
Уральская область	98,9
Центрально-Земледельческая область	68,9
Центрально-Промышленная область	66,7
Белоруссия	88,0

Средняя взвешенная по всем этим районам вместе получается около *восьмидесяти процентов* (точнее, почти 82%). Иначе сказать, из каждых этих пяти дореволюционных кулаков только один наверняка опустился в середняки в результате революции; двое наверняка остались кулаками и двое перешли в такую группу, какая и сейчас еще дает более трети всех нынешних кулаков, а в 1924—25 г. давала их около половины. Дореволюционные кулаки, находящиеся ныне в группе сеющих от 8 до 16 десятин, являются сплошь и рядом именно той частью этой группы, какая является кулацкой и в настоящее время (об этом ниже).

Теперь посмотрим другой результат опроса при бюджетном обследовании 1924—25 г.: какая часть нынешних определенных кулаков (сеющих свыше 16 десятин) была кулаками и до войны. Приведем сразу сведения о том, какая часть из них имела кулацкое хозяйство такого же типа (сеяла более 16 десятин) и какая сеяла только от 8 до 16 десятин (но в значительной мере была тогда кулацкой в этих районах, особенно в Лесостепной Украине, в Центрально-Промышленном, в Белоруссии). Оказывается, что из нынешних кулаков с посевом свыше 16 десятин

(в процентах к их нынешнему количеству) уже до войны сеяли:

	Более 16 десятин.	От 8 до 16 десятин.	Сумма.
Степная Украина	45,2	22,6	67,8
Лесостепная Украина	50,0	50,0	100,0
Уральская область	43,8	25,4	69,2
Центрально-Земледельч. область	39,4	36,4	75,8
Центрально-Промышл. область	60,0	40,0	100,0
Белоруссия	55,5	15,0	70,5

Средний взвешенная по всем этим районам вместе показывает, что 50% нынешних кулаков (половина) были кулаками столь же крупного типа и до войны, а еще около 30% были до войны в группе, дававшей тогда почти по всей совокупности этих районов также кулаков, только с несколько меньшим размером предприятия. Иначе сказать: *четыре пятых нынешних кулаков имеют дореволюционный кулацкий стаж.* Они сохранили в крупной степени свое землепользование и свои средства производства от дореволюционного времени и потому остались кулаками [1]). Это и есть в основном те две пятых дореволюционных кулаков, которые уцелели и которые составляют сейчас более четырех пятых нынешних кулаков. *В современном деревенском кулачестве мы имеем в основном не новое порождение советского строя, а недобитые остатки старого, дореволюционного прошлого.*

Приведенные данные бюджетного обследования 1924—25 г. вполне подтверждаются *сплошными* массовыми данными сельхозналога за тот же 1924—25 г. Сейчас имеются по сельхозналогу данные и более поздние, чем за 1924—25 год, но мы берем за этот год в интересах наибольшей близости к бюджетному обследованию, произведенному за тот же 1924—25 год. К тому же нас интересует сейчас прежде всего *общая площадь землепользования,* а не та ее часть, какая занята посевом. Если площадь посева постепенно растет, то вся площадь землепользования осталась за протекшее после 1924—25 г. время без существенного изменения.

Сведения, получаемые в связи со сбором сельхозналога, представляют собой единственный в своем роде сплошной массовый материал. Они получаются путем конкретного выяснения положения *каждого отдельного двора.* Это своего рода ежегодная всеобщая перепись крестьянских хозяйств, имеющая крупное значение для ознакомления с их эволюцией, для изучения явлений расслоения и т. д. Эти массовые данные ждут еще своей науч-

[1]) Даже эта сохранившаяся часть кулаков потеряла в общем часть своего дореволюционного землепользования (в первую очередь «купчие» земли). Так, по тому же бюджетному обследованию размер среднего землепользования на один двор у высшей группы сократился в 1924/25 г. сравнительно с довоенным у тех же самых хозяйств в Лесостепной Украине на 27%, в Смоленской губ.—на 13% и т. д. (у низших групп, наоборот, увеличился). Но и после такого частичного сокращения он остается еще в несколько раз больше среднего нынешнего землепользования на двор в тех же районах не только маломощных, но даже середняцких крестьян.

ной разработки и нуждаются в ней, в сопоставлении между собой по годам, с довоенными земскими переписями и т. д. Необходимо, чтобы наше ЦСУ прекратило олимпийское невнимание к громадным массовым материалам «другого ведомства» (Наркомфина, а не ЦСУ) и снизошло к их разработке и к преподанию методологических указаний по подсчету богатейшего первичного материала. Пока же несомненную заслугу работника НКФ тов. Лифшица составляет то, что он не дает целиком пропадать этому материалу и вот уж несколько лет выпускает ежегодно увесистый том хотя бы полусырых цифр. Только благодаря этому возможны *сплошные* массовые сопоставления данных современного крестьянского землепользования *по группам хозяйств* со старой царской статистикой, а не только то выборочное бюджетное обследование ЦСУ, итоги которого приведены выше. Выводы, какие можно сделать из выборочного бюджетного обследования ЦСУ, приобретают особую силу и доказательность благодаря тому, что их можно опереть на подтверждающее основной итог сплошное массовое сопоставление.

Последние сплошные довоенные данные о крестьянском землепользовании относятся к 1905 г. и изданы министерством внутренних дел в 1906 г. только по 50 губерниям тогдашней «Европейской России». Часть этой территории не находится теперь в нашем ведении (Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия, часть Волыни и захваченная Польшей часть Белоруссии). Потому сравнение можно провести только по тем «бывшим 43 губерниям Европейской России», какие входят теперь в СССР (Украина, Белоруссия и европейская часть РСФСР, кроме некоторых округов Северо-Кавказского края). На этой территории находится теперь около 15 миллионов крестьянских дворов или три четверти всего сельскохозяйственного населения СССР, так что материал весьма внушительный. Территория эта включает все районы, к каким относятся приведенные выше бюджетные обследования ЦСУ и сверх того еще Поволжье, Ленинградскую область, Крым и т. д. Все подсчеты по сопоставлению данных 1905 г. и данных 1924—25 г. произведены в НКФ под руководством профессора Огановского и опубликованы в издании НКФ «Сельское хозяйство СССР за 1924—25 г. по данным о сельхозналоге».

По каждому району, согласно этим подсчетам, делим крестьянство по размерам его землепользования в 1905 г. на четыре группы. Границы этих групп (в десятинах) по разным районам взяты разные, смотря по хозяйственным и почвенным особенностям района. Получается возможность сопоставить, что сделалось с каждой группой к 1924 году по сравнению с 1905 г.: 1) насколько уменьшилось или увеличилось число хозяйств данной группы; 2) насколько увеличилась или уменьшилась общая площадь надельного землепользования всех хозяйств каждой группы в совокупности.

Результаты получаются находящиеся в соответствии с тем, чего и следует ожидать после ознакомления с приведенными итогами бюджетного обследования ЦСУ.

Если взять для 1905 г. только узкую высшую группу крупных кулаков (по землепользованию), то по этим сводкам в среднем для всей сравниваемой территории таких хозяйств было около

5% [1]). А в 1924—25 г. оказывается налицо лишь 80% их прежнего числа и у них лишь 68% их прежней площади надельного землепользования. Иначе сказать, примерно, почти такой же результат и в отношении числа и в отношении земельной площади, какой мы видели выше по прямым опросам самих кулаков при бюджетном обследовании их хозяйств. Такого же направления оказываются колебания и по районам. Надо только заметить, что наличие теперь у этих кулаков 68% их прежнего *надельного* землепользования не означает, что в их распоряжении сохранилось 68% всей земли, какой они пользовались перед войной, до революции. Ведь, кроме надельной земли, у них была еще купчая и арендованная (у государства, помещиков и т. д.), и в сумме это составляло как раз площадь, почти равную их землепользованию на надельных землях. Потому сохранение 68% площади прежнего надельного землепользования означает, что оставшаяся часть кулаков сохранила лишь около 35% *всего* своего дореволюционного землепользования (надельного и ненадельного вместе).

Таким образом из довоенных кулаков, составлявших, по оценке тов. Ленина, *«вряд ли более»* 2 миллионов дворов, сохранилось после революции в качестве кулацких несколько менее 40% *тех же самых дворов*. Принимая во внимание *разницу в территории*, о которой писал Владимир Ильич в 1918 г. и какая входит теперь фактически в состав СССР (надо отсчитать Эстонию, Латвию, Литву, часть Белоруссии, часть Украины, Бессарабию и Карский округ), и степень распространенности в этих районах кулацкого хозяйства—это должно дать наличие около 650 тысяч кулацких дворов, уцелевших неразрушенными революцией в такой мере, чтоб сохранить свою кулацкую сущность. Между тем, как мы видели, на основании данных весеннего опроса 1 мая 1927 г. по совокупности указанных в первой главе признаков всего теперь оказывается до 800 тысяч кулацких дворов, и у них около 26 миллионов десятин или около трети всего кулацкого довоенного землепользования. Разница в 150 тысяч создалась за шестилетие нэпа. Следовательно, около четырех пятых кулаков у нас и не исчезавшие («недобитые»), а около одной пятой—«благоприобретенные».

Между прочим, если, следуя коэффициенту роста хозяйств со сроковыми рабочими, установленному ЦСУ, определить по тем же признакам количество кулацких хозяйств в 1924 г. (см. подробнее об этом мои брошюры «Сельскохозяйственный пролетариат» и «Социальная структура»), то окажется, что в 1924 г. было около 720 тысяч кулацких хозяйств. Иначе сказать, за первое трехлетие нэпа (1921—24 гг.) прибавилось около 70 тысяч над тем количеством их, какие сохранились неразрушенными от дореволюционного времени (около 650 тысяч дворов). То-есть увеличение составляет около 10% за три года. А за следующее трехлетие нэпа (1924—27 гг.) прирост числа кулацких хозяйств составляет опять около 10%.

[1]) *Менее* крупных дореволюционных кулаков мы не берем для сравнения как по свойству материалов, так и потому, что при некоторой урезке кулацкого землепользования легче мог остаться кулаком после урезки более крупный, а так как всего осталось около 40% прежнего количества, то к высшей их группе (около 5% дворов 1905 г.) это должно дать около 80%.

Таким образом, рост кулацких хозяйств за первое шестилетие нэпа, несомненно, имел место. Иначе и не могло быть при свободе частной торговли и т. д. и при отсутствии у государства достаточных средств для экономического преодоления эксплоататоров. Но этот рост ничего общего не имеет с тем фантастическим появлением за время нэпа сразу, как из пены морской, 800 тысяч кулацких хозяйств с 15% всего посева (или даже с 35%, как хотела бы сказать оппозиция в своих тезисах), в чем фактически оппозиционеры «попрекают» партию.

4. Некоторые выводы.

Основной вывод таков. Революция под корень подрезала помещика. Но из внутридеревенских кулаков удержалось почти 40% семей, и удержавшиеся семьи сохранили 35% всего своего дореволюционного землепользования. В центральной РСФСР кулак был подрезан довольно прилично с самого начала. В других районах он сохранился гораздо лучше. За последние годы, при более близком ознакомлении с окраинной действительностью, нам приходилось организовывать дополнительное из'ятие кулацких излишков в Узбекистане, в Грузии, в Белоруссии. Эта работа может служить иллюстрацией приведенного вывода.

Таким образом, нынешний кулак—это в основном старый знакомый деревни. Он сохранил крупную часть своих земель и средств производства и притаился на годы гражданской войны. Замер и ждал, что будет, не прекращая, впрочем, кулацкого хозяйства. Если теперь кулацкий посев составляет около 15% всего посева страны, то вряд ли особенно меньшую долю составлял он и в 1924 г. и в 1921 г. Если тогда было меньше кулацких хозяйств и меньше у них посева, то ведь значительно меньше теперешней была тогда и площадь, засевавшаяся остальным крестьянством. Что наемный труд применялся и тогда довольно широко (в некоторых районах часто в замаскированной форме, на окраинах—более открыто), это теперь установлено с несомненностью. По ряду районов мы имеем даже монографические описания ряда овцеводных (Сев. Кавказ), плантаторских (Крым, Узбекистан) и зерновых (Казакстан) весьма крупных кулацких хозяйств, сравнительно «благополучно» существовавших все время. Этими описаниями можно было бы заполнить целую книгу.

Кулак потихоньку хозяйствовал и ждал. Ждать было легко, потому, что в то время всюду много было незасеянной, необработанной земли у рядовых крестьян, не успевших еще восстановить свое хозяйство. Потому они и не напирали в то время особенно в смысле отнятия излишков у кулака рядом или в отдаленных кулацких районах (путем переселения туда—на Северный Кавказ, в Крым, в Заволжье, на Урал в Сибирь, в Казакстан, на юг Украины).

Когда началась свободная торговля, высунула нос наружу и сохранившаяся от дореволюционного времени часть кулаков. Замаскированные формы кулацкого хозяйства они постепенно заменили явными. Они вылезли, стали открыто торговать, скупать, поставлять, кредитовать нанимать, арендовать и т. д.—все, что им по их кулацкому естеству полагается. Нэп создал в деревне, конечно, и некоторых новых «кулацких выдвиженцев», иначе не могло быть. Но в основном современное деревенское кулачество не является вновь возникшим порождением советского

периода нашей истории. В основном оно является наследием, полученным от дореволюционной деревни и не добитым в свое время деревней до конца.

Оппозиция старается представить дело так, что вот революция уничтожила в свое время всех кулаков под гребенку, а теперь за одни последние годы плохая и неумелая политика советской власти опять народила их в деревню. Эти утверждения относятся к области недобросовестных сказок о чудесах, в которые не может верить никто, кто только познакомится с фактами.

Выяснение корней кулака поможет нам быстрее преодолеть его. Яснее, в какую сторону направить внимание. Не чудо, не наша политика, а оставленная ему деревней земля, сохранившиеся у него средства—вот что дало возможность кулаку проявлять себя теперь в сельском хозяйстве. *Ограничение дальнейшего роста кулачества, ограничение самой кулацкой эксплоатации, постепенное изживание этой старой дореволюционной язвы деревни*, сохранившейся, как сохранился в ней от царского времени сифилис, пьянство, и т. д. —вот та задача, которую в силах уже поставить себе партия, опирающаяся на хозяйственный рост страны и твердую выдержку трудящихся. Оппозиция так же мало сможет нажить капитал на вопросе о кулаке, как и кулак—на расчетах о последствиях оппозиционных дебошей.

Окончание восстановления рядовым крестьянством полной довоенной посевной площади на землях крестьянского землепользования ставит иначе, обостряет внимание и отношение маломощного и середняка к факту наличия у кулака земельных излишков—вот второй вывод. Создается в деревне благоприятная обстановка для того наступления на кулака с целью его экономического изживания и политического изолирования, о котором говорит резолюция ЦК, предложенная XV партс'езду. Совершенно смешны поэтому разговоры оппозиции, будто все дело в том, что партия была равнодушна к вопросу о кулаке и выдвинула теперь лозунг об усилении наступления на кулака только из демагогии, только чтобы перещеголять оппозицию. Все дело не в оппозиции, а *в изменении двух кардинальной важности об'ективных предпосылок*: 1) упоминавшееся уже окончание к 1926—27 г. восстановления рядовым крестьянством своей старой посевной площади, что на новые, более активные рельсы перевело отношение деревни к кулаку; 2) факт накопления государством средств, позволяющих ему более широко приняться за преодоление непосредственных источников кулацкой эксплоатации. Увеличение фондов бедноты и доли колхозов в общем кредитовании сельского хозяйства; усиление в связи с этим производственного уклона в работе сельскохозяйственной кооперации и поддержка его созданием государственных и кооперативных прокатных пунктов; развитие государственных совхозов, лесов и крестьянских комитетов взаимопомощи, могущих поглощать все большую долю труда батраков; классовое уточнение политики машиноснабжения и налогов; усиление охраны наемного труда в сельском хозяйстве и ограничение и этим путем кулацкой эксплоатации; дальнейшее расширение государственно-кооперативной организации заготовок, торговли и кустарного дела, как меры, подрезывающей дополнительные источники питания кулацкого хозяйства,—все эти и другие меры, намеченные ЦК

в резолюции, предложенной XV с'езду, заострены в сторону не только ограничения *интенсивности* кулацкой эксплоатации, но и в сторону *все большего вовлечения бедноты и батраков в русло государственного и общественного хозяйства*. А это, вместе с организацией середняка через кооперацию и государственный кредит, означает не что иное, как постепенное *экономическое подрезывание источников питания кулацкого хозяйства*. И одной из основных подготовительных мер в этом смысле является намеченное ускорение *внутриселенного землеустройства*, получившее уже денежное выражение в юбилейном Октябрьском манифесте.

Внутриселенное землеустройство в условиях пролетарской диктатуры и при нашем конкретном положении вещей в деревне является важнейшей подготовительной мерой по преодолению кулачества—таков третий основной вывод из изложенной мной характеристики происхождения современного кулачества. *Ибо наши кулаки не столько продукт нэпа, сколько результат недоделанности нашей земельной революции.* «Внутриселенное землеустройство»—это звучит скромно. А на практике, в условиях пролетарской диктатуры, это означает не больше и не меньше, как подготовку «доделыванья» аграрной революции «набело».

Анализ источников дохода современного кулачества в целом показывает, что основной базой дохода совокупности современных деревенских кулаков является именно собственное сельское хозяйство, примерно, на 70%. Торговля, переработочные предприятия, кабальная обработка своим скотом и инвентарем земли для маломощных, ростовщичество и т. д.—все это вместе дает кулачеству в общем лишь около 30% дохода. Основная база кулацкого хозяйства—применение своих средств производства и наемного труда на находящейся в его распоряжении земельной площади. А из этой площади в 26 миллионов десятин, как мы уже приводили, около 18 миллионов десятин представляют собой «кулацкие излишки» над средней нормой земельного обеспечения всего остального крестьянства. Под эту земельную опору кулацкого хозяйства и подбирается «внутриселенное землеустройство» (как и намечаемое той же с'ездовской резолюцией сокращение нетрудовой аренды в пользу трудовой).

Конечно, не следует терять перспективы. Было бы ошибкой, если бы местные товарищи так поняли внутриселенное землеустройство, что лучше пусть отрезанные у кулаков излишки совсем пустуют, чем чтобы на них продолжалось кулацкое предпринимательское хозяйство. Внутриселенное землеустройство выявляет и отрезывает все кулацкие излишки. Но они могут быть по еданы обратно в аренду тому же кулаку лишь постольку, поскольку можно организовать их обработку иным путем. А в дальнейшем, по мере роста этой возможности, должно происходить все больше прекращение сдачи этих выявленных излишков в аренду кулакам и тем самым—сведение кулацкого хозяйства к трудовым размерам (в области организации собственного земледелия—параллельно идет наступление государства и кооперации в области торговли и кредита, в том числе натурального, например, орудиями с прокатных пунктов).

Возможности некулацкой обработки отрезываемых при внутриселенном землеустройстве кулацких излишков будут все возрастать, ибо государство крепнет и сможет постепенно все усиливать хозяйственную помощь такому переходу. В перспективе

вполне можно представить постепенную передачу всех отрезанных землеустройством кулацких излишков хотя бы крестьянским комитетам взаимопомощи. Получив эту землю, комитеты (которым, кстати, уже передано несколько тысяч тракторов) организуют их общественную обработку (получая и соответственную часть скота и инвентаря частичное из'ятие которых у кулаков произведено, например, в 1926—27 г. при земельной реформе в *Узбекистан*). Таким путем постепенно получался бы заметный сдвиг в нашу пользу. Большая часть товарной продукции кулацкого хозяйства превратилась бы тогда в продукцию крестьянских комитетов взаимопомощи, а занятые сейчас кулаками батраки—в работников общественного хозяйства. Заготовительная деятельность государства и его регулирующее влияние на сельское хозяйство, несомненно, от этого существенно выиграли бы. Но все это мыслимо к осуществлению лишь на протяжении ряда лет, и внутриселенное землеустройство является тут той подготовительной мерой, какая позволяет нам начать маневрировать хозяйственным использованием этих излишков в соответствии с возможностями пролетарского государства. Сейчас все эти излишки, в результате недоделанности аграрной революции в нашей стране (особенно в некоторых ее районах), находятся в свободном распоряжении кулака. *Он* ими маневрирует. Внутриселенное землеустройство исправит эту недоделанность. *Мы* начнем ими маневрировать, оставляя кулаку все меньшую их часть по мере того, как иным путем будем организовывать их обработку и переводить таким путем в русло общественной работы занятых на них сейчас кулацких батраков. Оппозиция говорит заведомую неправду, когда делает вид, будто позиция партии не дает достаточной перспективы в деле экономического наступления на кулачество, в деле не только ограничения интенсивности кулацкой эксплоатации, но и самого сжития ее со света.

Что же касается мер по ограничению капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве, поскольку она пока еще существует и будет существовать, то и в этом отношении тезисы ЦК о деревне, предложенные XV с'езду, дают вполне определенную и ясную практическую установку. Надо только не отмахиваться от них, словно чорт от несущего ему смерть ладана, как делали оппозиционеры, а внимательно продумать, как, без сомнения, будут делать наши местные парторганы. Вместо о тт. Анцеловичем, Верминичевым, Дубровским и др. я попробовал разобрать, какие практические меры по ограничению капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве могут предлагаться местными парторганами местным советам согласно практическим указаниям с'ездовской резолюции. Получается такая сеть серьезных конкретных мероприятий, что говорить о практической бессодержательности резолюции по меньшей мере недобросовестно.

Возьмите, например, пункт об обеспечении строжайшего соблюдения Кодекса законов о труде в кулацком хозяйстве. Ясно, что он требует от местных советов мер по всем четырем основам Кодекса (зарплата, рабочее время, охрана труда, круг применения). Кодекс допускает регулирование заработной платы органами государства (Наркомтруд, а на местах, следовательно, отделы труда). Батраки у кулаков особенно нуждаются в установлении какого-либо размера, ниже которого не должна быть их

зарплата по сезонам и видам работ. Установление губернскими, окружными или уездными советами такого обязательного предела, ниже которого плата не должна опускаться, может сыграть тут очень важную положительную роль. Конечно, при установлении такого местного предела надо исходить из уже фактически достигнутого среднего размера, чтобы не намудрить неосторожно неожиданных результатов. Но и одно об'явление уже достигнутого *среднего* размера тем *пределом*, ниже которого не должна быть плата батраку в данный сезон по данному виду найма,— означает улучшение положения всех тех, кто до сих пор получал меньше этой средней величины, и дает профсоюзу опору для дальнейшего движения вперед в соответствии с общей кон'юнктурой и особенностями отдельных хозяйств.

То же относится к рабочему дню. «Строжайшее соблюдение Кодекса» означает обеспечение местными советами, чтобы в кулацких хозяйствах батраки работали весной, летом и осенью 8 часов вместо 12, которые работают теперь. Это должно повести к увеличению затраты кулацкого хозяйства на оплату наемного труда, потому что увеличит наем кулаками в полтора раза (что, кстати, дает дополнительное занятие «избыточным рукам» из так называемого «аграрного перенаселения»). Расход на оплату наемного труда в кулацком хозяйстве так невелик, а выгодность его сравнительно такова, что из-за этого ни один кулак не сократит об'ема своего хозяйства.

«Строжайшее соблюдение Кодекса», далее, требует значительного увеличения губернскими советами многобатрацких районов *количества инспекторов* сельскохозяйственного труда. Оно требует строгого ограничения применения и «Временных правил» о подсобном труде только действительными середняками и бедняцкими хозяйствами, чтобы за них не прятался кулак. Для этого губернские и окружные советы вместо общих туманных формул должны дать своим органам точные признаки, когда считать хозяйство подходящим под действие Кодекса. Мы, например, наметили достаточным наличие одного из следующих четырех признаков: 1) наем двух или более сроковых рабочих; 2) торговая деятельность, хотя бы без торговых рабочих; 3) промышленное предприятие, хотя бы подсобное; 4) промышленно-кулацкий характер хозяйства, независимо от числа рабочих. Местные советы должны конкретизировать даваемые ими признаки, имея в виду закрытие всех щелей, через которые кулак может пролезать в отношении рабочего законодательства под середняцкие «Временные правила» вместо относящегося к нему «Кодекса».

Точно так же, если взять пункты резолюции *об аренде*, то и здесь необходимо для губернских и окружных советов принять ряд мер, чтобы быть в силах выполнить директивы резолюции. Чтобы контролировать аренду и воздействовать на нее в указываемом резолюцией направлении, местным советам придется: 1) установить обязательность *письменного* договора об аренде земли; 2) ввести непременную регистрацию его в сельсовете; 3) организовать преследование по суду за кабальные договоры; 4) указать сельсоветам регистрировать лишь те договоры, где сельхозналог за землю платит арендатор, иначе считать кабальным; 5) поставить через комитеты взаимопомощи и прочие местные органы наблюдение за охраной интересов бедноты при

сдаче ею земли; 6) в виду нередкой связи аренды с кабальными отношениями по найму у кулаков рабочего скота и инвентаря поставить на практике применение судебного преследования кулаков за закабаление своих соседей под видом сдельной обработки их земель или сдачи им скота и инвентаря,—и таким путем «нормировать кулацкие аппетиты» и в этом отношении и т. д.

Мы не имеем возможности подробно разбирать здесь всю резолюцию о деревне с точки зрения тех практических мер, какие понадобятся для полного проведения ее в жизнь. Достаточно сказать, что она дает как достаточную установку для ограничения интенсивности капиталистической эксплоатации в сельском хозяйстве, так и перспективу постепенного полного ее изжития. Партия идет своим путем, пренебрегая измышлениями оппозиции, и данный нами анализ происхождения современных кулаков показывает, насколько эти измышления неосновательны даже в том пункте, какой оппозиция считала для себя особенно выигрышным.

Е. Варга.

Репарационная проблема и новый конфликт.

За последний год проблема репараций почти была забыта заграничной публикой. Германия производила платежи, уплатила даже на 300 млн. больше, чем предусматривалось по плану Дауэса [1]). Трансферт [2]) осуществлялся без трудностей. Германский капитализм переживал—один во всей Европе—стадию высокой кон'юнктуры. Германия принята была на положении «равноправной великой державы» в Совет Лиги Наций. В Германии заговорили о колониальных мандатах, устраивали конференции по колониальному вопросу.

И вот в разгар этих мечтаний о великодержавной роли Германии и о ново-германском империализме меморандум агента по репарациям произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Этот меморандум грубо напомнил германской публике, что Германия не является независимым государством, что над правительством германской буржуазии имеется высшая инстанция, агент по репарациям, делопроизводитель победоносной буржуазии держав Согласия. Германская биржа реагировала на меморандум падением курса ценных бумаг на 20%. Репарационная проблема снова во всей своей остроте стоит на очереди дня...

Действительно, только в нынешнем периоде упадочного капитализма могла возникнуть столь противоречивая ситуация, как та, в которой находится ныне германский капитализм. По развитию своих производительных сил, по концентрации капитала в монополистских организациях, по об'единению финансового капитала Германия занимает первое место в Европе. Внутри страны, в рамках народного хозяйства (innerwirtschaftlich) германский капитализм снова стал вполне империалистическим. Экономический базис и экономическая необходимость империалистической политики экспансии были даны полностью. Но, с другой стороны, германский капитализм лишен почти всех средств для активной империалистической роли за пределами страны. Он не имеет возможности вывоза капитала. Напротив: Германия все еще постоянно ввозит капитал. В октябре 1927 г. ввезена была громадная сумма в 570 млн. марок только в одних долгосрочных займах. Далее: германский капитализм лишен моно-

---

1) По плану Дауэса (или по Лондонскому соглашению) репарационные платежи в течение двух лет увеличиваются ежегодно на половину той суммы, на которую поступления по германским косвенным налогам превысят предусмотренную цифру (но не выше 250 млн. марок в год). Это так называемый «малый индекс благосостояния»; «большой индекс» вступает в силу с 1930 года, при чем возможно повышение репарационных платежей свыше 2500 миллионов в год.

2) Перевод денежных сумм.

полистского господства над колониями и полуколониями, в качестве рынков сырья и рынков сбыта. Германия не имеет достаточных военных сил, чтобы возможна была хотя бы попытка борьбы за господство с другими государствами [1]). А самое главное: германский капитализм находится под контролем своих конкурентов. Командные высоты германского народного хозяйства: государственный банк, железные дороги, государственные финансы заняты уполномоченными Антанты, сидящими в центральных управлениях вместе с немцами. Германский капитализм должен платить ежегодно 2,5 миллиарда марок репараций. Главнейшие государственные доходы заложены Антанте. Хотя в своем народном хозяйстве (innerwirtschaftlich) Германия является империалистической страной, в другом отношении она—полуколониальная страна. Это основное противоречие ярко сказалось теперь благодаря нападению агента по репарациям.

В чем обвиняет он германское правительство?

Он упрекает последнее в том, что оно стремится воспрепятствовать трансферту и таким образом нарушает принятое на себя по Лондонскому соглашению обязательство способствовать трансферту.

«Ответственность германского правительства,—говорится в меморандуме,—*не кончается на платежах внутри страны.* План экспертов... наложил на германское правительство вполне определенную ответственность, а именно предписывает:

> «Германское правительство и рейхсбанк должны обязаться всеми подобающими способами содействовать работе комитета по переводу денег, поскольку это в их силах, включая сюда также мероприятия для контроля за вексельным курсом» (цитата из Лондонского соглашения)».

«На германском правительстве должна остаться ответственность за действия, сводящиеся к *искусственному ограничению возможностей трансферта путем чрезвычайного увеличения ввоза и ограничения вывоза*» [2]).

Впрочем, это еще не создает острого кризиса для репарационного соглашения. Получение репараций в германских марках вполне обеспечено благодаря закладу государственных доходов по пошлинам и косвенным налогам. На тот случай, если трансферт нельзя осуществить полностью, репарационное соглашение предусматривает помещение этих сумм в самой Германии на сумму до 5 миллиардов. Итак, выпад агента по репарациям не означает, что работа машины репараций уже поставлена под вопрос. Но он показывает, что *план Дауэса и Лондонское соглашение не разрешают противоречий репарационной проблемы и*

[1]) Военные силы Германии, правда, не так малы, как можно думать, судя только по цифрам. Рейхсвер является кадром офицеров и унтер-офицеров, который в случае надобности может в кратчайший срок принять в себя прошедшие военную учебу контингенты патриотических организаций. Налицо имеется основа новейшей военной техники: крайне развитая металлообрабатывающая и химическая промышленность, авиационные заводы и т. д. Но недостает следующего: тяжелой артиллерии крупнейших калибров, танков и линейных кораблей—этого нельзя создать в *короткий* срок. В начале войны германская армия была бы *очень* слабой, но если не удастся немедленно разгромить ее и если война *затянется*, то эта армия скоро станет довольно сильной.

[2]) Цит. по «Berliner Börsencourier» от 6/XI 1927 г.

являются только временным преодолением их (zeitweilige Ueberbrückung).

В нижеследующем мы делаем попытку проследить, хотя бы бегло и неполно, историческое развитие этих противоречий.

1. Положение германского капитализма в довоенное время обнаруживает некоторое сходство с его нынешним положением. Внутри страны наблюдался вполне развитой империалистический капитализм, но у него не было соответственных монополистских рынков сбыта, обширных колониальных территорий. Внешняя политика Германии в начале текущего столетия судорожно ищет колоний. Английская буржуазия, обладавшая самыми ценными территориями мира и стратегическими пунктами на морских путях, не мешала германской буржуазии, пока последняя довольствовалась ролью второстепенной колониальной державы на подобие Голландии, Португалии и Испании. Германской буржуазии доставались остатки от английского мирового господства: Юго-Западная Африка, Камерун, Вост. Африка и т. д. Ей позволено было участвовать в подавлении китайской революции и обосноваться в Киао-Чау.

Но эта любезная терпимость превратилась в активную вражду, количество перешло в качество, как только германская буржуазия попыталась вести самостоятельную империалистическую политику. Германская буржуазия имела следующий обширный план: постройка железной дороги Константинополь—Багдад должна была создать азиатскую колониальную империю, доступную из Германии сухопутным путем через «союзные» страны; эта империя должна была вклиниться между империализмом царской России, наступающим с севера на юг, и английским империализмом, опирающимся на Индию и Египет и наступающим с запада на восток. Этого не мог допустить английский империализм тем более, что одновременно конкуренция германской промышленности все больше угрожала на мировом рынке английской промышленности, и, кроме того, усиленное строительство германского флота должно было со временем стать опасным для английского морского господства.

Английский и царский империализм временно оставили в стороне свои противоречия и об'единились для уничтожения нового противника, угрожавшего как английскому, так и русскому владычеству в Азии. Сыграла роль также противоположность интересов Франции и Германии на европейском континенте; а во время мировой войны удалось получить помощь новейшей империалистской великой державы—Северо-Американских Соединенных Штатов. Борьба кончилась полной победой английского империализма. Германия была исключена из ряда активных империалистских держав, Австро-Венгрия подверглась расчленению. Русская революция покончила с империализмом царской России—это было для Англии добавочным плюсом.

2. *Единый империалистский фронт против Германии продолжал существовать еще некоторое время после окончания мировой войны.* Победители сообща диктовали Германии условия мира, сообща наложили на нее невозможно высокие репарационные обязательства. Лозунг «Германия, уплатит все» был необходим для буржуазии Антанты, чтобы успокоить обнищавшие во время войны, эксплоатируемые и восстающие против этого широкие народные массы.

3. ***Единый фронт буржуазии Антанты против Германии вскоре распался***, в особенности после того, как выяснилась невозможность получить от Германии сотни миллиардов марок золотом [1]). В результате образовались следующие две главные группы противоречий:

а) ***Противоречие между всеми странами Антанты, а также Германией, как странами-должниками, с одной стороны, и Соед. Штатами, как страной-кредитором—с другой.*** Получилась следующая своеобразная ситуация: если Германия полностью или хотя бы частично окажется не в состоянии уплатить наложенные на нее громадные платежи, то страны-победительницы должны из собственной продукции платить Соед. Штатам постоянную дань в счет своей военной задолженности. Страны-победительницы пытались связать вопрос о сокращении германских репараций с сокращением своих долгов Америке. Ярче всего это выразилось в известной ноте Бальфура от 1 августа 1922 г.; Англия из'являла в этой ноте готовность не требовать от союзников и от Германии, вместе взятых, больше той суммы, которую ей самой придется платить Соед. Штатам. Этот шаг переносил на Соед. Штаты ответственность за дальнейшую судьбу репарационного вопроса и вопроса о межсоюзнических долгах. Но буржуазия Соед. Штатов настаивала на своих требованиях. Вскоре шаткий единый фронт европейской буржуазии развалился, и Англия первая консолидировала свой военный долг Америке, так как нуждалась в поддержке Соед. Штатов при новоустройстве европейского континента. Финансовое давление Соед. Штатов на Англию последняя в свою очередь перенесла на Францию, а та—на Германию.

б) *Борьба за политическую гегемонию между Англией и Францией.* После поражения Германии Франция стала сильнейшей военной державой в Европе; этому способствовало заключение Францией союзов с соседями Германии: Польшей, Чехо-Словакией, Бельгией. Благодаря новейшему развитию военной техники—подводные лодки, дальнобойная артиллерия, массовое применение аэропланов—флот Англии оказывается уже недостаточным для ее защиты. В военном отношении Англия перестала быть островом. Поэтому английская буржуазия должна была всеми силами препятствовать планам Франции относительно Германии. В основе этих планов лежали интересы французской тяжелой промышленности; эта политика Франции нашла свое конкретное выражение в насильственной оккупации Рурской области, оккупации, происшедшей против воли Англии. В главном эта политика сводилась к следующему: германский уголь должен соединиться с французской рудой, Рейнская и Рурская области должны быть отделены от Германии и составить формально независимое, но на самом деле находящееся под французским влиянием буферное государство, остальная Германия должна быть расчленена—Бавария и вообще вся Южная Германия должны быть выделены из нее и об'единены с немецкой Австрией. Если бы эти планы осуществились, то Франция стала бы прямо или косвенно господином над тяжелой промышленностью всего евро-

[1]) Как известно, в начале 1920 г. долг Германии был установлен в размере 226 миллиардов марок золотом; в мае 1921 г. он был сокращен в Лондоне до 132 миллиардов, при чем, однако, проценты должны платиться пока только по 50 миллиардам.

пейского континента и вместе с тем стала бы несомненным военным гегемоном Европы. Чтобы воспрепятствовать этому, английская буржуазия тайно поощряла германскую в ее сопротивлении оккупации Рура. Эта оккупация формально кончилась победой Франции. Германская буржуазия вынуждена была прекратить свое пассивное сопротивление. Но совместное давление буржуазии Англии и Соед. Штатов помешало французской буржуазии провести ее экономические и политические планы.

4. Оккупация Рура и связанное с этим полное обесценение германской валюты создали *новый, временно единый фронт мировой буржуазии, в том числе и германской, для предупреждения пролетарской революции, которая осенью 1923 г. непосредственно надвигалась в Германии.* План Дауэса родился в результате стараний представителей буржуазии империалистских государств преодолеть противоречия своих интересов, а именно на следующей платформе: Германия должна платить возможно высокие репарации, но вместе с тем не должно быть допущено повторение революционной ситуации, кроме того—не должно быть допущено, чтобы германская промышленность оказывала уничтожающую конкуренцию промышленности стран Антанты [1]).

План Дауэса был попыткой примирить противоречия интересов отдельных империалистских держав в репарационной проблеме. Главные противоречия заключались в следующем:

В финансовом отношении *французская буржуазия*, как целое, очень сильно заинтересована в поступлении репарационных платежей. Полная уплата репараций составила бы весьма значительную часть французского бюджета, около 20%. Но Германия может длительно платить репарации только при преуспевании своей экономики, своей окрепнувшей промышленности. А преуспевающая германская промышленность делает Германию крайне опасным соседом для французской буржуазии с точки зрения политической гегемонии. Ибо можно легко высчитать, в какое время население Германии вдвое превысит население Франции. При современном развитии военной техники степень развития промышленности вообще и химической и металлообрабатывающей промышленности в частности становится показателем обороноспособности данного государства. Это противоречие нисколько не разрешается планом Дауэса. Французская буржуазия пытается предупредить опасность путем строгого разоружения Германии.

Позиция английской буржуазии по отношению к Германии тоже полна непреодолимых противоречий. В финансовом отношении английская буржуазия не особенно заинтересована в поступлении репарационных платежей. Доля этих платежей, при-

[1]) Инфляция непосредственно освободила германский промышленный капитал от всех его долгосрочных обязательств. Кроме того, государство тоже избавилось от всех своих военных и довоенных долгов. Это значит, что из всей суммы прибавочной стоимости гораздо меньшая часть приходится отныне на ссудный капитал, а большая часть остается непосредственно за промышленным капиталом. Так как вульгарная политическая экономия считает проценты и налоги самостоятельными составными частями издержек производства, план Дауэса неоднократно требует, чтобы «налоговое обложение германского народного хозяйства ни в коем случае не было ниже, нежели в других странах». Поэтому на германский рейхсбанк наложены были 11 миллиардов марок, на германскую промышленность—5 миллиардов; это должно было компенсировать преимущество, заключающееся в отпадении бремени долгов вследствие инфляции.

ходящаяся в пользу Англии, составляет не более 3 процентов английского бюджета. Зато английская буржуазия опасается конкуренции вновь окрепшего германского капитализма на мировом рынке. Как только прекратится нынешняя высокая кон'юнктура в Германии, покоящаяся в настоящее время на внутреннем рынке, германская промышленность станет вытеснять английскую на рынках всего мира. Таким образом пропадает одна из целей мировой войны для Англии, вытеснение Германии как промышленного конкурента. Но, с другой стороны, и политическом отношении английской буржуазии и безусловно необходима Германия, как противовес военному превосходству Франции и ее союзников на европейском континенте.

Менее противоречиво отношение американской буржуазии к Германии. Эта буржуазия заинтересована в особенности в сохранении Германии с ее стабилизированным капитализмом. Германия является одним из важнейших рынков сбыта для Соединенных Штатов, при чем именно для тех продуктов, экспорт которых особенно важен для Штатов (хлопок, пшеница; кроме того, некоторые виды промышленного сырья, как-то медь). Кромо того, Германия является одним из важнейших рынков для вывоза капиталов Соед. Штатов, а со вступлением Соед. Штатов в первые ряды империалистских держав этот экспорт становится для них жизненной необходимостью. Американской буржуазии гораздо меньше, нежели английской и французской, приходится бояться конкуренции германской промышленности. Американская буржуазия опирается на громадный внутренний рынок и на свое финансовое превосходство, позволяющее ей вывозить товары под видом вывоза капиталов. Наконец, необходимо подчеркнуть еще следующее: американская промышленная буржуазия стремится установить у себя в стране длительный союз с рабочей аристократией, поэтому она нуждается в Германии с ее высококвалифицированным и низкооплачиваемым рабочим классом, для того чтобы насаждать там (свое) производство на мировой рынок. Соединенные Штаты—единственная страна, которой ничего бояться под'ема германской промышленности, единственная страна, буржуазия которой может использовать германский рабочий класс в своих интересах.

План Дауэса считался со всеми этими противоречивыми интересами главных империалистских держав. Он временно справился с ними (überbrückt sie), так как на первом плане стоял общий интерес капиталистических держав: не дать повториться революционной ситуации.

Каким образом германская буржуазия может бороться против репарационных обязательств?

В течение трех лет план Дауэса функционировал без заминки. В настоящее время агент по репарациям выступил с официальным обвинением германского правительства в том, что его финансовая политика направлена к воспрепятствованию трансферту. Обвинения его сводятся в главном к следующему:

Германское правительство без надобности повышает государственные расходы. В особенности расходы отдельных германских государств, а также коммун ускользают от контроля общегерманского правительства. Проектируемое повышение окладов государственных чиновников повлечет за собой всеобщее повышение окладов и зарплаты. При ухудшении кон'юнктуры грозит наступить крупный дефицит в государственном хозяйстве. Небольшой дефицит агент по репарациям вычислил уже для текущего бюджетного года. Он порицает также крупные займы, внутренние и внешние, заключаемые государствами и коммунами для непроизводительных целей. Он опасается, что это слишком щедрое расходование общественных средств повлечет за собой всеобщее повышение цен и таким образом станет поперек дороги политике рейхсбанка, направленной к стабилизации валюты, а кроме того, уменьшит германский экспорт. Короче говоря: агент по репарациям обвиняет германское правительство в том, что оно отходит от принципов плана Дауэса и таким образом косвенно ставит под вопрос репарационные обязательства Германии.

В своем ответе германское правительство уверяет, что оно желает честно исполнять взятые на себя обязательства. Оно пытается доказать, что новые законы, на которые указывает агент по репарациям, не означают новых повышений налогов и т. д. При чтении этого ответа видно, как далеко «ново-германскому империализму» до действительного империализма в смысле политического господства.

В самом деле, какие возможности имеются у германской буржуазии успешно бороться против платежа репараций? Теоретически имеются четыре возможности:

а) *Отказ в платежах.* Согласно Лондонскому пакту и Версальскому мирному договору, это немедленно повлекло бы за собой применение санкций: занятие частей Германии, морскую блокаду и т. д. Подобный шаг возможен только в том случае, если противоречия между империалистскими державами дойдут до открытого об'явления войны или по крайней мере до прямой угрозы войны. Отказ в уплате репараций был бы в таком случае равносилен вступлению Германии в войну на стороне одной из группировок империалистских держав. Этот случай пока не стоит на очереди.

б) *Суммы, необходимые для уплаты репараций, не могут быть собраны в германских марках.* Этот случай невозможен! Государственные доходы, заложенные в обеспечение репараций (пошлины, косвенные налоги, железнодорожный налог и пр.), дают столь высокие цифры, что борьба по этой линии совершенно невозможна. Она невозможна также по экономической линии. Ибо для германского народного хозяйства репарации, при всей их тяжести, не являются невыносимым бременем. Они составляют 5 процентов национального дохода, оцениваемого приблизительно в 50 миллиардов марок [1]), и 20 процентов ежегодного довоенного прироста народного богатства (при пересчете на нынешние цены). Так как при нынешнем соотношении сил различных классов бремя репараций перелагается на пролетариат, оно пока не подвергает опасности сам капитализм в Германии.

в) *Воспрепятствование трансферту.* В этом агент по репарациям обвиняет нынешнее германское правительство. На этой воз-

[1]) *«Национальный доход»* буржуазной политической экономии значительно выше стоимости ежегодной продукции; поэтому фактическое бремя репараций выше.

можности, мы должны остановиться подробнее, ибо это—больное место всего плана Дауэса.

Скажем заранее: *до сих пор действительный трансферт не состоялся*. Применялось только то, что я назвал «фиктивным трансфертом». Трансферт осуществлялся только формально, а именно: Германия получала из-за границы в виде займов, краткосрочных кредитов, продажи акций и недвижимостей—больше, чем должна была платить по репарациям, и за счет этих иностранных капиталов осуществлялся трансферт. *Из собственной продукции германского народного хозяйства не было до сих пор уплачено по репарациям ни одного пфеннига*. Проблема трансферта была отсрочена путем привлечения иностранного капитала. Поступления новых иностранных капиталов со времени стабилизации германской валюты оцениваются весьма разноречиво; но даже в самой низкой оценке они превышают общую цифру внесенных Германией репарационных платежей. Разумеется, это означает, что в дальнейшем придется трансферировать (переводить за границу), кроме самих репараций, *также* проценты за иностранный капитал. Это равносильно тому, что проценты по долгу уплачивают с помощью новых долгов. Такой способ разгружает настоящее, но тем сильнее обременяет будущее. Если до сих пор трансферт удавался, то это еще нисколько не доказывает, что это удастся также в будущем, когда платежи составят гораздо более высокие суммы.

Как германская буржуазия может бороться с трансфертом? Для этого имеется прямой способ и косвенный. Прямой способ заключается в том, чтобы выручку за экспортируемые товары помещать за границей с целью лишить агента по репарациям возможности закупать в Германии иностранные девизы за счет германских марок, полученных германским правительством, закупать их, но снижая курса марки ниже «золотой точки», другими словами—не ставя под вопрос стабилизацию германской валюты. По смыслу всего плана Дауэса, агент по репарациям никоим образом не должен подвергать германскую валюту этой опасности.

Здесь необходимо принять во внимание следующее: борьба против трансферта отвечает интересам *германской буржуазии, как класса*, но указанный способ потребовал бы *очень тяжелых материальных жертв от отдельных капиталистов*. Процент на ссудный капитал составляет в настоящее время в Германии 8% и выше для первоклассных должников. В Германии царит постоянный недостаток оборотного капитала; это—результат войны, репараций и переоборудования производственного аппарата в связи с рационализацией. Поэтому ни одна капиталистическая фирма не станет оставлять свой капитал за границей в интересах воспрепятствования трансферту: за границей она получит меньший процент на свой капитал, тогда как в Германии она может поместить его гораздо выгоднее. На практике этот способ вряд ли осуществим, разве что правительство будет финансировать всю эту кампанию, как оно в свое время поступало при оккупации Рура.

г) *Косвенный саботаж трансферта посредством финансовой политики правительства*. В экономическом отношении обвинения агента по репарациям сводятся к следующему: германское правительство поднимает уровень цен на внутреннем рынке, это

мешает вывозу товаров, делает торговый баланс пассивным, уменьшает поступления иностранных девиз, затрудняет трансферт. Правительство прибегает при этом к следующим средствам: слишком щедрое расходование государственных средств, употребление иностранных займов на непроизводительные цели, увеличение оборотных средств, в общем увеличение внутреннего непроизводительного потребления. Благодаря этому товарные цены идут в гору, и торговый баланс становится пассивным. *Смысл всего меморандума Гильбера Паркера сводится к следующему: германскому народу живется слишком хорошо, для кредиторов по репарациям остается недостаточно*!

В своем ответе германское правительство энергично отвергает эти обвинения. Оно указывает на растущий вывоз и выражает надежду, что он будет расти еще быстрее, когда перейден будет кульминационный пункт кон'юнктуры на внутреннем рынке.

Правильны ли обвинения, возводимые агентом по репарациям? Работает ли германское правительство сознательно над тем, чтобы сделать невозможным трансферт?

Мы сомневаемся в этом.

Отдельные германские капиталисты кровным образом заинтересованы в том, чтобы увеличивать свой экспорт. При заключении торговых договоров германское правительство употребляет все усилия, чтобы устранить препятствия для германского экспорта. А вообще говоря, воспрепятствовать трансферту против воли агента по репарациям возможно только в том случае, если германская буржуазия возьмет на себя риск по обесценению валюты, а также по обостренному вмешательству агента по репарациям—другими словами, по новому тяжелому кризису для германского капитализма. Мы не думаем, что германская буржуазия пойдет на это. Кон'юнктура благоприятна, присвоение прибавочной стоимости происходит без заминок, прибыли высоки—какой смысл имеет ставить все это на карту?

Трансферт затрудняют об'ективные обстоятельства, а не злая воля германской буржуазии. Если не считать угля, калийных солей и азота, Германия может выплачивать репарации только такими промышленными товарами, для фабрикации которых она в значительной мере нуждается в ввозном сырье. Германия должна платить ежегодно репарации в размере 2,5 миллиардов золотых марок и, кроме того, 500—1000 миллионов как проценты на помещенные в Германии иностранные капиталы; для этого необходимо, чтобы ее торговый баланс имел активное сальдо по крайней мере на такую же сумму. Это значит, что Германия должна вывозить на 4—5 миллиардов марок больше промышленных товаров, чем прежде (при этом принято во внимание также импортное сырье для этих экспортных товаров). По нашим прежним вычислениям, весь мировой экспорт промышленных товаров составляет (с большим приближением) 36—40 миллиардов зол. марок. Итак, Германии необходимо отвоевать у ее конкурентов одну седьмую часть их сбыта, их вывоза. Если же не это, то остается только следующее: должен наступить общий под'ем капитализма, при чем емкость мирового рынка для изделий промышленности должна возрасти в такой степени, чтобы сделать возможным этот добавочный сбыт германских товаров. И то и другое очень мало вероятно. *Поэтому германской буржуазии*

нет надобности вести какую-то особую политику для того, чтобы сделать трансферт невозможным. Полный трансферт репарационных платежей и без того оказывается невозможным вследствие об'ективных причин.

Германская буржуазия надеется, что ей удастся мирным путем, посредством соглашения с империалистскими державами, сократить бремя репараций. Она надеется, что это будет наградой ей за соответственное поведение в случае совместной войны империалистических держав против СССР или наградой за ее нейтралитет в случае войны между бывшими союзниками, участниками Антанты. Есть у нее еще одна надежда, а именно, что американская буржуазия, которая помещает все больше капиталов в Германии, окажет в своем собственном интересе давление на Францию для уменьшения репараций. Короче говоря, германская буржуазия надеется на уменьшение бремени репараций благодаря обострению противоречий в лагере империалистов. В общем это—правильная точка зрения. В первую очередь германская буржуазия добивается установления ее обязательств: дело в том, что *до сих пор установлены только цифры годичных платежей, но не установлено, сколько лет должны вноситься эти платежи!*

Итак, мы полагаем: нынешние трудности не являются результатом сознательной политики германской буржуазии, трансферт наталкивается на об'ективные трудности, при чем германская буржуазия не имеет никаких оснований способствовать устранению этих трудностей. В настоящее время еще нет кризиса плана Дауэса, но уже имеется налицо первое звено в длинной цепи грядущих частичных кризисов, которые в конце концов приведут к краху.

М. Лифшиц.

Обложение деревни и оппозиция.

Оппозиция в своих нападках на Центральный Комитет партии, особенно в своих выступлениях по «крестьянскому» вопросу, резко критикует налоговую политику партии.

Основные моменты нашей налоговой политики в деревне достаточно хорошо известны всей партии, тем более вождям теперешней оппозиции, которые непосредственно и активно эту политику проводили. Поэтому мы ограничимся только разбором и проверкой «солидности» обвинений оппозиции и предложений, которые получили свое выражение в трех следующих документах:

1) выступлении тов. *Евдокимова* на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК 29/VII—9/VIII;

2) платформе;

3) контртезисах «О работе в деревне».

Тов. *Евдокимов* в своей речи на пленуме ЦК и ЦКК пытался доказать, что нынешний сельхозналог не только не является «орудием ограничения эксплоататорских стремлений кулачества», не только не усиливает позиции бедноты, а, наоборот, помогает кулаку и ослабляет наш союз с середняком.

Начинает тов. *Евдокимов* с жалобы на то, что нет специально разработанных данных о размерах налогового обложения кулака и приводит «курьезный» пример того, как в одной и той же брошюре, на протяжении всего нескольких страниц, один и тот же автор (пищущий эти строки) приводит различные цифровые данные о пределах тяжести обложения.

Тов. *Евдокимов* имеет в виду выпущенное АПО ЦК и МК «Пособие для агитаторов по сельхозналогу», где на 29 странице автор пособия (М. Лифшиц) говорит: «между тем, часть дохода, забираемая налогом, для наиболее зажиточных крестьянских хозяйств и так достаточно высока (20—30%)», а на странице 32 тот же автор говорит: «тяжесть обложения этой группы крестьянских хозяйств достигла предела (налог с высших групп изымает 20—23% всего их дохода)».

В самом деле, что может быть небрежнее, если пределы обложения определить на одной странице в 30%, а спустя несколько страниц в 23%? Но можно ли говорить серьезно о такого рода обвинениях? Разве товарищу *Евдокимову* трудно было понять, что имеет место только обыкновенная типографская опечатка?

В самом деле, если бы тов. *Евдокимов* прочел не только 29-ю и 32-ю страницы, а всю брошюру, то на 67-й странице он увидел бы самую таблицу ставок по сельхозналогу. Из этой таблицы видно, что только с излишка дохода сверх 100 руб. на едока взимается 25% налога. Следовательно и 25% (а не

только 30%) не может достигнуть из'ятие даже в самых высших группах крестьянских хозяйств по доходности. И чем зажиточнее хозяйство, тем больше тяжесть его обложения приближается к этому пределу, но перешагнуть его она не может, раз даже и ставки такой в законе нет. Указали же мы пределы в 23%, а не, скажем,—24,5% желая наиболее об'ективно указать вероятный реальный предел тяжести обложения.

Остается предположить, что тов. *Евдокимов* либо вовсе не читал той книжки на которую ссылается, либо прочел только несколько страниц, наткнулся на небрежность автора или корректора и обрадовался явному доказательству «плохого руководства», «кулацкого уклона» и прочее.

Тов. *Евдокимов* говорит, что в нашем законе закреплены недостатки предыдущего года, что по ряду районов, «как раз районов с наибольшим количеством хозяйств капиталистического типа, кулак был недообложен, а середняк, по сравнению с предшествующим годом и по сравнению с кулаком, переобложен».

Напоминаем, что на 1927—28 г. осталась система сельхозналога прошлого, т.-е. 1926—27 года, в которую были внесены только некоторые поправки. Смысл этих поправок сводился к тому, чтобы еще точнее подойти к обложению крестьянских хозяйств по совокупности их доходов, чтобы от налога освобождалась действительно беднота и чтобы содействовать более быстрому развитию некоторых отраслей сельского хозяйства, путем предоставления некоторых новых льгот животноводству, техническим культурам.

Таким образом, повторяем, в 1927—28 г. *система* сельхозналога не изменялась. Следовательно, если верно, что в 1926—27 г. кулак был недообложен, то также верно, что он остался недообложенным и в 1927—28 г. В этом смысле тов. *Евдокимов* прав. И именно поэтому нам совершенно непонятно, каким образом «середняк» по сравнению с предыдущим годом, оказался переобложенным, когда ни система, ни ставки налога (за исключением нескольких районов) не изменялись [1].

Кроме того, ведь надо еще принять во внимание, что середняк за год хозяйственно несколько вырос, получил ряд новых льгот сельскохозяйственного характера. Если все это учесть то должно стать совершенно очевидным, что в сравнении с пред'идущим годом тяжесть обложения середняков должна была понизиться, но уж во всяком случае не повыситься, как это утверждает тов. *Евдокимов*.

Следующий дефект в налоге нынешнего года т. *Евдокимов* видит в том, что в результате изменения порядка освобождения от налога бедноты, «на ряду с расширением круга малосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от с.-х. налога, количество многосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от налога, сравнительно с прошлым годом значительно сокращено».

Тов. *Евдокимов* заявляет: «Увеличен податной нажим в сторону малосемейных бедняцких хозяйств. Это утверждение очень серьезное». Мы согласны, что это утверждение очень серьезное, и не понимаем, как может тов. Евдокимов «утверждать» то, что не соответствует действительности.

[1]) По Сибири ставки налога за оба года не изменялись.

Чтобы доказать «солидарность» утверждений тов. *Евдокимова*, придется вкратце рассказать о существовавшем в прошлом году порядке освобождения от налога крестьянской бедноты и какие в этом году были внесены в этот порядок изменения. В налоговом законе 1926—27 года был установлен необлагаемый минимум дохода *на едока*. В среднем этот необлагаемый минимум составлял по Союзу, примерно, 27—28 руб. Следовательно, все крестьянские хозяйства, имевшие облагаемого дохода на душу в год не больше установленного необлагаемого минимума, *автоматически освобождались от налога, независимо от семейного состава*. В результате громадное количество крестьянских хозяйств признавалось бедняцким и освобождалось от налога, между тем *это были хозяйства отнюдь не бедняцкие, а лишь многосемейные*.

Так, например, при расчете по средним для РСФСР нормам доходности и необлагаемому минимуму, от налога могли быть освобождены хозяйства с 10 едоками, имевшие:

5 дес. пашни, 2 дес. заливного сенокоса, 3 коровы и 2 лошади, потому что облагаемый доход этого хозяйства составлял примерно 260 руб., а необлагаемый минимум хозяйства, при необлагаемом минимуме на едока в 27 руб., составил 270 рублей.

В то же время малосемейное хозяйство с гораздо более низким доходом *на хозяйство*, должно было платить налог. Например, хозяйство, состоявшее из 3-х едоков *совершенно без скота*, но имевшее 3 дес. пашни, должно было платить налог, потому что доход этого хозяйства составил 84 руб., а необлагаемый минимум хозяйства 81 руб. (3 едока по 27 рублей).

Вопрос о том, что является большим показателем мощности хозяйств: доход *на едока* или доход *на хозяйство в целом*, является вопросом спорным, и окончательного решения по этому вопросу до сих пор нет. Но нет никакого сомнения в том, что считать показателем мощности хозяйства доход *только на едока*, без учета мощности всего хозяйства, неверно. Если доход на душу и невысок, но мы имеем дело с крестьянским многосемейным хозяйством, имеющим много земли, скота, то хотя *на едока*, может быть, приходится и немного дохода, *тем не менее считать это крестьянское хозяйство во всех случаях бедным нельзя*.

По ряду губерний от налога освобождались крестьянские хозяйства, имевшие много земли и по 4—5 голов крупного скота. В результате такой системы много было случаев, когда от налога освобождались середняцкие, платежеспособные крестьянские хозяйства и, наоборот, немалое количество бедняцких хозяйств облагалось налогом только потому, что доход на душу несколько превышал необлагаемый минимум, *хотя на хозяйство дохода приходилось гораздо меньше, чем у соседа, освобожденного от налога по бедности*.

В самом деле, при прошлогоднем порядке могли быть освобождены от налога многоедоцкие хозяйства с доходом в 300 руб. Совершенно ясно, что значит в наших условиях крестьянское хозяйство с доходом в 300 рублей. Это означает хозяйство, скажем, в Калужской губернии, имеющее 6 десятин земли, 3 лошади и 3 коровы. Можно ли считать такое крестьянское хозяйство бедняцким и подлежащим *безусловному* освобождению от налога. Конечно нет. Между тем по закону 1926—27 года оно от налога освобождалось, и на ряду с такими случаями в той же самой

Калужской губернии попадали под обложение крестьянские хозяйства, состоящие из 5 едоков и имевшие дохода на хозяйство, скажем, 160 рублей.

По новому закону этот порядок был изменен. Необлагаемый минимум был дифференцирован в зависимости от численности семьи, т.-е. установлено, что *автоматически* освобождаются от налога крестьянские хозяйства:

с доходом в 90 рублей, если в хозяйстве 1 и 2 едока;

с доходом не более 100 рублей, если в хозяйстве 3 и 4 души и

с доходом не более 110 рублей, если в хозяйстве 5 и более душ.

Хозяйство с большим доходом и большим количеством душ от налога *автоматически* не освобождается. Но так как могут быть отдельные хозяйства, доход которых хотя и выше установленного по необлагаемому минимуму, но которые все же являются бедняцкими, *то законом установлено, что такие маломощные многосемейные хозяйства освобождаются от налога по постановлениям местных налоговых комиссий в индивидуальном порядке.*

Таким образом, чтобы устранить возможность обложения бедняцких хозяйств, что во многих случаях имело место в прошлом году, и чтобы вместе с тем не освобождать от налога платежеспособные крестьянские хозяйства, что также имело место в прошлом году, изменен порядок таким образом, что за счет сокращения количества хозяйств, освобождаемых от налога *автоматически*, расширена практика *индивидуального освобождения*, т.-е. предоставлено право местным крестьянским организациям самим полностью или частично освобождать от налога отдельные крестьянские хозяйства *не только по признакам дохода на едока, но и по остальным признакам, характеризующим мощность отдельного крестьянского двора.*

С этой целью установлен специальный фонд, который был заблаговременно распределен между всеми волостями Советского Союза.

Из сказанного очевидно, что изменения в порядке освобождения от налога крестьянской бедноты преследовало одну цель: *освободить от налога только бедноту.* Заявление же тов. *Евдокимова*, что количество многосемейных бедняцких хозяйств, освобождаемых от налога, значительно *сокращено*, *неверно.*

Если в прошлом году от налога было освобождено, примерно, 25—26% всех крестьянских хозяйств, с которых причиталось, примерно, 4,6% всего исчисленного по Союзу налога, то в нынешнем году до Манифеста было освобождено 26%, а вместе с дополнительными льготами по Манифесту количество всех крестьянских хозяйств, освобождаемых от налога, достигнет 35%, и исчислено и сложено с них налога 8,5% всего исчисленного по Союзу налога.

Мы выше уже указали на нелепость утверждения, что в сравнении с предыдущим годом (т.-е. с 1926—27 годом) в обложении кулака и середняка могли произойти изменения в сторону облегчения обложения кулака и отягчения обложения середняка. Чтобы доказать правильность своего утверждения, тов. *Евдокимов* пользуется материалами одного обследования по Сибири. Мы, к сожалению, не знакомы с этими материалами, но простое знакомство с нашим налогом, с районом, о котором идет речь, с

практикой обложения по Сибири вполне достаточны, чтобы выявить бессодержательность этих обвинений [1]).

В самом деле, тов. *Евдокимов* для доказательства верности своего вывода приводит пример обложения налогом хозяйства Филиппа *Фомина*, имеющего облагаемого дохода 794 рубля, а налога с него в 1925—26 г. было 104 рубля, а в 1926—27 г.— 108 рублей. Кроме того, говорит тов. *Евдокимов*, крестьянин *Фомин* имеет сенокосилку, молотилку, сеялку и проч., доход коих к обложению не привлекается.

Если даже считать, что все расчеты тов. *Евдокимова* правильны, то спрашивается: 104 или 108 рублей налога с такого крестьянского хозяйства, как Филиппа *Фомина*, много или мало?

Ответить точно на этот вопрос трудно. Необходимо знать еще семейный состав этого хозяйства. Качество земли и скота, цены в том районе и прочее. Повидимому, семья Филиппа Фомина состоит из 7—8 душ, таким образом, годовой доход хозяйства на душу составит примерно 100—110 рублей. В условиях Сибири этот облагаемый доход будет, вероятно, совпадать с условно-чистым, т.-е. валовым минус корм скоту и семена. Конкретно это означает, что за счет этого дохода кр-нин *Фомин* должен кормить, в том числе и хлебом, целый год свою семью, потому что в доход включена вся продукция хозяйства, исчисленная по рыночным ценам.

Можно ли считать 104—108 рублей налога, или 13% из'ятия *такого дохода* недостаточным? Конечно нет!

Можно ли считать это хозяйство в сибирских условиях кулацким? Конечно нет!

Тов. *Евдокимов* говорит, что в этом хозяйстве не привлекаются к обложению доходы от молотилки, сеялки, и проч. *И это неверно.* Именно в Барабинском округе Сибири доход от сельскохозяйственных машин в единоличных хозяйствах к обложению привлекается по доходу от сдачи этих машин на сторону. Если действительно,—как говорит тов. Евдокимов,—Филипп Фомин, имеет 450 рублей дохода от этих машин, то привлекается к обложению примерно 35%, т.-е. рублей 150 и тогда облагаемый доход этого хозяйства будет уже не 794 рубля, а 944 руб. и налог с этих 150 рублей составит, вероятно, еще дополнительно рублей 30. Или всего налога не 108, а 138 рублей. Много это или мало? Полагаем, что в прошлом году больше с такого хозяйства и таким доходом взять вряд ли было целесообразно.

Дальше т. *Евдокимов* говорит: «Если для кулацких хозяйств процент увеличения сельхозналога по сравнению с 1925—26 г. составлял в 1926—27 г. 7—10%, то для середняцких хозяйств повышение с.-х. налога в 1926—27 году по сравнении с 1925—1926 г. для верхушки уже составляет 30—40%, но чем ниже середняцкое хозяйство, тем больше это увеличение. Для середняцких хозяйств, приближающихся к маломощным и бедняцким хозяйствам, это увеличение составляет 50—60—80—100—120%». Что можно про эти цифры и расчеты сказать, если не повторять

[1]) Тт. Сырцов и Эйхе, ответственные руководители советских и партийных организаций Сибири, в особом заявлении Пленуму ЦК и ЦКК отмечают, что Евдокимовым выдернуты отдельные случаи, отдельные примеры, совершенно не характеризующие действительное положение вещей.

реплики одного из присутствовавших на заседании: «да бросьте чепуху городить—факты нужно привести».

В самом деле, в 1926—27 году произведено изменение прогрессии обложения по всему Советскому Союзу *в сторону резкого повышения для верхушки, а для маломощных групп понижения почти вдвое.* Среднее из'ятие налогом дохода в 1925—1926 г. колебалось от 4% для низших групп и достигало 12% для самых высших. По сельхозналогу на 1926—27 год (эта прогрессия действует и теперь) прогрессия колеблется от 2 процентов для низших и до 20—23% для высших. Таким образом, заявление, что прогрессия изменена в сторону повышения больше всего для середняцких или маломощных групп, является выдумкой, которую легко опровергнуть. Достаточно для этого привести вот эту табличку:

Изменение прогрессии сельхозналога в 1926—27 г., и 1927—1928 г. против 1925—26 г. [1]

Размер облагаемого дохода на едока в рублях	% из'ятия облагаемого дохода налогом		% изменения к 1925/26 г.
	По налогу 1925/26 г.	По налогу 1927/28 г.	
30	3,56	2,30	— 34,6
40	4,20	3,00	— 26,6
50	5,02	4,40	— 12,4
60	6,48	6,50	+ 0,2
70	7,59	8,57	+ 14,9
80	8,42	10,13	+ 20,3
90	9,07	11,56	+ 27,4
100	9,59	12,70	+ 32,4
140	10,89	16,21	+ 48,9
180	11,61	18,17	+ 56,5
200	11,85	18,85	+ 59,1
300	12,62	20,90	+ 65,7

Из этой таблицы мы видим, что для маломощных хозяйств, с доходом до 30 руб. на едока, прогрессия понижена на 35%. Затем понижение это все уменьшается, и с дохода от 70 рублей на едока в год начинается повышение от 14,9% до 65,7% (при доходе в 300 руб. на едока).

Необходимая оговорка, что это среднее сопоставление не совсем приемлемо для Сибири, поскольку в 1926—27 году для Сибири было допущено некоторое изменение единой для республики таблицы ставок, но и при измененной таблице остается основной смысл новой прогрессии, приведенный в таблице, и остаются неверными расчеты тов. *Евдокимова*, что мы имели в 1926—27 г. изменение прогрессии в сторону повышения тяжести налога для середняцких и маломощных хозяйств и в меньшей степени—повышения для кулацких хозяйств.

Совершенно очевидно, что тов. *Евдокимов* приводил факты по Сибири для того, чтобы иллюстрировать, что вообще сельхозналог изменен таким образом, что тяжесть налога повышена для маломощных и середняцких хозяйств. Мы должны сказать, что на ряду с поправками, внесенными по Сибири, действительно несколько ослабляющими резкость прогрессии, *по ряду других* районов Союза были внесены поправки, *которые эту резкость прогрессии изменили как раз в сторону еще более резкого понижения тяжести для маломощных и середняцких хозяйств.* Но об этом тов. *Евдокимов* ни словом не обмолвился.

[1]) Надо иметь в виду, что в 1925/26 году были районные таблицы ставок, а в 1926/27 году единая. Здесь дается сопоставление нынешней единой таблицы со сведенной в одну всех районных таблиц 1925/26 г.

По поводу выступления тов. *Евдокимова* тов. *Рыков* заявил, что «самую систему с.-х. налога еще долго придется изменять и совершенствовать. Правильность действующего теперь закона о с.-х. налоге нужно внимательнейшим образом проверять на опыте». *Вот это совершенно верно.* Вот именно так надо подходить к вопросу. Никто из товарищей, знающих систему и практику этого налога, также задачи партии в области обложения деревни, никогда не утверждал и утверждать не может, что наша система обложения деревни совершенна. Наоборот, она неизбежно сложна, неизбежны ошибки, уже по одному тому, что дело касается обложения 24 миллионов крестьянских дворов различной социальной природы, разбросанных на громадной территории Советского Союза, ведущих свое хозяйство различными методами и способами, находящихся в различных условиях.

Выступление тов. *Евдокимова* характерно, именно, тем, *что вместо действительных недостатков системы, ее неправильностей, критикует то, что по существу не является предметом критики, приводит факты, не соответствующие действительности, извращает цифры и, как правильно в своем заявлении пленуму ЦК и ЦКК говорят тт. Сырцов и Эйхе, извращает истинный смысл и тем самым только препятствует улучшению системы обложения деревни.* В этом смысле выступление т. Евдокимова является характерным оппозиционным выступлением.

Вопросу обложения деревни, «плохому руководству» ЦК в этом вопросе оппозиция уделяет много внимания в «платформе». Там говорится: Сельхозналог в деревне по общему правилу ложится в обратной прогрессии: тяжело—на маломощных, легче—на крепких и кулаков. По приблизительным исчислениям 34% маломощных крестьянских хозяйств СССР (даже без таких районов с далеко выдвинувшейся дифференциацией, как Украина, Северный Кавказ и Сибирь) владеют 18% условно чистого дохода; таким же точно совокупным доходом, 18%, владеет и высшая группа, составляющая всего 7,5% хозяйств. Между тем обе эти группы платят, примерно, поровну—около 20% всей налоговой суммы каждая; ясно, что на каждое отдельное бедняцкое хозяйство налог ложится гораздо более тяжелой ношей, чем на кулацкое и вообще «крепкое» хозяйство».

Оппозиция либо не разбирается в тех материалах, которыми она пользуется, либо убеждена в том, что ее расчеты никто не станет проверять—возьмет на веру.

Сделаем сначала два предварительных замечания, а затем постараемся проверить расчеты оппозиции. *Во-первых*, нам уже приходилось в одном месте отметить, что оппозиция путает здесь «условно-чистый доход» с «облагаемым». Очевидно, имеется в виду не условно-чистый доход, а доход, учитываемый при обложении с.-х. налогом. Что это именно так, видно из того, что некоторые из приведенных в «платформе» цифр совпадают с

имеющимися у нас данными *облагаемого дохода.* Между тем каждый мало-мальски знакомый с экономикой сельского хозяйства знает, что понятие «условно-чистого» дохода значительно отличается от понятия «облагаемого» с.-х. налогом дохода. *Во-вторых,* у нас нет еще материалов для распределения крестьянских хозяйств по доходу и налогу *по всему Союзу.* Мы пока располагаем данными *по РСФСР,* и поэтому оппозиции, утверждая, что ее данные относятся ко всему СССР, допускает вторую ошибку, тоже вытекающую из незнакомства с материалами, которыми ее снабжают. Теперь по существу.

Имеющиеся данные подтверждают, что 34% маломощных крестьянских хозяйств владеют 18% облагаемого дохода. Даже точнее: 34,9% хозяйств, владеют 17,83% облагаемого дохода. Это совпадение подтверждает наше заявление, что оппозиции путается в материалах, которыми она располагает. *Но все дело в том, что эти 35% хозяйств уплачивают не 20% всего налога: ведь это есть те самые 35% маломощных крестьянских хозяйств, которые от налога вовсе освобождаются.* Как же можно утверждать, что они уплачивают 20% налога? Мало того, если бы даже ни одно из бедняцких хозяйств от налога не было освобождено, то и тогда налог с этих 35% крестьянских хозяйств не смог бы составлять 20%, уже по одному тому, *что исчисленный с них налог составляет всего лишь 7,9% всего налога.*

В действительности же они уплачивают, примерно, около 2% всего налога, потому что при нашей системе освобождения крестьянской бедноты от налога в число первых 35% хозяйств попадает небольшая часть, которая все же подлежит обложению сельхозналогом и, наоборот, некоторая часть из тех хозяйств, которые следуют за этими 35%, от налога освобождается. Таким образом, эти 35% маломощных хозяйств уплачивают, примерно, около 2% налога. Спрашивается, как же можно так «ошибиться» и сказать, что они уплачивают 20% налога?

Еще хуже обстоит дело с расчетами оппозиции, на счет «верхушки» деревни. Чтобы проверить, в какой степени «правильны» расчеты оппозиции на счет обложения верхушки деревни, мы об'единили в одну группу наиболее мощные хозяйства, чтобы получить приводимые в «платформе» 7,5% хозяйств. В результате мы получили, что 7,8% хозяйств имеют не 18% всего облагаемого по республике крестьянского дохода, а только 16%. Разница очень незначительная, и это также подтверждает, что оппозиции пользовалась материалом только по РСФСР и притом не по условно-чистому доходу, а по доходу, облагаемому сельхозналогом.

Но налога эта группа уплачивает не 20%, как говорится в «платформе», а 32,69%, т.-е. на 60% больше.

Таким образом, мы в расчетах оппозиции отмечаем всего лишь две ошибки: они *превышают* сумму налога, падающую на бедноту, и, наоборот, значительно *преуменьшают* сумму налога, падающую на верхушку деревни.

Отсюда следует, что и выводы оппозиции относительно того, «что на каждое отдельное бедняцкое хозяйство налог ложится гораздо более тяжелой ношей, чем на кулацкое и вообще «крепкое» хозяйство», *ни на чем не основаны, неверны.*

Но мы в интересах об'ективности произвели ряд дополнительных расчетов, исходя из предположения, что, может быть,

оппозиция говорит о 35% не *бедноты,* а о группе хозяйств, идущих вслед за беднотой. Уже очень чудовищной нам показалась ошибка оппозиции: 2% налога или 20%. Правда, если предположить, что оппозиции имела в виду не первые освобождаемые от налога 35% хозяйств, а следующие 35%, то тогда пришлось бы притти к выводу, что освобождаемых и маломощных хозяйств вместе имеется 70%, а так как по расчетам оппозиции кулаков имеется 10—15%, то пришлось бы сделать вывод, что «центральной фигуры деревни»—середняков—имеется всего лишь примерно, 20% всех хозяйств, что, конечно, мало вероятно. Но, если отбросить и эти общие соображения и если полагать, что оппозиция имеет в виду не первые 35% крестьянских хозяйств, а следующие, идущие вслед за беднотой, *то придем к выводу, что они владеют уже не 18%, а 35% всего по республике дохода, и налога они уплачивают не 20%, а 24%.*

Мы пробовали делать расчеты по отдельным районам и получили, примерно, такую же картину. Оппозиция подчеркивает, что приведенные ею результаты получены «даже» без Украины, Северного Кавказа и Сибири. Зачем эта оговорка? *Во-первых,* не верно, что приведенные в «платформе» данные без последних двух районов, и *во-вторых,* в этих районах картина такая же. По Сибири первые 35% маломощных хозяйств имеют 14% дохода по краю, а если бы эти хозяйства не освобождались от налога, то должны были бы уплатить налога только, примерно, 5%, а не 20%.

Что касается «верхушки деревни», то если взять в Сибири даже 8,2% хозяйств, то у них дохода имеется 19%, а налога они уплачивают не 20%, а 32%.

Если же взять другой район, о котором упоминает оппозиция, т.-е. Северный Кавказ, то и там мы имеем, что первые 35% крестьянских хозяйств от налога освобождается и дохода они имеют примерно 11%, а если бы от налога не освобождались, то уплатили бы налога, примерно 4%, а не 20%. Что же касается высших по мощности хозяйств, то, если по Северному Кавказу таких хозяйств взять 7%, окажется, что они имеют дохода 19%, а налога они оплачивают примерно те же 32%.

Чтобы каждому партийцу дать возможность проверить и рассмотреть приведенные расчеты оппозиции и наши возражения, приведем таблицу распределения хозяйств, дохода и налога по РСФСР (см. след. стр.).

Мы старались об'ективно найти хоть какое-нибудь оправдание расчетам оппозиции,—но оправдания не нашли. *Расчеты оппозиции неверны и, повторяем, приведены, очевидно, в надежде на то, что их никто не проверит.*

Теперь переходим к налоговым соображениям оппозиции в третьем документе—контртезисах «о работе в деревне».

В тринадцатом тезисе оппозиции приводит таблицу распределения крестьянских хозяйств по социальным группам, по разработанным Ком. Академией бюджетным данным. На основании данных, приведенных в этой таблице, оппозиция делает ряд выводов о происходящих процессах расслоения и что «беднцкие группы уплачивают относительно не меньше, если не больше прямых налогов, чем зажиточные и середняки. Тяжесть налогов ложится прямо пропорционально средствам производства без всякой прогрессивности для зажиточных групп. Правда, это отно-

Распределение крестьянских хозяйств, облагаемого дохода и сельхозналога по налоговым сводкам 1926—27 года по РСФСР [1]).

Группы по размеру облагаем. дохода на едока	Число хозяйств		Облагаемый доход		Исчисленный сельхозналог		Сумма сельхозналога на хозяйство в рублях	% изъятия налогом облагаемого дохода
	В тысячах	В % к итогу	В тысячах рублей	В % к итогу	В тысячах рублей	В % к итогу		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
До 35 руб. . . .	5.726,4	34,90	678.975,0	17,83	19.882,0	7,97	3,46	2,92
От 35 до 50 р. .	5.150,5	31,39	1.162.979,0	30,54	48.535,4	19,47	9,42	4,17
» 50 » 70 » .	3.727,9	22,73	1.152.942,9	30,27	79.830,1	32,02	21,41	6,92
» 70 » 90 » .	1.181,9	7,20	463.897,7	12,18	48.628,7	19,50	41,13	10,48
» 90 » 120 » .	408,0	2,49	191.146,5	5,01	25.438,7	10,20	62,34	13,31
» 120 » 150 » .	94,0	0,57	55.987,8	1,47	8.891,8	3,48	92,47	15,53
Свыше 150 р. . .	118,7	0,72	101.588,4	2,70	18.353,4	7,36	154,62	18,07
Итого . . .	16.407,4	100,0	3.807.497,3	100,0	249.336,1	100,0	15,20	6,55

силось к 1925 г., с тех пор налоговые ставки для зажиточных групп были несколько повышены, но за то с тех пор и процесс расслоения ушел значительно дальше».

По вопросу о характере приведенной в контртезисах оппозиции таблицы и о природе бюджетов, положенных в основу этой таблицы, подробно написал тов. Яковлев в «Правде» (№ 254). Надо вообще сказать, что делать ответственные выводы в том числе и о направлении дифференциации на основании ничтожного количества бюджетов, в высшей степени рискованно. В самом деле, нельзя же на основании разработки ничтожного числа бюджетов, составляющих иногда несколько сотых долей одного процента всех хозяйств, делать выводы о происходящих процессах расслоения, о налоговой политике и прочее. Другое дело, если это допускается для некоторой иллюстрации, но совершенно недопустимо, когда оппозиция на основании группировки 375 бюджетов по Северному Кавказу, т. е. 0,027% всех хозяйств Северного Кавказа или на основании 72 бюджетов по Сибири— 0,005% хозяйств Сибири, делает ответственные выводы. В самом деле, в таблице приводятся данные о «предпринимательских» и «мелкокапиталистических» хозяйствах в Сибири и других районах, а при проверке оказывается, что в группу «предпринимательских» хозяйств входят только 5 или 6 бюджетов. Какие же выводы можно делать по такому количеству бюджетов?

Это вообще о приведенной таблице. Теперь перейдем к выводам. Оппозиция на основании этой таблицы приходит к выводу, что в нынешнем сельхозналоге отсутствует прогрессивность.

[1]) Эти данные носят предварительный характер и относятся только к территории РСФСР. Данные по остальным Союзным Республикам сюда не включены, во-первых, потому, что полных данных еще нет, и, во-вторых, на Украине и окраинных республиках (в Средней Азии) действуют особые таблицы ставок, не позволяющие соединить данные по всем республикам воедино. На 1927—28 г. прогрессия обложения не менялась, поэтому выводы из этой таблицы можно считать в общем правильными и для нынешнего года.

Предположим, что и данные, приведенные в таблице, верны и материалы, положенные в основание таблицы, солидны, но и тогда выводы оппозиции, что налог построен без всякой прогрессивности для зажиточных групп, могут быть со многими оговорками, чрезвычайно условно приняты только для... 1925 г., *а не 1927—28 г.*! А ведь в этом все дело! Именно в 1925 году налог был понижен против предыдущего года на 30%, и это произведено при активном участии нынешних вождей оппозиции. Следовательно, как же можно ставить в упрек нынешнему ЦК, что тогда неправильно была распределена тяжесть налога? Но самое важное—оппозиция «забыла» рассказать, *что в 1926—27 г. налог был опять повышен на 30% и прогрессия была резко повышена.*

Правда, в контртезисах оппозиции имеется упоминание, что после 1925—26 г. налоговые ставки были «несколько повышены».

Но из таблицы, напечатанной на 10 странице, мы видим, что ставки были не «несколько» повышены, *а повышение достигает для высших групп 60—65%*. Кроме того, контртезисы совершенно умалчивают про то, *что тяжесть налога для низших групп значительно понижена*. Какая же цена утверждениям оппозиции?

Что же в итоге показывает ознакомление с материалами оппозиции по поводу налоговой политики партии в деревне?

Тов. *Евдокимов* на августовском пленуме ЦК и ЦКК утверждал, что мы в сельхозналоге закрепили недостатки предъидущего года, что мы повысили тяжесть обложения середняцкой группы деревни и обложили налогом те многочисленные бедняцкие хозяйства, которые в прошлом году освобождались.

В «платформе» говорится, что маломощная часть деревни и верхушка деревни, имеют одинаковые доли всего дохода и уплачивают одинаковую часть налога.

В контртезисах оппозиция утверждает, что в нынешней системе сельхозналога отсутствует прогрессия.

Знакомство же с действительным положением вещей позволяет утверждать, что

неверно заявление о том, что для середняков тяжесть обложения повышена;

неверно, что количество бедняцких многосемейных хозяйств, освобождаемых от налога, уменьшилось;

неверно даваемое в платформе распределение налога, потому что маломощная часть деревни вообще от налога освобождается, а верхушка уплачивает на 50—60% налога больше, чем говорит оппозиция;

неправильно делать выводы о распределении тяжести налога по социальным группам на основании бюджетных обследований 1.200 хозяйств, которые составляют несколько тысячных долей одного процента всех крестьянских дворов Советского Союза;

неправильно распространять распределение тяжести налога по группам в 1925—26 году на 1927—28 год, потому что и сумма налога в сравнении с 1925—26 годом значительно повышена да и вообще система налога коренным образом реформирована *в сторону подоходности с установлением резкой прогрессии.*

Является ли нынешняя система обложения деревни совершенной? На этот счет разногласий в партии не было и нет. Есть, мы утверждаем, пока еще неизбежные недостатки. Никто их не замалчивал и не замалчивает. Основной и весьма суще-

ственный недостаток заключается в том, что доход крестьянского хозяйства исчисляется по внешним признакам, то-есть, облагаемый доход каждого крестьянского хозяйства исчисляется по количеству в хозяйстве земли, всякого вида скота, специальных отраслей сельского хозяйства и других источников по нормам доходности, установленным на каждую единицу (на десятину земли, корову, лошадь и проч.) *и одинаковую для всех хозяйств села.*

Плохо это, очень плохо. И потому, что часть дохода укрывается, и потому, что скрывает свои доходы зажиточное хозяйство в большей степени, чем середняцкое, и потому, что доход десятины земли в богатом хозяйстве выше, чем в середняцком. *Все это прекрасно известно, но все сразу устранить невозможно, потому что дело касается 24 млн. крестьянских дворов.* Постепенно же значение этих недостатков ослабляется теми изменениями, которые ежегодно вносятся в закон.

Совершенно четкая директива в тезисах ЦК «о работе в деревне» дана: «в целях обложения растущих доходов наиболее зажиточных слоев деревни поручить ЦК разработать вопрос о переходе к наиболее полному прогрессивному—подоходному обложению». Вот путь дальнейшего совершенствования нашей системы обложения, путь наибольшего использования налоговой системы для регулирования происходящих в деревне процессов расслоения, *путь препятствования росту кулака.*

Только лицемерием можно об'яснить предложение оппозиции о том, что «необходимо ускорить землеустройство и провести земельный кадастр (качественную оценку земли)... В связи с этим необходимо будет приступить к отмене сельхозналога... и заменить его обложением земли по качеству и приближенности к рынкам сбыта (рентное обложение)». Разве оппозиция не знает, что для проведения земельного кадастра особенно на такой территории, как наш Союз, нужны десятилетия? Мало того, в ряде европейских стран кадастр проводился чуть ли не 50 лет назад, и теперь первоначальные результаты произведенного кадастра потеряли свое значение, а к составлению нового кадастра не приступают вследствие дороговизны этой работы.

Конечно, хорошо произвести обложение земель «по качеству и с учетом приближенности их к рынкам сбыта», но сейчас, при отсутствии кадастра не может быть речи о повсеместном обложении земель по качеству. Кроме того, в нынешней системе обложения по внешним признакам все эти условия (рентабельность в зависимости от мест расположения угодий и урожайности), правда, без достаточной детализации и точности, учитываются: устанавливаются разные нормы доходности десятины земли в зависимости от района, урожая и проч. по губерниям, уездам, волостям и даже по селениям. Этого не могут не знать авторы контртезисов «о работе в деревне».

Природа нашего крестьянского хозяйства, как «мелкого и мельчайшего», роль сельского хозяйства во всем нашем народном хозяйстве и сложность разрешения задач партии по отношению к различным социальным группам крестьянства *требуют исключительной осторожности в вопросах налогового обложения.*

Необходимость этой осторожности в свое время отлично учитывали нынешние вожди оппозиции, когда они были с большинством партии.

На XII партс'езде тов. Зиновьев в своем докладе, касаясь нашей политики в деревне, говорил: «Важно... чтобы мы ясно сознавали, что тут дело идет о смычке *с крестьянином* (курсив т. Зиновьева), а не с нэпманом, и чтобы мы понимали, что нам надо дать отпор всем тем, которые в этом видят так называемый «крестьянский уклон». И дальше: «И когда мне говорят: у вас «уклон», вы уклоняетесь в сторону крестьянства,—я отвечаю: да, мы не только «уклоняться» должны в сторону крестьянства и его хозяйственных потребностей, но нам надо *поклониться* (курсив тов. Зиновьева) и, если нужно, *преклониться* (курсив тов. Зиновьева) перед хозяйственными потребностями того крестьянина, который идет за нашим пролетариатом и который нам даст полную победу».

Про все это теперь т. Зиновьев забывает или предполагает, что за время с XII партс'езда произошли такие изменения, что можно повышать обложение деревни чуть ли не на 100%.

На этом же с'езде тов. Ларин говорил о повышении обложения деревни на 20%, на что тов. *Троцкий* ответил: «Но вопрос о размере налогов на крестьянина—*не платформенный вопрос на тему о крестьянофильстве* (курсив наш. *М. Л.*),—нет, это вопрос классовой бухгалтерии пролетариата, как господствующего класса. Ошибка тов. Ларина не в том, что он говорит: «налоги в данное время надо повысить на 20%»; это вопрос практический, надо карандашом подсчитать, до какой точки можно налоги повышать, *чтобы крестьянское хозяйство могло повышаться, чтобы крестьянин в будущем году стал богаче, чем в нынешнем.* (Курсив наш. *М. Л.*).

«Но если из этого повышения налогов сделать «платформу», то она довольно неожиданно может превратиться в платформу класса против класса. Вот в чем гвоздь вопроса».

Что же мы видим сейчас? Оппозиция из повышения налога сделала «платформу», совершенно забывая о том, что это может превратиться «в платформу класса против класса». Неужели теперь тов. *Троцкий* действительно и с полным знанием классовой бухгалтерии «с карандашом подсчитал» и пришел к выводу, что налог на деревню повысить можно чуть ли не на 100%?

Только паникой, страхом перед растущей деревней, отсутствием уверенности в том, что рабочий класс, который держит власть в своих руках, сможет справиться с трудностями, можно об'яснить переход от «ставки на старательного хозяина», от требования «поклониться и преклониться перед крестьянином», от утверждения, что «вопрос о повышении обложения—вопрос не платформенный», к ожесточенным требованиям срезания «без ума» «верхушки» деревни.

Заканчивая, еще раз подчеркиваем: мы не отрицаем наличия недостатков в системе обложения деревни, но партия эти недостатки исправляет и устраняет. Как и до сих пор, сельхозналог будет служить одним из реальных средств по проведению задач партии в деревне. Партия будет изменять систему обложения таким образом, чтобы, освобождая от налога всю крестьянскую бедноту, так повысить тяжесть обложения верхушки деревни, чтобы противодействовать росту этой верхушки. Но партия будет делать это «с умом», с учетом всей совокупности наших задач в области построения народного хозяйства, в области строительства социализма.

М. Беленький.

Кооперативный план Ленина и его лжетолкователи.

Моя статья «Пути производственного кооперирования крестьянства» (см. «Большевик» № 17) вызвала ответ со стороны т. Григорьева, по мнению которого я допустил «в постановке этой проблемы» ряд «грубых» и «неслучайных» ошибок (см. «Большевик» № 19—20).

«Ошибки» эти заключаются в следующем: «Тов. М. Беленький выступает со статьей, в которой он совершенно явно подменивает действительно производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческая форма кооперирования должна быть в наших условиях основной».

И дальше: «У Беленького сбытово-снабженческие формы кооперации оказались «производственно-сбытовыми». Но этого ему мало. Надо ему доказать и то положение, что сбытово-снабженческие формы кооперации обслуживают «бедноту». Тов. Григорьев называет это «мифом» и приходит к следующему заключению: «Странная получается вещь: человек, повидимому, боится признать совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая с.-хоз. кооперация есть кооперация *середняка* (курсив автора), что чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой с.-хоз. кооперации».

Переходя затем ко второй части моей статьи, посвященной анализу новых форм связи между с.-хоз. кооперацией и государственной промышленностью, т. Григорьев подвергает критике высказанное мною положение о значении контрактации в современных условиях.

«Тов. Беленький предпочитает пойти по линии наименьшего сопротивления, возведя в принцип контрактацию. В своей статье он обещает распространить ее и на хлеб, и на продукты животноводства. Но ведь совершенно же ясно, что проведенный полностью принцип контрактации, особенно если он основан, как это сейчас есть, целиком на государственных средствах, означает проведение системы государственного капитализма, ставит крест на ленинском кооперативном плане и заодно уничтожает и смысл существования с.-хоз. кооперации».

Таковы, по мнению т. Григорьева, «ошибки», допущенные мной в статье. Разберемся в этих «ошибках».

Кого об'единяют и кого обслуживают производственно-сбытовые системы сельскохозяйственной кооперации.

В своей статье я пытался доказать анализом имеющихся фактов и цифр, что «по социальному составу членов, по содержанию работы и по социальному составу органов управления производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации представляют собою в основном движение середняцко-бедняцких масс деревни». Не отрицая ни одной из приведенных мною цифр, не приводя с своей стороны ни одного нового факта, т. Григорьев считает, однако, что «этот вывод надо делать не из таблицы о социальном составе с.-хоз. кооперации, а из сопоставления удельного веса разных групп во всех крестьянских хозяйствах с удельным весом их в хозяйствах кооперированных. Вопрос о том, какие слои населения более всего используют кооперацию, должен решаться *только* (подчеркнуто мною. *М. Б.*) степенью кооперированности каждой группы *внутри ее самой*» (подчеркнуто мною. *М. Б.*). Исходя из этой предпосылки (которую т. Григорьев не считает нужным доказать) и ссылаясь на приведенный мною общеизвестный факт, что при подавляющем *абсолютном* преобладании в с.-хоз. кооперации бедняцких и середняцких слоев деревни *относительная* степень кооперирования возрастает от низших групп к высшим, тов. Григорьев решительно отрицает сделанный мной вывод о классовом характере производственно-сбытовых систем и предлагает «не бояться» признать «совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая кооперация есть кооперация *середняка*». Тов. Григорьев не останавливается, однако, на этом «бесспорном» определении классовой природы производственно-сбытовых систем, а дополняет его следующей существенной поправкой: «чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой с.-хоз. кооперации». Поправку эту т. Григорьев сопровождает такими комментариями: «Мы бы хотели спросить т. Беленького, где, в какой директиве партии или правительства сказано, что советская сбытово-снабженческая кооперация не должна обслуживать зажиточных хозяйств, что она должна отворачиваться от хозяйства, имеющего 4 лошади или 4 коровы... Если он боится кулака, то ему должно быть известно, что не является хозяйство кулацким, если оно имеет 4 коровы или 4 лошади, что это 4-коровное или 4-лошадное хозяйство может иметь такое количество едоков, что не может быть причислено и к зажиточным».

Благополучно рассеяв, таким образом, вслед за «мифом» о бедноте «миф» о кулаке, т. Григорьев переходит к окончательным выводам. Эти выводы более решительны и более откровенны и приводятся, разумеется, в таком же «бесспорном» порядке. «Если сам М. Беленький повнимательней прочтет свою собственную статью, проанализирует свои собственные таблицы,— утверждает т. Григорьев,—он согласится с тем, что 1) большая часть тех форм с.-хоз. кооперации, которые он называет «производственно-сбытовыми», на деле являются «сбытово-снабженческими»; 2) эти сбытово-снабженческие системы приспособлены для обслуживания середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают; 3) что в этом нет ничего ужасного; 4) что главнейшими формами кооперирования бедноты являются простейшие производственные кооперативы и колхозы».

Итак, производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации приспособлены, по мнению т. Григорьева, к обслуживанию середняцко-зажиточных слоев деревни и их только и обслуживают. Допустим на минуту, что это соответствует действительности. Как об'яснить при этом слова т. Григорьева, что «в этом нет ничего ужасного»? Чем об'яснить его готовность отдать производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации, являющиеся главнейшими массовыми формами кооперирования, в которые вложены сотни миллионов государственных средств, в монопольное пользование середняцко-зажиточных групп, ограничив обслуживание бедноты простейшими производственными кооперативами и колхозами, которые не охватывают еще и одного процента крестьянского населения? Эти выводы т. Григорьева вытекают из ошибочных теоретических предпосылок, которые кажутся ему, однако, совершенно бесспорными. Тов. Григорьев уверен: 1) что сбытово-снабженческая с.-хоз. кооперация по самому характеру своей деятельности неспособна обслуживать бедноту, т. к. «сбытово-снабженческая» работа с.-хоз. кооперации ни к чему тем хозяйствам, которым нечего сбывать, которые не имеют средств для покупки снабженческих товаров, что эти хозяйства можно вовлечь в число клиентов сбытово-снабженческих систем с.-хоз. кооперации только путем их коллективизации и 2) чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабженческой работе с.-хоз. кооперации». Оба эти положения нуждаются, однако, в существенных поправках. Верно, конечно, что товарность бедняцких и маломощных хозяйств очень низка, но нельзя, разумеется, рассматривать все эти хозяйства, составляющие не менее 35—40% всех крестьянских хозяйств, как *натуральные* хозяйства, которым нечего сбывать и нечего покупать. Это совершенно неверно для районов технических и специальных культур неверно большей частью и для зерновых районов. Можно ли сказать, при условии правильной классовой политики, в первую очередь правильной политики в области с.-хоз. кредита и производственного снабжения деревни, что производственно-сбытовые системы ничего не в состоянии сделать для обслуживания огромной массы бедняцких и маломощных крестьянских хозяйств? Можно ли утверждать, с другой стороны, что бедняцкие и маломощные хозяйства не заинтересованы в обслуживании их кооперацией по линии снабжения семенами, инвентарем, скотом и т. д., что они не заинтересованы в избавлении через кооперацию от эксплоатации со стороны скупщика и ростовщика? Ясно, что такая постановка в корне неправильна. Совершенно верно, что известная часть маломощной группы крестьянства не в состоянии в одиночку удержать свое хозяйство и что для этих хозяйств коллективизация является неотложной жизненной необходимостью. Какой из этого должен быть сделан вывод? Только тот, что *на ряду с индивидуальным* обслуживанием бедняцких и маломощных хозяйств (по линии кредита, снабжения, сбыта и проч.) одной из важнейших задач производственно-сбытовых систем должно быть также *всемерное содействие об'единению этих хозяйств в производственные коллективы*. Выводы т. Григорьева сводятся наоборот к отрицанию возможности *индивидуального обслуживания* производственно-сбытовыми системами деревенской бедноты и к отрицанию необходимости активного участия этих систем *в организации и обслуживании производственных об'единений бедноты*. Если это не так, то как понимать вывод т. Григорьева, что производственно-сбытовые системы «приспособлены к обслуживанию середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают», и его вывод, что «в этом нет ничего ужасного»?

В значительных поправках нуждается и второе утверждение т. Григорьева, что «чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в снабженческо-сбытовой работе с.-хоз. кооперации». Это было бы верно в такой безоговорочной форме, если бы мы не имели в с.-хоз. кооперации безусловного преобладания бедняцких и середняцких слоев деревни, если бы с.-хоз. кооперация не проводила *особых мер* помощи бедноте, если бы она не организовывала бедняка и середняка против кулака, если бы товарный и денежный кредит направлялся через кооперацию преимущественно в зажиточные хозяйства, если бы кооперативный оборот не регулировался государством, если бы руководство кооперативным движением находилось в руках кулака и т. д. *Иначе говоря, безоговорочное утверждение т. Григорьева безусловно верно в условиях капиталистических стран и совсем неверно в условиях СССР.*

Исходя из ложных предпосылок, т. Григорьев пытается перенести на с.-хоз. кооперацию СССР тенденции развития с.-хоз. кооперации капиталистических стран.

Факты и цифры.

Приведем для иллюстрации некоторые сравнительные данные о социальном составе с.-хоз. кооперации до революции и теперь. Начнем с маслодельной кооперации, на которую т. Григорьев ссылается для того, чтобы опровергнуть «миф» о середняцко-бедняцком построении производственно-сбытовых систем. Отметим, прежде всего, что маслодельная кооперация менее всех других систем может служить основанием для *общих* выводов. Совершенно очевидно, что бескоровные хозяйства не могут участвовать в молочной кооперации [1]), с другой стороны, товарные молочные хозяйства, не исключая зажиточных и кулацких, как общее правило, *вынуждены* участвовать в маслодельной кооперации, так как последняя является в настоящее время почти монопольным владельцем маслодельных заводов (90—95% всех заводов). Несмотря на это, социальный состав современной маслодельной кооперации резко отличается от социального состава дореволюционной маслодельной кооперации. Как мы уже отметили в своей статье, в дореволюционном Союзе Сибирских Маслоделов насчитывалось 7,3% однокоровных хозяйств и 57,2% хозяйств с 4-мя и более коровами. В 1926 г. в Сибирском Союзе Маслодельной Кооперации насчитывалось 33,5% однокоровных хозяйств и 16,5% 4-коровных хозяйств. К сведению т. Григорьева—однокоровные хозяйства в Сибири—это, как правило, бедняцкие и маломощные хозяйства. Такие же изменения наблюдаются и по другим районам. Так, например, в Вологодской губернии в 1914 году хозяй-

---

[1]) В молочной кооперации насчитывается 1—2% бескоровных хозяйств. В большей части—это члены артели, потерявшие коров или собирающиеся купить корову с помощью артели, за счет фонда бедноты и т. д.

ства с 4-мя и более коровами составляли 11,23% всех членов маслодельной кооперации, в 1926 году—2,87%. Очень любопытны в этом отношении данные о Воротищенской молочной артели (в Смоленской губ.). В 1913 году хозяйства с 4-мя и больше коровами составляли в этой артели 88,7% всех членов, в 1926 году эти хозяйства составляли всего 15%.

О тех же тенденциях свидетельствуют данные по другим системам. Вот сравнительная таблица по картофельной кооперации:

Шунгенский район Костромской губернии.

Годы	Группы по лошадности в %				
	Безлош.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош. и более	Итого
1912	14,8	67,7	14,8	2,7	100
1924	20,4	79,4	0,2	0,0	100

Еще более резкие изменения произошли в сырьевых отраслях с.-хоз. В системе Льноцентра безлошадные и однолошадные хозяйства составляют 84% всех членов, 21,4% членов имеют посев до 2-х десятин, 72,3% членов—от 2 до 6 десятин и только 6,3%—от 6 десятин и выше. Можно ли утверждать на основании этих данных, что льноводная кооперация есть кооперация середняцко-зажиточных слоев деревни? В хлопководческой кооперации хозяйства с посевом до 1 десятины составляют 71,8% всех членов. В свеклосевной кооперации насчитывается 68% членов с посевом свеклы не более ½ десятины, и только 6,8%—с посевом свыше 1 десятины. Значительный интерес представляет нижеследующая таблица, характеризующая изменения, происшедшие в составе плантаторов-табаководов:

Район	Группы по разм. посад. площади плант.	Число х-а в кажд. группе в %		Площ. пос. табак. в кажд. гр. в %	
		В 1914 г.	В 1926 г.	В 1914 г.	В 1926 г.
Майкоп.	1 гр. с пл. до 1 дес.	13,7	77,4	0,6	45,0
	2 » » » 2 »	29,9	16,6	6,3	27,7
	3 » » » 3 »	14,6	2,8	6,9	7,7
	4 » » свыше 3 »	41,8	3,2	84,2	19,6
		100	100	100	100
	1 » » до 1 дес.	12,5	86,6	0,2	79,0
	2 » » » 2 »	36,4	11,2	15,0	19,8
	3 » » » 3 »	18,0	2,0	13,0	4,6
	4 » » свыше 3 »	33,1	0,2	71,8	1,6
		100	100	100	100

Подавляющее большинство плантаторов, об'единяемых табаководной кооперацией — это хозяйства с посевом до 1 десятины.

Тов. Григорьев прав, конечно, что нельзя делать выводы о классовом характере с.-хоз. кооперации только на основании данных о социальном составе членов. Однако, тов. Григорьеву должно быть известно, что я основывал свои выводы *не только* на основании этих данных, но также на основании данных о руководстве с.-хоз. кооперацией *и содержании ее работы*. В своей статье я привел результаты обследования хозяйственной работы картофельной и льноводной кооперации, свидетельствующие, что бедняцкие и маломощные хозяйства пользуются с.-хоз. кооперацией для сбыта своей продукции в большей степени, чем зажиточные и кулацкие хозяйства. Тов. Григорьев совершенно игнорирует эти данные, между тем они имеют *решающее значение*. В настоящий момент мы имеем возможность пополнить приведенные нами факты материалами *РКИ о хозяйственной связи различных групп крестьянства с с.-хоз. кооперацией*. Вот результаты обследования, произведенного РКИ совместно с с.-хоз. кооперацией в 1926—27 году в трех районах (молочный район, льноводный и зерновой).

Сбыт молока (Ишимский район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Кооперированные хозяйства		Некооперированные х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 руб.	100,0	—	—	100
II » до 200—500 р.	91,3	8,7	—	100
III » 500—1000 р.	91,1	8,9	6,1	93,9
IV » 1000—1400 р.	94,1	5,9	—	100
V » свыше 1400 р.	84,7	15,3	—	100

Сбыт льна (Тиарской район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Кооперированные хозяйства		Некооперированные х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 р.	В сост. член. таких х-в не оказалось	100	38,5	61,5
II » 200—500 р.	91,9	8,1	31,2	68,8
III » 500—1000 р.	77,4	12,9	34,6	65,4
IV » 1000—1400 р.	47,6	52,4	28,5	71,5
V » свыше 1400 р.	59,6	40,4	—	100

Сбыт зернопродуктов (Омский район).

Группы хозяйств по средн. произв.	% сбыта по контр-агентам			
	Коопериров. хозяйства		Некооперирован. х-ва	
	Чер. коопер.	На стороне	Чер. коопер.	На стороне
I гр. до 200 р.	72,9	27,1	6,4	94,6
II » 200—500 р.	75,0	25,0	30,3	69,7
III » 500—1000 р.	48,2	51,8	9,4	90,6
IV » 1000—1400 р.	38,2	61,8	12,6	87,4
V » свыше 1400 р.	40,0	60,0	24,6	75,4

Эти таблицы показывают, что *хозяйственная связь кооперации с членами и степень охвата ею сбыта их продукции возрастает от зажиточных к маломощным группам крестьянства.* Наиболее полно охвачен с.-хоз. кооперацией сбыт продукции низших групп. Мы не будем останавливаться на причинах этого, поскольку это не входит в задачи настоящей статьи. Отметим только, что в основном причины эти определяются классовым содержанием работы с.-хоз. кооперации, направленной в первую очередь в сторону обслуживания бедняцких и середняцких хозяйств против кулака. Эти данные служат прямым и неоспоримым опровержением поспешных и необоснованных выводов т. Григорьева о «мифическом» обслуживании бедноты производственно-сбытовыми системами, они показывают, в каких существенных поправках нуждается в наших условиях положение т. Григорьева о том, что «чем зажиточнее крестьянские хозяйства, тем больше они заинтересованы в сбытово-снабженческой работе с.-хоз. кооперации», и сделанный им на этом основании вывод о середняцко-зажиточном характере производственно-сбытовых систем. Обслуживание различных групп с.-хоз. кооперацией в области снабжения характеризуется следующей таблицей, составленной РКИ на основании материалов обследования, произведенного ею совместно с с.-хоз. кооперацией (данные—в проц.):

Группы х-в по средн. произв.	Орган. закупки госорг. и кооп.		Кооперация		У частн. торг.		У производит.	
	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.	Кооп. х-ва	Некооп. х.
I	40,54	45,60	38,27	42,42	9,47	22,28	49,99	31,92
II	55,14	43,21	49,23	39,88	14,96	27,72	29,90	29,07
III	58,26	51,84	58,10	47,94	15,38	18,23	26,36	29,93
IV	57,57	53,47	50,53	43,63	17,42	25,16	25,01	21,37
V	63,98	55,48	49,96	43,49	15,27	13,28	20,75	31,24

Таблица эта показывает, что по линии снабжения средствами производства хозяйственная связь с членами несколько возрастает от маломощных хозяйств к более зажиточным. Это об'ясняется, главным образом, большей потребностью маломощных групп в предметах продовольствия, что видно из значительного процента покупок ими непосредственно от производителя (по первой группе покупки непосредственно от крестьян составляют 50%, по последней—только 21%). И эта таблица свидетельствует о несомненной заинтересованности бедняцких и маломощных слоев в снабженческой работе с.-хоз. кооперации. Как и таблицы о сбытовой работе, она так же неоспоримо опровергает все выводы т. Григорьева. Резюмируя, приходим к следующим выводам: утверждения т. Григорьева о современном классовом характере производственно-сбытовых систем с.-хоз. кооперации не соответствуют действительности и опровергаются всеми известными фактами и цифрами. Точка зрения тов. Григорьева, сводящаяся к тому, что производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации должны нормально строиться, как сбытово-снабженческие системы середняцко-зажиточных слоев деревни, а кооперирование бедноты должно направляться главнейшим образом по линии простейших производственных об'единений—коренным образом расходится с интересами бедноты и противоречит всей линии партии в вопросах кооперативного строительства. Проведение в жизнь этих положений привело бы на деле к изоляции бедноты, к замене в кооперации блока бедняка и середняка блоком середняка и кулака и к полному срыву наших задач в деле обслуживания бедноты и ее производственного кооперирования. Кооперирование и обслуживание деревенской бедноты может и должно быть делом *всех видов* с.-хоз. кооперации. Особенно большие задачи стоят в этой области перед производственно-сбытовыми системами. Вовлекая в свой оборот все слои населения, производственно-сбытовые системы должны в соответствии с директивами партии обслуживать в первую очередь бедняцкие и середняцкие слои деревни, организуя их против кулака, проводя *особые* мероприятия по поднятию маломощных и бедняцких хозяйств. На ряду с индивидуальным обслуживанием эти мероприятия должны иметь своей целью всемерное содействие об'единению бедноты в производственные коллективы. Только при этом условии, опираясь на массовые формы с.-хоз. кооперации, и в первую очередь на производственно-сбытовые системы, мы сумеем действительно двинуть вперед производственное кооперирование маломощных слоев деревни.

Кооперативный план Ленина.

Перейдем к другой моей «ошибке». М. Беленький совершенно подменивает действительную производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческие формы кооперирования должны быть в наших условиях основными. Тов. Григорьев не об'ясняет при этом, какую действительно производственную систему кооперации он имеет в виду и какая форма кооперирования является, по его мнению, основной. Очевидно, речь идет о колхозах и простейших производственных об'единениях. Что это значит? Целью с.-хоз. кооперации в СССР является организация перехода десятков миллионов мелких крестьянских хозяйств к крупному с.-хоз. производству на началах добровольного об'единения. По этому поводу не может быть никаких споров.

Вопрос заключается лишь в том, *какими путями* итти к осуществлению этой цели.

Есть прямой и кратчайший путь—путь непосредственной коллективизации. Не подлежит сомнению, что известная часть крестьянских хозяйств, в первую очередь деревенской бедноты, (с каждым годом все бо́льшая часть) будет итти к обобществлению производства этим путем, об'единяясь в т-ва по совместной обработке земли, колхозы и коммуны. Не приходится доказывать, какое огромное значение имеет это движение, но нужно ли доказывать, с другой стороны, что при всем своем громадном значении путь непосредственной коллективизации не является еще в настоящее время и не может стать в ближайшие годы *массовым* путем переустройства сельского хозяйства на социалистических началах. Для подготовки массовой коллективизации требуется огромная работа по перевоспитанию крестьянских масс и постепенной переделке сельского хозяйства под влиянием растущих социалистических элементов в народном хозяйстве. Эту работу должны проделать массовые формы с.-хоз. кооперации, в первую очередь производственно-сбытовые системы, ведущие к коллективизации крестьянского производства через обобществление процессов обращения в сельском хозяйстве. Нельзя подойти в массовом масштабе к организации распыленного крестьянского производства, не овладев крестьянским оборотом. С другой стороны, в условиях СССР кооперирование оборота неизбежно должно повлечь за собой кооперирование крестьянского производства. В корне неправильно поэтому рассматривать кооперацию в обращении, только как «сбытово-снабженческие» системы, противопоставляя их «действительно производственной» системе. Основная задача нашей кооперативной политики сводится к тому, чтобы сделать эти «сбытово-снабженческие» системы *массовым орудием производственного кооперирования, орудием массовой коллективизации крестьянских хозяйств,* подчиняя этой основной цели все стороны их деятельности: сбытовую, снабженческую, кредитную, агрикультурную.

Через организацию оборота—к организации населения и организации производства,—таков кооперативный план Ленина.

В брошюре о продовольственном налоге Ленин писал: «Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам под'ем мелкого хозяйства и облегчение его перехода в неопределенный срок к крупному производству на началах добровольного об'единения». Впоследствии в статье «О кооперации» Ленин подробно раз'ясняет эту мысль: «В нэпе мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратное тому, что думают) гигантское значение кооперации... В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьянских хозяйств, обеспечение руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?»... Вот это-то обстоятельство недооценено

многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимают того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*». Могут ли быть какие-нибудь сомнения в том, что Ленин имел в виду в этом плане именно кооперацию *в обращении*, через которую мы должны притти «в неопределенный срок к крупному с.-хоз. производству на началах добровольного об'единения». Ленин прямо говорит здесь о кооперации, «как форме торговли», о кооперировании «крестьянина, как торговца», о «торгашеской кооперации» и т. д. Тов. Григорьев не понял самого главного в учении Ленина о кооперации, именно необходимости организации «перехода к новым порядкам путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*», не понял, что этот переход может и должен быть осуществлен через кооперацию в обращении.

Он не видит путей и конкретных форм перехода от этих «сбытово-снабженческих» форм к производственному кооперированию, и не случайно тов. Григорьев не дает по существу в своей статье *никакого ответа* о путях производственного кооперирования крестьянства.

Оценка производственно-сбытовых систем только как «сбытово-снабженческих» систем середняцко-зажиточных слоев деревни, отрицание возможного и неизбежного перерастания их в производственную кооперацию есть прямое отрицание кооперативного плана Ленина. В этом основная ошибка т. Григорьева.

Массовые пути производственного кооперирования крестьянства.

Производственное кооперирование имеет своей целью в наших условиях массовое переустройство сельского хозяйства *на социалистических началах.* Только в этом может заключаться для нас смысл производственного кооперирования. Но социализм невозможен, во-первых, без планового хозяйства и, во-вторых, без крупного производства на основе передовой техники. Эти два важнейшие условия остаются в силе в полной мере и для социалистического переустройства сельского хозяйства. Ими должны определяться задачи и основное содержание производственного кооперирования. Тов. Григорьев видит только одну половину задачи: необходимость перехода к крупному с.-х. производству, и совершенно не замечает задачи вовлечения с.-х. оборота и производства в русло планового хозяйства. Этим об'ясняется непонимание им значения *производственно-сбытовых систем*, как и то совершенно исключительное непонимание, которое он обнаружил в вопросе о значении *контрактации* в наших условиях. В брошюре о продналоге Ленин писал: «К государственному крупному капитализму и к социализму *ведет одна и та же дорога*, ведет путь через *одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль над производством и распределением продуктов». Эту задачу «планомерной государственной организации» производства и распределения с.-хоз. продуктов призваны осуществить производственно-сбытовые системы с.-хоз. кооперации. Эти системы организованы в виде центра-

лизованных союзов, объединяющих и организующих соответствующие отрасли сельского хозяйства. Одним из существеннейших достижений социалистического строительства в деревне является *успешное вовлечение кооперативного оборота в русло государственного регулирования и планового хозяйства*. Государственное регулирование распространяется в настоящее время на все важнейшие стороны торговой деятельности производственно-сбытовых систем с.-хоз. кооперации: заготовительные и сбытовые цены, распределение продукции на внутреннем рынке, экспорт и т. д. Хозяйственная деятельность кооперативных центров постепенно принимает, таким образом, характер планового оборота, в основе которого лежит государственный учет и контроль над заготовкой и распределением с.-хоз. продуктов. Мы испытываем еще не мало трудностей в деле регулирования с.-хоз. оборота. Нередки случаи срыва наших плановых предположений. Но, несмотря на эти трудности, вовлечение с.-хоз. оборота в русло планового хозяйства через с.-хоз. кооперацию становится бесспорным фактом, открывающим новые, более широкие перспективы социалистического строительства в деревне. *Вовлечение сельского хозяйства в систему планового хозяйства не ограничивается только сферой оборота*. Организация оборота создает в свою очередь необходимые условия для постепенного вовлечения в систему планового хозяйства *с.-хоз. производства*. Крупнейшими факторами регулирования с.-х. производства являются в настоящее время *регулирование цен, целевое производственное кредитование, плановое производственное снабжение* и т. д. Главнейшей формой *непосредственного* вовлечения с.-хоз. оборота и *производства* в систему планового хозяйства является *кооперативная контрактация*, т.-е. переход кооперированных производителей к производству *по заказу* заготовителя или потребителя. Эта *система заказов* получила в последнее время широкое распространение, знаменуя собой новый важнейший этап на пути к станции, называемой «общенародный учет и контроль над производством и распределением продукции».

Как оценивает эти факты тов. Григорьев? По его мнению, «проведенный полностью принцип контрактации... ставит крест на ленинском кооперативном плане, заодно уничтожает и смысл существования с.-хоз. кооперации». Итак, переход через кооперацию к системе заказов, т.-е. к плановому производству и обороту в сельском хозяйстве уничтожает, по мнению, т. Григорьева, смысл существования с.-хоз. кооперации. Эта грубая ошибка т. Григорьева свидетельствует о полном непонимании сущности с.-хоз. кооперации, «смысл существования» которой заключается именно в организации перехода от стихийного мелкого производства и обмена к плановому обороту и плановому производству. По словам т. Григорьева, «дело сводится к простому: промышленность делает заказ, крестьянин его выполняет. Получается совхоз в масштабе СССР, и с.-хоз. кооперации как будто бы нечего делать». Тов. Григорьев не понимает той простой вещи, что промышленность не может делать заказ крестьянину *без* кооперации, что без кооперации *немыслимы* в сколько-нибудь широких размерах эти формы связи между промышленностью и крестьянским хозяйством, что система заказов может успешно развиваться в сел. хозяйстве только, как *кооперативная* контрактация. Другой формы контрактации мы в настоящее время в СССР

не имеем. Тов. Григорьев не знает очевидно и того, что в тех отраслях, где контрактация получила широкое развитие (свекла, табак и хлопок), *мы имеем именно по этой причине почти 100%-ный охват населения кооперацией*.

Рассмотрим более подробно взаимоотношения между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией. Договор о контрактации между Сахаротрестом и Центральным Союзом Свеклосевов налагает на кооперацию следующие обязательства: 1) законтрактовать в крестьянских хозяйствах, в районах сахарных заводов, определенные количества свеклы, согласно утвержденной производственной программе (с неустойкой за каждую недосеянную десятину); 2) всю законтрактованную свеклу сдать заводам в предусмотренные пункты по установленным договором ценам. *Договор регулирует все основные* процессы производства свеклы, обусловливая следующие обязательства со стороны производителя: 1) углубление осенней пахоты на крестьянских землях под свеклой, 2) своевременный посев свеклы, 3) обязательное применение высококачественных семян, получаемых для этой цели от сахарных заводов, 4) обязательное удобрение земли определенным количеством суперфосфатов, 5) обязательное применение сеялок и 6) своевременная уборка свеклы и послепосевная обработка. Со своей стороны сахарный завод обязан по договору: 1) снабдить посевщиков свеклы через кооперацию средствами производства, семенами, сеялками для посевов, суперфосфатом, с включением их стоимости в цену свеклы, 2) выдать посевщикам аванс в размере 25 рублей на десятину (безлошадным хозяйствам выдается 35 рублей и больше), 3) отчислять на покрытие организационных расходов кооперации и на ее агрикультурную работу определенный процент со стоимости свеклы (6%). На эти отчисления кооперация ведет агрикультурную работу по плану, согласованному с органами Наркомзема и промышленности, содержа для этой цели около 450 агрономов.

Вся эта сумма взаимоотношений говорит о постепенном переходе, при помощи с.-хоз. кооперации, *целой* отрасли сельского хозяйства к организованному производству и обороту *по государственному плану*.

На этом примере мы видим, что *система заказов* открывает широкие возможности планирования и регулирования через кооперацию крестьянского производства, создавая таким образом наиболее благоприятные условия для *планомерной реконструкции сельского хозяйства* на основе более высокой техники (внедрение лучших семян, минеральных удобрений, крупных сеялок). Вместе с этим меняются роль и функции производственно-сбытовых систем: *кооперирование оборота непосредственно перерастает в этих условиях в кооперирование производства. Кооперативная контрактация представляет собой начальную стадию производственного кооперирования крестьянства*.

Тов. Григорьев знает только две формы крестьянского производства: *единоличное* производство и *коллективное* производство. Практика выявила, однако, и промежуточную переходную форму, которой можно дать название *кооперативного производства*. Это последнее характеризуется переходом кооперированных произво-

дителей к организованному производству по единому плану (который в условиях государственного регулирования кооперации неизбежно является *государственным* планом) под руководством и контролем кооперативного об'единения с применением определенных единообразных способов производства, определенной техники, с частичной коллективизацией производственных процессов и так далее. Гигантское значение этой формы производственного кооперирования определяется тем, что, во-первых, она способна охватить целые отрасли сельского хозяйства, и, во-вторых, тем, что она об'единяет все необходимые условия для последовательного социалистического переустройства сельского хозяйства: *планомерную государственную организацию производства и распределения с.-хоз. продуктов, соединенную с планомерной реконструкцией крестьянского хозяйства на новой технической основе.*

Для определения перспектив дальнейшего развития этих форм производственного кооперирования в сторону социализма необходимо остановиться на следующих двух вопросах. Как мы уже отметили в своей статье, эти новые формы организации с.-хоз. производства и оборота облегчают в значительной мере регулирование процессов расслоения деревни. Расслоение стихийно вырастает из стихийного мелкого производства и обмена. С момента же перехода мелкого товаропроизводителя к производству *по заказу* мы получаем полную возможность регулировать в известной мере условия работы и роста каждой группы крестьянских хозяйств. Между тем, мы приближаемся во всех главнейших областях с.-хоз. оборота к фактической государственной монополии, которая делает переход к системе заказов не только возможным, но при условии массового кооперирования населения и неизбежным. Необходимо, в частности, отметить, что связанное с контрактацией авансирование производителя, снабжение его семенами и орудиями производства оказывает, разумеется, наиболее существенную помощь бедняцким хозяйствам, которые больше всего нуждаются в кредите. При контрактации бедняцким хозяйствам оказывается обычно еще и специальная помощь в виде более значительных размеров авансов и т. д. Система заказов широко используется для вовлечения маломощных хозяйств в производство трудоемких технических культур. В то время как до революции 85% свеклы доставлялось на сахарные заводы из собственных имений, остальные 15% из прилегающих помещичьих и кулацких хозяйств, в настоящее время 61% свеклы поставляется крестьянскими хозяйствами, в подавляющем большинстве принадлежащими к середняцким и маломощным слоям. Примерно, около 1.000.000 крестьянских хозяйств занято в настоящее время свеклосеянием для сахарных заводов. Выше мы указали на огромные изменения, происшедшие в социальном составе посевщиков в других сырьевых отраслях сельского хозяйства. Не подлежит сомнению, что все эти изменения оказались возможными в очень значительной мере только благодаря развитию практики контрактации. Все это облегчает и ускоряет темп развития производственно-сбытовых систем в сторону социалистического переустройства сельского хозяйства. С другой стороны, мы видели, что переход от стихийного производства на рынок к системе заказов, значительно ускоряет и облегчает также процесс *технической реконструкции* крестьянского производства, подготовляя таким образом технические условия для массовой реорганизации крестьянских хозяйств на социалистических началах. Регулирование процессов крестьянского производства не может ограничиваться в этих условиях внедрением более рациональных способов производства, высокосортных семян, минеральных удобрений и т. п. *Оно должно найти главное свое выражение в планомерном внедрении в крестьянское производство крупных машин и постепенной коллективизации вокруг машин кооперированных хозяйств.*

Приведенный нами пример свеклосевной кооперации чрезвычайно показателен и в этом отношении. Для посева свеклы необходимы крупные сеялки, которые в условиях крестьянского свеклосеяния не могут быть использованы иначе, как на коллективных началах. Согласно договору между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией посевщики получают эти сеялки *бесплатно с прокатных пунктов Сахаротреста* (пользование ими учитывается при калькуляции цены на свеклу). Для использования этих сеялок и др. крупных машин (культиваторы, бороны и проч.) посевщики об'единяются в коллективы от 50 до 70 хозяйств (около 25—30 дес. на одну сеялку). Эти об'единения имеют иногда временный характер и распадаются по окончании засева. Однако, в значительной части, в особенности там, где уже проведено землеустройство, они оформляются в уставном порядке, организуясь в постоянные артели с общими машинами, общими складами для семян, минеральных удобрений и т. д. Свеклосевная кооперация может служить, таким образом, примером планомерной массовой коллективизации крестьянских хозяйств на основе организованного внедрения в с.-х. произ-во крупных машин.

Непонимание т. Григорьевым всей важности значения контрактации как начальной стадии массового производственного кооперирования является неизбежным следствием общего непонимания им путей производственного кооперирования крестьянства.

Система заказов широко применяется уже в течение ряда лет в области свеклосеяния, хлопководства и табаководства. Это об'ясняется тем, что в области заготовок этих видов сырья, мы имели с самого начала фактическую государственную монополию, вытекающую из монопольного положения государственной промышленности, как потребителя с.-хоз. сырья. Важнейшая особенность настоящего момента заключается в том, что мы подошли *к фактической государственной монополии во всех главнейших отраслях сел.-хоз. оборота.* В то же время значительно выросла и сел.-хоз. кооперация; это открывает новые возможности по линии организованного воздействия на крестьянское производство путем распространения системы заказов на ряд новых отраслей сельского хозяйства. В качестве заказчиков могут выступать не только промышленные, но и другие организации. Так например, по линии семеноводства в качестве заказчика выступает в настоящее время Наркомзем. *В роли заказчиков могут и должны выступать и кооперативные центры.* За последнее время система заказов получила в действительности значительное распространение в ряде новых отраслей сел. хозяйства: семеноводство, лен, подсолнух, подсобные технические культуры. Не подлежит сомнению, что в ближайшем году контрактация посевов получит

еще большее распространение. Она, несомненно, получит значительное применение и в зерновых отраслях и в ряде других культур в связи с растущим обобществлением оборота в этих отраслях, их вовлечением в русло государственного регулирования.

Тов. Григорьев не замечает всего этого и об'ясняет происхождение контрактации по-своему. «Чем она вызвана?»—спрашивает т. Григорьев.—Во-первых—необходимостью обеспечить определенные отрасли промышленности (пока-что сахарную и хлопководческую) сырьем, во-вторых,—что сама сел.-хоз. кооперация собственных оборотных средств не накопила». Тов. Григорьев не понимает, что развитие системы заказов является результатом общего укрепления планового начала в народном хозяйстве и роста кооперации, неизбежным следствием фактической государственной монополии в главнейших отраслях сел.-хоз. оборота. Он не видит в контрактации ничего, кроме вложения государственных средств в крестьянский хлебооборот и приходит на этом основании к заключению, что контрактация есть антипод кооперации». Между тем нет никаких оснований утверждать, что при системе заказов государство вкладывает в кооперацию *больше средств, чем в обычных условиях производства*. Разве в тех отраслях, где контрактация не имеет никакого применения, государство меньше финансирует кооперацию?

Разве есть основания утверждать, что без применения контрактации государство могло бы вложить меньше средств в хлопководство, в свеклосеяние и пр., чем в теперешних условиях? Мы думаем *наоборот*, так как в соединении с системой заказов государственное кредитование даст, несомненно, больший эффект, чем в условиях распыленного производства.

Контрактация—это основная форма планового производства и оборота в сел. хозяйстве. Как таковая, она не связана непосредственно ни с авансированием производителя, ни с другими специальными формами вложения государственных средств в крестьянский оборот. Контрактация вполне мыслима без авансирования производителя. Поскольку авансирование имеет место, оно должно рассматриваться как особая форма *целевого кредитования* и применяться лишь в тех пределах, в каких это кредитование целесообразно и необходимо. В некоторых случаях авансирование применяется в качестве дополнительного стимула для перехода мелкого товаропроизводителя к системе заказов. Не следует, однако, переоценивать значение авансирования с этой стороны. Возможность перехода к системе заказов непосредственно вытекает из фактической государственной монополии в главнейших областях сел.-хоз. оборота, поскольку эта монополия осуществляется *через сел.-хоз. кооперацию*. Система заказов базируется на естественной *необходимости* для производителя приспособить все свое производство к потребностям и требованиям *монопольного* заготовителя; на *заинтересованности* в этом со стороны производителя, поскольку система заказов опирается на *соответствующее регулирование цен*; на *плановости* заготовителя и *возможности* предусмотреть необходимое количество и качество продукции; на *организованности* производителя (кооперирование, централизованная форма об'единения и т. д.).

Само собой разумеется, что применение методов контрактации нисколько не ослабляет необходимости вовлечения средств населения в кооперативный оборот. Однако, плановость производства и оборота ни в какой мере не противоречит, а наоборот облегчает разрешение этой задачи.

Есть, в частности, все основания думать, что при правильном построении контрактация посевов может служить *и при системе авансирования методом привлечения средств крестьянского населения*. Договора о контрактации могут и должны предусматривать оплату продукции *в несколько сроков*. При контрактации посевов, когда продукция подлежит обязательной сдаче по заранее установленным ценам, крестьянин не заинтересован в том, чтобы хранить продукцию у себя, и сдает ее в предусмотренные договором сроки обычно в один прием. Между тем, крестьянину не нужны все деньги сразу. В этих условиях оплата продукции может быть рассрочена без ущерба для сдатчика. Само собой разумеется, что бедноте должны быть обеспечены при этом более льготные условия расчета. При условии уплаты процентов, правильного построения системы авансирования и т. д. привлечение крестьянских средств этим путем могло бы иметь несомненный успех.

Огромные возможности, связанные с переходом в сел. хоз. от производства на рынок к системе заказов, используются нами в настоящее время лишь в очень незначительной степени. Мероприятия по авансированию и снабжению не увязаны *в должной* мере с задачами поднятия бедняцких хозяйств. Эти мероприятия используются нередко кулацкими хозяйствами. Переход к плановому производству не используется в достаточной степени для воздействия на крестьянские хозяйства в направлении их реконструкции и коллективизации, как не используются достаточно в целях регулирования процессов расслоения. Все еще очень слаба самодеятельность кооперированного населения. Ресурсы, находящиеся в руках государственной промышленности, и ее влияние, определяемое монопольным положением на рынке сел.-хоз. сырья, не только не всегда используются в достаточной мере для содействия кооперированию крестьянских хозяйств, но нередко получают даже противоположное направление. С этими недостатками необходимо бороться, но борьба эта должна иметь целью не ослабление, а укрепление планового начала в сельском хозяйстве. И нельзя никак согласиться с тов. Григорьевым, что «с контрактацией приходится пока мириться, а не возводить ее в принцип «кооперативного» строительства». Плановость оборота и плановость производства должны стать основными принципами кооперативного строительства. Это вытекает из современной природы сел.-хоз. кооперации, как формы *социалистического* строительства в деревне. Этого требуют интересы широких крестьянских масс, для которых контрактация становится важнейшей формой помощи бедноте, средством массового под'ема и реконструкции хозяйства, вернейшим средством обеспечения устойчивых цен и избавления от всех случайностей и колебаний рынка. Кооперативная контрактация должна быть полностью использована, как массовая форма производственного кооперирования, открывающая широкий путь к реконструкции крестьянских хозяйств на новой технической и общественной основе.

Б. Колесников.

О некоторых спорных вопросах современного экономического курса.

(Ответ тт. Розенталю, Бухарину, Мартынову и др). [1])

Моя статья «Итоги и перспективы индустриализации» вызвала обширнейший ответ К. Розенталя, появившийся на страницах центральных органов нашей партийной печати—«Большевика» и «Правды». Воодушевленный стремлением открыть в моем разборе госплановской пятилетки злостную ересь, именуемую «оппозицией», мой почтенный критик начал свою атаку по всем правилам современной литературно-политической стратегии: с места в карьер он уличил меня в том, что я, избрав темой своей статьи анализ госплановских «Материалов», совершил подлог и коварно ввел в заблуждение читателя, ибо мои возражения против *проекта хозяйственного плана* на деле оказались направленными против *основного курса современной экономической политики*. На этом основании К. Розенталь принял на себя рыцарскую защиту не только госплановской пятилетки, но и нынешнего экономического курса.

Казалось бы, судить об основном курсе современной экономической политики по госплановским «Материалам» можно лишь с известными оговорками—тем более, что, как напоминает К. Розенталь, «эти «Материалы» не только не обсуждались и не принимались партией, но не утверждались и самим Госпланом». Больше того: в своей статье я привел ряд длинных выписок из резолюций высших партийных органов с целью показать, что основная политическая предпосылка госплановской пятилетки (индустриализация страны исключительно за счет пролетариата) коренным образом *противоречит* этим резолюциям. Если все же К. Розенталь настаивает на том, что возражения против госплановской пятилетки, выдвинутые в моей статье, оказались одновременно обращенными и против нынешнего экономического курса—я готов поверить в этом моему уважаемому критику: кому же как не ему, доблестному защитнику современной экономической политики, положено знать, как эта политика выглядит на самом деле! Но, это может означать только одно: очевидно госплановская пятилетка, хотя она и не утверждена еще ни Госпланом, ни партией, *целиком соответствует нынешнему экономическому курсу*.

По своему тону статья К. Розенталя является блестящим образцом новейшей политической литературы: она свидетельствует

[1]) Статья дискуссионная.

прежде всего о том, что наиболее сильной стороной знакомства ее автора с русским языком является знание крепких прилагательных. Непоколебимая уверенность в том, что залихватская ругань всегда может с успехом восполнить отсутствие более веских аргументов; чванливое третирование всякого, кто не удостоился приобщиться божественной премудрости в институте красной профессуры; твердое убеждение в собственной непогрешимости и, наконец, весьма развязное и беззастенчивое обращение с цифрами и фактами в тех случаях, когда они упрямо отказываются служить ему, как он от них требует—таков материал, из которого соткана статья К. Розенталя. Полемика в иных, более сдержанных и лойяльных тонах стала при нынешних литературных нравах редким явлением; однако, памятуя слова Ленина о том, что «нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим», я не пойду вслед за моим критиком по пути уснащения нашего спора цветистыми ругательствами—хотя, по правде сказать, непроходимая тупость журналистов той породы, к которой принадлежит К. Розенталь, способна порой довести до полного отчаяния даже святого...

«Философия восстановительного процесса».

Наши разногласия начинаются с оценки итогов хозяйственного развития за годы нэпа, т.-е. с вопроса, свидетельствует ли прошлое нашего развития об *индустриализации* нашей страны. Ухватившись за мое утверждение, что «наши хозяйственные планы безжалостно корректировались стихией рыночного хозяйства», К. Розенталь начинает склонять всесчастную рыночную стихию по всем падежам: сквозь текст моей статьи он видит даже «мудрую стихию, полностью и целиком солидарную с оппозицией». Это мрачное и мистическое видение является следствием одной из основных ошибок нашего строгого критика.

Эта ошибка заключается в том, что К. Розенталь не понимает до конца, не чувствует, не осязает, если можно так выразиться, *восстановительный* характер нашего хозяйственного развития за истекшее пятилетие. Почему в продолжение этого пятилетия наше хозяйство в своем развитии тяготело к своему довоенному уровню? Не только потому, что этот уровень в общем и целом соответствовал *наличной* технико-производственной базе, но и потому, что полное и всестороннее использование наличной технико-производственной базы означало восстановление в основных чертах довоенных пропорций общественного разделения труда. Эти пропорции с точки зрения потребностей общественного развития, несмотря на крупнейшие свои недостатки, представляли собой *высшую ступень* в сравнении с тем хозяйственным развалом, сопровождавшимся почти всеобщим разрывом экономических связей, который царил в нашей стране к моменту окончания гражданской войны. Лишь достигнув довоенного хозяйственного уровня, т.-е. выполнив хозяйственную программу-минимум, мы получили возможность поставить на очередь во весь рост вопрос о *реконструкции* нашей экономики, т.-е. об изменении доставшихся нам в наследство пропорций общественного разделения труда в желательном с точки зрения наших общих социально-политических задач направлении.

К довоенному уровню наше народное хозяйство в течение восстановительного периода толкали не только государственные планы, но и стихия рыночной экономики—если, разумеется, под этой последней понимать не хищнический произвол отдельных спекулянтов, а свойство рыночного хозяйства нарушать и затем вновь восстанавливать пропорциональность хозяйственного развития. Именно задача восстановления хотя бы относительно удовлетворительных пропорций общественного разделения труда оставалась *важнейшей* в течение первых пяти лет нэпа—и нет ничего удивительного в том, что на службу ей оказался поставлен с большим или меньшим успехом весь механизм рыночного товарооборота. Как я уже писал в своей первой статье, эта задача восстановления пропорциональности хозяйственного развития обязывала восстановительный процесс «в каждой отдельной отрасли хозяйства протекать именно в том темпе, какой соответствовал гармоничному завершению восстановления народного хозяйства в целом». Рыночная стихия *содействовала* решению этой задачи, играя роль сигнализатора, показывавшего посредством механизма спроса и предложения, какие отрасли хозяйства отстают от общего уровня развития и какие, напротив, забегают вперед. Наконец, в тех случаях, когда государственное регулирование игнорировало сигналы рынка, этот последний мстил за себя явлениями кризисного порядка и заставлял соответственно перестраивать хозяйственные планы находу. В этом смысле нет ничего позорного признать, что «наши хозяйственные планы беспощадно корректировались стихией рыночного хозяйства».

Если машинистом на локомотиве, двигавшим наше народное хозяйство вперед к довоенному уровню, являлось государственное регулирование, то укладывать для него в кратчайшем направлении рельсы помогала слепая стихия рыночного товарооборота. Пугаться *такого* «союза» с рыночной стихией или патетически окружать частоколом восклицательных знаков «рыночную стихию, повышающую удельный вес и хозяйство социалистических элементов», могут только люди, раз навсегда зазубрившие, что рыночная стихия есть порождение дьявола и с одинаковым усердием проповедующие эту заповедь в любые времена и при любых исторических условиях. Кругозор таких людей ограничен, фигурально выражаясь, двумя измерениями—они неспособны видеть то, что лежит вне пределов их плоского горизонта. Для этих людей, несмотря на всю их «ученость», марксистская диалектика навсегда останется книгой за семью печатями.

Разумеется, все это рисует только *основной фон* нашего хозяйственного развития за истекшие пять лет. В живом хозяйственном процессе восстановительный и реконструктивный периоды не могли быть отрезаны друг от друга китайской стеной; ряд исторических изменений довоенных пропорций народнохозяйственного развития России (исчезновение классов помещиков и капиталистов, отделение Польши и лимитрофов, технические революции в производстве и т. д.) вынудил реконструировать в некоторой части наше хозяйство находу уже в восстановительном периоде. Об этом свидетельствуют достижения в области тракторостроения, электрификации и проч., которые с отменным знанием дела перечисляет в своей статье К. Розенталь. Отрицать эти достижения я отнюдь не собираюсь. Но нужно же отдавать себе отчет в том, что все эти реконструктивные элементы

оставались *подчиненными, второстепенными* по своему удельному весу и значению вплоть до окончания восстановительного периода. Поэтому набросанная выше «философия восстановительного процесса» полностью сохраняет свою силу для *основных* закономерностей нашего хозяйственного развития за истекшее пятилетие. Кто этого не понимает, тот фактически стирает всякую грань между периодами восстановления и реконструкции хозяйства и разрушает этим фундамент научного понимания нашего экономического бытия.

Туманное представление о том, почему восстановительный период назван своим именем, мешает К. Розенталю понять, что соотношение темпов восстановления отдельных отраслей хозяйства диктовалось об'ективными тенденциями восстановительного процесса и определялось прежде всего тем, как глубоко падала та или иная отрасль хозяйства по отношению к своему довоенному уровню в годы экономической разрухи. «Чем более далек был путь до довоенного уровня,—писал я об этом достаточно популярно в своей первой статье,—тем *быстрее* нужно было по этому пути подвигаться, чтобы притти к «финишу», роль которого в восстановительном процессе играл довоенный уровень, *одновременно со всем народным хозяйством в целом*». К сожалению, этой простой мысли К. Розенталь оказался недоступен: подменив, посредством легкой передержки, более быстрый *темп* развития наиболее глубоко упавших в годы гражданской войны отраслей хозяйства более быстрым *сроком* их восстановления (словно *темп* и *срок*—это одно и то же!), он скачет и играет вокруг «уничтоженного в огне гражданской войны крестьянского скота», который должен был бы якобы достигнуть своего довоенного размера «*быстрее других отраслей сельского хозяйства*»!

«Разве это не чудовищно», — восклицает К. Розенталь по этому поводу. Ну, еще бы, конечно, чудовищно—особенно после того, как в моей статье черным по белому было написано, что при разных *исходных* уровнях по отношению к довоенному (34,7% для промышленности и 66,8% для сельского хозяйства) *различный темп восстановления* отдельных отраслей хозяйства был именно следствием необходимости для них притти к довоенному уровню «*одновременно со всем народным хозяйством в целом*».

Таким образом, несмотря на ураганный обстрел набросанной в моей статье «философии восстановительного процесса», мне остается повторить вторично: *для ответа на вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—прошлое нашего хозяйственного развития не даст устойчивых данных.*

За чей счет?

Вполне четкий и недвусмысленный ответ на этот вопрос дан в госплановских «Материалах», которые говорят: «В последнем счете все финансирование нашего народного хозяйства, происходит ли оно за счет прибылей наших государственных предприятий или за счет бюджетных ресурсов, падает всей своей тяжестью на трудовые доходы и прежде всего на городской пролетариат».

Как я уже указывал в своей статье, этими словами выражена основная *политическая* предпосылка госплановской пяти-

летки. Промышленное развитие нашей страны нужно не только пролетариату, но и крестьянству; между тем, тяжесть этого развития должна, по мнению госплановских специалистов, лечь на плечи *одного пролетариата*. Коротко говоря, проект госплановской пятилетки предполагает такое развитие экономических отношений между классами, при котором пролетариат окончательно попадает в положение пасынка нашей революции. Вместо того, чтобы эту *противопролетарскую* политическую линию взять в штыки, К. Розенталь пытается обелить госплановских специалистов; по его мнению здесь просто вышла обмолвка. «Использовав,—пишет он,—неудачную, ибо она противоречит реальному содержанию «Материалов», фразу об источниках финансирования нашего народного хозяйства, Колесников утверждает» и т. д. В подтверждение того, что крестьянство также несет расходы по индустриализации, наш критик приводит два главных доказательства: 1) вложения в основные отрасли народного хозяйства *превышают* их собственные накопления и 2) кроме единого сельскохозяйственного налога крестьянство платит еще косвенные налоги, покрывающие известную часть государственных (бюджетных) расходов.

Разберем эти «доказательства». Капитальные вложения в основные отрасли народного хозяйства (за исключением сельского хозяйства) действительно превышают их накопления по пятилетке на значительную сумму в 3.584 млн. рублей [1]); этот дефицит предположено покрыть из средств государственного бюджета. Однако, было бы грубейшей ошибкой полагать, что все эти средства будут перераспределены бюджетом в государственное хозяйство *из сферы частного хозяйства*. Ведь свои доходы бюджет черпает не только из частного хозяйства, но и из хозяйства государственного. Отчасти это обстоятельство учтено авторами «Материалов», поскольку *прибыли* государственного хозяйства, которые отчисляются в госбюджет и затем вновь возвращаются этим последним госпромышленности, транспорту и т. д., в пятилетке прямо отнесены к накоплениям государственного хозяйства и исключены из суммы средств, направляемых в это последнее через госбюджет. Но и те средства, которые направляет в промышленность бюджет за вычетом прибылей, никак нельзя считать «*чистыми* вложениями в промышленность со стороны бюджета», ибо промышленность питает бюджет не только прибылями, но и *налогами*. Часть этих налогов, а именно *акцизные сборы*, промышленность впоследствии перекладывает на плечи потребителя; но другая часть—а именно: патентный сбор, подоходный налог, рентные платежи, плата за использование недр, попенный сбор, гербовый сбор и прочие пошлины и т. д. и т. д.—все это целиком ложится на плечи промышленности и других отраслей государственного хозяйства. Считать средства, полученные от промышленности посредством налогов этой категории и затем возвращенные ей. «чистыми» вложениями бюджета—значит обманывать себя и других.

[1]) А не на 4.720 млн. рублей, как указывает К. Розенталь; это расхождение между нашими цифрами получилось вследствие того, что он почему-то не учел в графе «накоплений» доходы от госторговли, банков, эмиссии банкнот и мобилизации части резервных капиталов промышленности через 8% заем в общей сумме 2.937 млн. рублей, а в графе «вложений»—расходы на пополнение оборотных капиталов госторговли и банков в общей сумме 410 млн. рублей.

Между тем, общая сумма этих налогов в предстоящее пятилетие будет далеко не маленькая—и вовсе сбрасывать их со счетов, как это делает К. Розенталь, нельзя даже в пылу самой горячей полемики. В своей статье я уже указывал, что, например, один *промысловый налог* должен дать свыше полмиллиарда рублей; такая, казалось бы, безобидная вещь, как *гербовый сбор*—свыше миллиарда рублей и т. д. Если хотя бы эти немногие цифры сопоставить с запроектированной суммой «чистых» вложений в государственное хозяйство в три с половиной миллиарда рублей—даже К. Розенталю должно стать ясно, что действительно *чистые* вложения госбюджета в промышленность на деле превращаются в воздушную мечту...

Перейдем ко второму «доказательству». В пользу участия крестьянства в расходах по индустриализации говорит, по мнению К. Розенталя, то обстоятельство, что в предстоящее пятилетие крестьянство должно уплатить всех налогов (включая единый сельскохозяйственный налог) на сумму около шести или семи миллиардов рублей [1]). Перед таким «доводом» остается только развести руками. Ведь К. Розенталю превосходно известно, что наш бюджет не только финансирует государственное хозяйство, но и покрывает расходы по управлению страной, по ее обороне, по удовлетворению социально-культурных нужд населения (просвещение, здравоохранение) и т. д. За счет каких же классов должны покрываться эти расходы? Может быть, они целиком должны быть сняты с крестьянства и тоже возложены исключительно на пролетариат? Может быть, по мнению К. Розенталя, крестьянство не заинтересовано в обороне Советской страны и расходы на это дело должен нести один пролетариат? Может быть, наше крестьянство так враждебно грамоте, что и школы для крестьянских детей должны содержаться за счет пролетариата? Может быть, и деревенский административный аппарат нужен не крестьянству, а пролетариату и потому должен содержаться этим последним за собственный счет? Если К. Розенталь не хочет докатиться до проповеди таких благоглупостей, он должен помнить, что шести или семи миллиардам налоговых платежей крестьянства противопостоит не только семнадцать с половиной миллиардов капитальных вложений в народное хозяйство, но и без малого *четырнадцать* миллиардов (точнее 13.743 млн. руб.) расходов по управлению, обороне и удовлетворению социально-культурных нужд населения. Если сбросить предположенные бюджетные расходы на финансирование крестьянского хозяйства, то окажется, что все налоговые платежи крестьянства покрывают круглым счетом не более *двух пятых* расходов бюджета по управлению, обороне, здравоохранению, просвещению и т. д. Эту долю нельзя признать чрезмерно высокой, если вспомнить, что мы живем в крестьянской стране, где, например, из числа всех учащихся в школах I и II ступени в 1926 году на деревню падало три четверти (из 10.100 тыс. душ—7.612 тыс. душ).

С другой стороны, раз К. Розенталь вспомнил о косвенных налогах—нужно напомнить, что тяжесть этого обложения падает не столько на крестьянство, сколько именно на пролетариат.

[1]) По одному подсчету К. Розенталя 6.296 млн. рублей, а по другому—7.162 млн. рублей. Оспаривать или подтверждать эти расчеты я не считаю нужным, ибо под интересующим нас углом зрения они не имеют никакого значения.

По данным, относящимся к 1924—25 году (а с тех пор значение косвенных налогов только *возросло*), на душу деревенского населения падало 1 руб. 11,8 коп. всех акцизов, а на душу *рабочего* населения—6 руб. 02,3 коп. Это об'ясняется, конечно, в первую очередь тем, что крестьянин значительную часть своих потребностей покрывает продуктами своего хозяйства, а рабочий все, что ему нужно, покупает на рынке. Таким образом, вспомнив о косвенных налогах, К. Розенталь попадает из кулька в рогожку... А под интересующим нас углом зрения этот довод способен только *запутать* разбираемый нами вопрос. Впрочем, может быть, К. Розенталю именно это и нужно?

Доказывая, что с деревни нечего взять на индустриализацию, ибо она «живет на пороге физиологических норм существования», госплановские экономисты забыли такую «мелочь», как то обстоятельство, что деревня-то у нас есть разная—есть деревня кулацкая, есть середняцкая, есть бедняцкая. Деревенская беднота действительно живет «на пороге физиологических норм существования», и никому не придет в голову возлагать на нее тяжесть нашего промышленного развития. Но брать за одни скобки с деревенской беднотой зажиточную, кулацкую и полукулацкую верхушку деревни, отказывающуюся пить чай из медных самоваров—подавай ей никелированный!—это значит прикрывать деревенской беднотой интересы кулака, т.-е. *прямо служить кулацким интересам*. Вместо беспощадного разоблачения этой устряловщины, замаскированной сладенькими разговорами об интересах крестьянства «вообще», К. Розенталь попытался покрыть ее посредством «ловкости и проворства рук». Эта задача не увенчалась успехом: факты—упрямая вещь...

Значение безработицы по Марксу и по Бухарину.

Судить о том, насколько наши хозяйственные планы отвечают требованиям развития производительных сил, можно с разных точек зрения. Так, общепризнанным мерилом индустриализации считается соотношение роста продукции промышленности и сельского хозяйства. Большим вниманием наших экономистов пользуется также состояние рынка, в частности соотношение спроса и предложения промтоваров (степень так наз. «товарного голода»). Возможны и иные подходы к этой проблеме.

Под каким же углом следует подойти к госплановской пятилетке, поставив себе вопрос, соответствует ли она требованиям развития производительных сил нашей страны? В своей статье я постарался со всей силой подчеркнуть, что *решающим* с этой точки зрения показателем является *степень использования наличных запасов человеческого труда*. В пользу этого критерия говорит прежде всего то обстоятельство, что основной производительной силой является именно человеческий труд. Кроме того, проблема использования наличных запасов человеческого труда имеет особое значение потому, что ее решение показывает, насколько наша экономическая система преодолевает в своем развитии *всеобщий закон капиталистического накопления*, т.-е. служит показателем «социалистического качества» нашего социально-экономического развития. На этот, действительно центральный по своему значению, тезис моей статьи (кстати, заботливо обойденный К. Розенталем) обрушился тов. Бухарин в своей речи на московском с'езде профсоюзов. Но, к сожалению, основной прицел тов. Бухарина оказался таков, что его залп дал недолет. Я в своей статье указывал, что о степени преодоления всеобщего закона капиталистического накопления можно судить по *тенденции нашего хозяйственного развития*, поскольку ее рисует госплановская пятилетка; а тов. Бухарин обвинил меня в том, что действие всеобщего закона капиталистического накопления я доказываю фактом существования безработицы *в настоящий момент*. В его, мягко выражаясь, вольном изложении мои взгляды превратились в настоящую карикатуру. «Посмотрим,—говорит т. Бухарин,—как истолковывает его (марксов закон) Колесников. Он нам говорит: у вас есть безработица?—есть. Росла она?—росла». «Если вы желаете узнать, идете ли вы к социализму или нет, то именно по этой мерке нужно мерить. Если у вас много безработных, значит—у вас действует всеобщий закон капиталистического накопления».

Повидимому, тов. Бухарин, недопустимо путает *статическое* состояние интересующего нас явления (безработицы) с тенденцией его *развития*. Здесь также уместно вспомнить азбуку марксистской диалектики, обязывающей познавать смысл и значение всякого явления, изучая его *развитие*. В частности, смысл и значение безработицы приобретает совершенно различный вид в зависимости от того, рассматриваем ли мы безработицу в нынешнем ее состоянии или проверяем тенденцию дальнейшего ее развития. В нынешнем своем состоянии безработица есть один из итогов *восстановления* нашего хозяйства на уровне, в общем и целом, близком к довоенному; она есть результат об'ективного по своим тенденциям восстановительного процесса и отражает недостатки довоенных пропорций общественного разделения труда. В этом смысле нынешнюю безработицу можно с известным правом назвать наследством экономики дореволюционной России. Сигнализируя о *кризисных элементах* нашего развития и напоминая о необходимости скорейшей реконструкции нашего хозяйства, современная безработица в основном все же не может рассматриваться как результат действия всеобщего закона капиталистического накопления.

Иное дело—*тенденция дальнейшего развития* безработицы, проявляющаяся не в кратковременных сезонных ее колебаниях, а на протяжении такого длительного и относительно нормального по условиям развития промежутка времени, каким является охваченное госплановскими «Материалами» пятилетие. Здесь та или иная *тенденция* развития безработицы (рассасывание или рост) характеризует развитие нашего народного хозяйства, перешагнувшего за грань довоенных экономических соотношений, и свидетельствует о том, преодолевает ли наша хозяйственная система в своем развитии всеобщий закон капиталистического накопления или нет.

Сама постановка вопроса о всеобщем законе капиталистического накопления в современных советских условиях может казаться святотатством или глупостью только людям, которые убеждены, что у нас кругом социализм и что неопровержимым доказательством этого является отсутствие у нас класса капиталистов. С этого плацдарма тов. Бухарин пытается опрокинуть самую возможность действия у нас всеобщего закона капиталистического накопления. «Маркс писал,—говорит он,—что *капита-*

листы создают резервную армию безработных для давления на заработную плату рабочих и увеличения прибыли. *Вот в чем сущность*». (Курсив мой. *Б. К.*). Маркс, вероятно, перевернулся бы в гробу, если бы до него дошло такое изложение формулированного им закона всеобщего капиталистического накопления. Ведь свойство капиталистического строя воспроизводить в своем развитии резервную трудовую армию, нищету, пауперизм и т. д. Маркс именно потому и возвел в степень *закона*, что об'яснял его не злой волей капиталистов, а неот'емлемыми об'ективными закономерностями развития капиталистической системы. Ведь только внешно виновником введения какого-либо технического усовершенствования, вызывающего расчет рабочих и пополнение ими армии безработных, является капиталист. На деле он не может действовать иначе, в противном случае он будет разбит и пущен на дно в конкурентной борьбе; действительным же виновником пополнения резервной армии труда является вся капиталистическая система. Поэтому делать ударение на том, что резервную армию безработных создают *капиталисты*, значит вульгаризировать Маркса; такая вульгаризация Маркса может потребоваться только для того, чтобы самый вопрос о законе всеобщего капиталистического накопления снять простой ссылкой на отсутствие у нас класса капиталистов.

Еще проще разделывается с всеобщим законом капиталистического накопления тов. Мартынов в своей статье «Экономическая платформа оппозиции и экономическая действительность» («Коммунистический Интернационал», № 42), где он пишет: «Колесников для характеристики безработицы в СССР ссылается на слова Маркса из I тома «Капитала», что безработица есть всеобщий закон капиталистического накопления. Как будто бы он не знает, что законы экономики в советской республике отличаются существенно от законов экономики капиталистического общества и что, в частности, характер и причины безработицы в советской республике отличаются существенно как от характера и причин безработицы в капиталистических странах в довоенную эпоху, так и от характера и причин хронической безработицы капиталистических стран нынешнего времени» и т. д., и т. д. От этой плоской тавтологии так и веет затхлым духом богословской учености. Основой доказательства тов. Мартынов принимает то, что нужно доказать. «Всеобщий закон капиталистического накопления» принадлежит к законам капиталистической экономики; а законы капиталистической экономики не действуют у нас потому, что они у нас не действуют. Убийственное доказательство!

Тов. Мартынов хочет отделаться напоминанием о том, что у нас—не капитализм. Решение сложнейших проблем нашего хозяйственного развития в духе такой «святой простоты» во всяком случае не имеет ничего общего с той характеристикой, которую неоднократно давал нашей экономике Ленин. Вспомним, хотя бы, как в брошюре «О продовольственном налоге» Ленин писал о том, что нам остается «не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло *государственного капитализма*. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо—в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр 216).

Говорить вместо этого, что законы капитализма вообще к нам «не относятся», значит подменить ленинизм мартыновщиной, значит идейно разоружать пролетариат. Мы живем в *классовом* обществе, и наше государственное хозяйство, связанное тысячами нитей с хозяйством мелкособственническим, испытывает на себе огромное давление этого последнего. Об'ективные условия развития, которые в капиталистическом строе диктует конкуренция, для нашего государственного хозяйства вытекают из факта его сосуществования с капиталистическим миром за пределами наших государственных границ и с морем мелкособственнического крестьянского хозяйства внутри страны. Эти об'ективные условия ставят перед нашим государственным хозяйством (и, в частности, перед промышленностью) ряд задач, решение которых может сопровождаться как относительным, так и абсолютным уменьшением числа занятых в государственном хозяйстве рабочих по сравнению с предложением труда, т.-е. ростом армии безработных. Если, например, рационализация производства для снижения себестоимости происходит при одновременном сокращении рабочих во всей государственной промышленности или хотя бы при прогрессирующем отставании числа рабочих от естественного прироста пролетариата и если такая тенденция сохраняет устойчивость на протяжении значительного промежутка времени—это значит, что процесс хозяйственного развития остается подчиненным всеобщему закону капиталистического накопления. Напротив, если политика промышленного развития будет такова, что реконструкция хозяйства будет сопровождаться хотя бы постепенным рассасыванием безработицы—это будет означать, что наша экономическая система в своем развитии преодолевает всеобщий закон капиталистического накопления.

Госплановская пятилетка проектирует именно такую политику промышленного развития, которая ведет к *росту* безработицы, т.-е. оказывается не в силах преодолеть всеобщий закон капиталистического накопления. Этим самым она сигнализирует о весьма тревожных перспективах развития нашей экономической политики, ибо в неспособности преодолеть всеобщий закон капиталистического накопления найдет свое выражение не что иное, как смещение социальной базы нашей экономической политики в сторону непролетарских, мелкобуржуазных слоев.

Но, может быть, этому противоречит состав безработных? По мнению тов. Бухарина, безработица растет у нас потому, что «наша страна пережила невероятно глубокое экономическое падение в результате империалистической и гражданской войн, разрухи и голода. Это нужно принять во внимание. Безработица растет у нас еще потому,—продолжает т. Бухарин,—что наше крестьянство, в частности, обиралось при предшествующих режимах совершенно нещадно и крестьянское хозяйство стояло поэтому на исключительно низком техническом уровне, оно было вдобавок разорено империалистической и гражданской войнами». По этому поводу нужно заметить, во-первых, что нельзя сводить вопрос о безработице к проблеме аграрного перенаселения деревни, которая составляет важнейшую его часть, но отнюдь не покрывает его целиком. Ведь уже данные о безработице на 1 мая с. г. показывают наличие 141 тыс. безработных подростков, 236 тыс. квалифицированных рабочих и т. д. Во-вторых, если аграрное перенаселение деревни и является плодом продолжав-

шегося десятилетиями загнивания крестьянского хозяйства («голодная аренда» и пр.), то современные формы ликвидации аграрного перенаселения, сводящиеся пока-что, главным образом, к выбрасыванию бедняцкой рабочей силы на городские рынки труда, никак нельзя относить исключительно на счет безответного исторического прошлого нашего хозяйства. Ведь нельзя же бедняка, приходящего в 1930 году в город в поисках работы, утешать тем, что и его злосчастной судьбе виноваты царизм и Антанта! Современные формы рассасывания аграрного перенаселения являются прежде всего следствием прогрессирующей дифференциации деревни [1]), т.-е. *капиталистического* направления ее развития на данном этапе, и в них уже сейчас косвенным образом проявляется все тот же всеобщий закон капиталистического накопления.

Так выглядит на деле освобожденная от крепких выражений аргументация тов. Бухарина, отраженным светом которой светят и доводы К. Розенталя по этому вопросу. Напрасно т. Бухарин пытается без длинных разговоров попросту снять вопрос о всеобщем законе капиталистического накопления в наших советских условиях, подменяя известное нам значение безработицы по Марксу новейшим значением безработицы «по Бухарину». Проблему безработицы в советских условиях давно пора поднять на принципиальную высоту. Рост безработицы, с каждым месяцем все более раз'едающей классовую мощь пролетариата, становится первостепенным по своему значению фактором нашего социально-политического развития. Этот рост *должен* быть остановлен. В Советской стране не только рабочий класс должен служить промышленному развитию, но и промышленное развитие должно целиком и полностью служить рабочему классу.

Темп промышленного развития.

Госплановская пятилетка предполагает развивать промышленность исключительно за счет рабочего класса. Такая политика промышленного развития связана с необходимостью тяжелых жертв со стороны пролетариата. Несмотря на то, что нынешние экономические условия существования широких рабочих масс чрезвычайно тяжелы, с этими жертвами было бы легко примириться, если бы ценою их был куплен такой темп промышленного развития, который обеспечивал бы постепенное рассасывание, а затем и полное исчезновение безработицы. К несчастью, госплановская пятилетка обещает обратное. Это обстоятельство заставляет особенно внимательно и осторожно оценить тот темп промышленного развития, который проектируют госплановские «Материалы».

Считая, что оценка предположенного пятилеткой темпа промышленного развития станет наглядной в сравнении с данными о развитии нашей промышленности в прошлом, я привел в своей первой статье ряд бесспорных справок, из которых явствует, что пятилетка проектирует несколько более *медленный* темп развития по сравнению с периодами экономического под'ема нашей дореволюционной промышленности. Будучи лишен возможности опровергнуть это указание по существу, К. Розенталь раздул целый костер самого пламенного возмущения по поводу того, что я сравниваю госплановскую пятилетку не с дореволюционным развитием нашей промышленности вообще, а с ее развитием в годы *экономического под'ема*. «В своем стремлении «доказать» во что бы то ни стало недостаточность темпа нашего хозяйственного развития,—пишет К. Розенталь,—оппозиционер Б. Колесников предлагает «абстрагироваться» от кризисности капиталистического хозяйства и для «сравнения» оперировать только годами экономического под'ема! «Абстрагироваться» от того, что составляет характерную особенность капиталистического хозяйства! «Абстрагироваться» от важнейшего преимущества советской системы хозяйства!» и т. д., и т. д.

Весь этот пафос, подогретый многочисленными восклицательными знаками, призван служить дымовой завесой, скрывающей полное убожество доводов моего почтенного критика. «Абстрагироваться от кризисности капиталистического хозяйства» я отнюдь не намерен—это так же мало осуществимо, как и «абстрагироваться» от «оппонентов» в роде К. Розенталя при сдаче в «Большевик» статьи в роде моих «Итогов и перспектив индустриализации». Равным образом, напрасно тов. Мартынов в своей статье негодует, что «Колесников... выбрасывает для капиталистических стран из счета периоды промышленных кризисов, как будто бы он не знает, что промышленный кризис в капиталистической стране составляет органическую составную часть цикла промышленного развития», и на этом основании пытается опрокинуть меня тихой сапой «методологических» поправок. Важнейшим преимуществом советской системы хозяйства, действительно, является об'ективная возможность обойтись в его развитии без общих экономических кризисов. Но именно потому, что это важнейшее преимущество нашего хозяйства бесспорно, нельзя сравнивать перспективы его развития с ростом дореволюционной промышленности *во все периоды*. Мы наперед знаем, что наше развитие *должно быть* более быстрым, чем развитие дореволюционной промышленности за периоды под'ема и застоя *в среднем*; недоставало еще, чтобы наша промышленность без общих экономических кризисов развивалась медленнее, чем шагавшая от кризиса к кризису промышленность дореволюционной России! Кроме того, сравнение госплановской пятилетки с развитием дореволюционной промышленности в годы экономических под'емов показывает воочию, насколько наше хозяйство реализует на деле прочие свои преимущества (отсутствие потребления помещиков и буржуазии, ликвидация иностранных займов и т. д.). В этом сравнении, нашей промышленности противостоит капитализм, развитие которого опирается прежде всего не на припрятанное в период депрессии золото (характеризовать экономический под'ем под этим углом зрения может только свято верующий в магическую силу золота буржуа), а на полное использование своего производственного аппарата, т.-е. капитализм, сполна использующий свои производительные силы. В сравнении с этим лицом дореволюционного русского капитализма наглядно обнаруживается неспособность госплановской пятилетки реализовать все преимущества советской системы хозяйства.

---

[1]) Об этом особенно ярко говорят,—вернее, не говорят, а кричат,—данные о проценте ликвидировавшихся крестьянских хозяйств в различных посевных группах за последние два года (см. «Статистический Ежегодник ЦСУ» на 1927 г.).

Кроме того, по мнению К. Розенталя, перспективы нашего развития вообще нельзя сравнивать с периодами экономического под'ема дореволюционной промышленности. Почему? Да потому, говорит К. Розенталь, что «вторая половина девяностых годов были годами постройки Сибирской железной дороги, определившей на ряд лет хозяйственную кон'юнктуру. Именно в эти годы происходило гигантское развитие металлургии и металлопромышленности, рудной и топливной промышленности и целого ряда других отраслей, работавших на нужды железнодорожного строительства. Под'ем в этих отраслях не мог не повлечь за собой и общего промышленного под'ема». *Вот именно такой тип промышленного развития, поднимающий к промышленной жизни целые районы и на глазах преображающий все лицо страны, мы и называем индустриализацией.* Или, быть может, по мнению К. Розенталя, это была, как теперь говорится, «сверх-индустриализация?». Не вполне ясно разбираясь, что к чему, К. Розенталь ненароком выдал себя с головой. Если, действительно, перспективы нашего промышленного развития нельзя даже сравнивать с годами постройки Сибирской железной дороги, если эти перспективы не могут быть даже поставлены рядом с картиной индустриализации дореволюционной России, которую рисует вторая половина девяностых годов—значит, *об индустриализации нашего хозяйства нечего и говорить.* Значит, перспектива нашего промышленного развития так тускла, что не заслуживает даже имени индустриализации.

Усердие К. Розенталя сыграло с ним здесь плохую шутку...

Такой же меткостью отличается и возражение К. Розенталя об иностранном капитале. Роль его в индустриализации дореволюционной России общеизвестна [1]). Если эта роль была столь значительна, что отсутствие притока иностранного капитала в настоящее время опять-таки даже не дает возможности сравнивать перспективы нашего промышленного развития с ростом промышленности в дореволюционной России, то не обязывает ли это нас исходить из факта *необходимости* привлечения иностранных капиталов вместо часто повторяемого утверждения, что наше промышленное развитие вполне обеспечено внутренними ресурсами? Вопрос этот не нов, и вокруг него сломано не одно копье. Напомню только, что в свое время Ленин многократно повторял, что хотя «концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму», но при концессиях «мы выигрываем время, а выиграть время, это значит выиграть все» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 333). С тех пор эти взгляды успели покрыться пылью времен, а привлечение иностранных концессий авансом шельмуется в качестве «кабальных сделок».

Говоря о темпе промышленного развития, остановимся еще раз в двух словах на вопросе о душевых нормах потребления. Заработная плата у нас в лучшем случае находится на довоенном уровне, цены промышленных товаров, приведенные к тому же знаменателю, выше довоенных—казалось бы ясно: душевые нормы потребления рабочих должны быть *ниже* довоенных. Но К. Розенталь «рассудку вопреки, наперекор стихиям» провозглашает, что «душевое потребление промышленных товаров рабочего класса возросло»—и в доказательство приводит смехотворные данные о повышенном против довоенного потреблении подсолнечного масла, сахарного песку, керосина и спичек... Если бы К. Розенталь обратился за советом к любой, хотя бы совсем «несознательной» хозяйке из рабочей семьи—он бы узнал, что подсолнечного масла теперь потребляется больше потому, что уменьшилось потребление коровьего масла, сахарного песку потребляется больше потому, что уменьшилось потребление рафинада, и керосина потребляется больше потому, что современная жилищная теснота вынуждает пользоваться вместо плиты примусом... Поэтому, если рост потребления этих товаров о чем и говорит, то о таких вещах, вспоминать о которых К. Розенталь, наверно, не собирался. Из всей его «статистики» остается рост потребления спичек—его мы готовы, пожалуй, не оспаривать: пусть нашему критику останутся хоть спички...

[1]) Хотя, кстати, своим известным подсчетом проф. М. Н. Покровский доказывает, что последний экономический под'ем дореволюционной промышленности (1911—1913) был обусловлен вложением в нее преимущественно *внутренних* капиталов.

Легенда о заработной плате и производительности труда.

Вопросу о современном состоянии заработной платы в моей статье было посвящено ровным счетом *полторы строки*. Но, как видно, рыцари современного экономического курса не выносят даже самого лаконического упоминания о действительном положении заработной платы. Во всяком случае, даже эти полторы строки явились для К. Розенталя достаточным поводом, чтобы разразиться целой филиппикой против «сознательных лжецов» и «бессовестных демагогов», дерзающих отрицать полное благополучие в области заработной платы.

За последние месяцы о заработной плате и производительности труда написано очень много; однако, фактическая сторона дела продолжают оставаться в тумане. Одни утверждают, что заработная плата в общем стабилизировалась на уровне, близком к осени 1925 года—и доказывают это цифрами; другие утверждают, что в продолжение 1926—27 года заработная плата превышала уровень 1925—26 года, и также доказывают это цифрами. Чтобы добросовестно в этом разобраться, нужно принять во внимание несколько предварительных методологических замечаний.

Учет заработной платы ведется по средним месячным, средним дневным и средним часовым нормам. Из числа этих данных для характеристики движения заработной платы следует пользоваться цифрами о средней *месячной* заработной плате, ибо именно они отражают действительный заработок рабочего (то, что рабочий действительно получает за свой труд); данные же о средних дневных и часовых нормах являются не более, как условными статистическими величинами.

В другом разрезе данные о заработной плате публикуются в виде средних за месяц, квартал, полугодие и год. Всякий, хоть немного нюхавший заводский воздух, знает, что рабочий судит о колебаниях своего заработка по тому, сколько он заработал и получил в окончательный расчет *за месяц*; никакой, даже самый сознательный пролетарий, если его получка ощутительно *меньше* предыдущей, не станет ждать конца квартала

[1]) См. статью А. Гинзбурга «Пятилетняя гипотеза развития промышленности» в «Социалистическом Хозяйстве» за 1926 г., кн. III.

или полугодия, чтобы узнать, как изменилась его заработная плата. Так как наша статистика должна *помогать* рабочим, а не запутывать их, обязательно следует пользоваться данными о средней месячной заработной плате *за каждый месяц в отдельности*.

Наконец, статистика заработной платы ведется у нас различными органами. Из числа многочисленных, иногда расходящихся друг с другом данных (профсоюзов, ВСНХ и пр.) следует пользоваться наиболее об'ективными, содержащимися в материалах к кон'юнктурным отчетам Госплана в СТО, публикуемым ежемесячно в «Экономической Жизни».

Как известно, вплоть до зимы 1925/26 года заработная плата, несмотря на временные задержки, из года в год поднималась. Сравнивая заработную плату в начале каждого операционного года, получаем следующий ряд цифр: с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. средняя месячная заработная плата рабочих увеличилась с 16 р. 81 к. до 21 р. 89 к., т.-е. на 30,2%, а с октября 1924 г. по октябрь 1925 г. она выросла с 21 р. 89 к. до 25 р. 28 к., т.-е. на 15,4%.

В общем и целом, к осени 1925 г. заработная плата по промышленности довольно близко подошла к довоенному уровню; определить совершенно точно, был ли этот довоенный уровень уже тогда достигнут, как это утверждают наши экономисты, затруднительно, так как точный средний уровень довоенной заработной платы не известен и в статистических сравнениях нынешней зарплаты с довоенной он обычно преуменьшается. Во всяком случае, восстановительный период развития заработной платы к этому времени закончился, и вместе с тем резко изменились дальнейшие его тенденции.

С октября 1925 по май 1926 года заработная плата падает, снижаясь за 7 месяцев с 25 руб. 28 к. до 21 р. 63 к., т.-е. на 14,5%. С июня 1926 года вновь начинается ее рост; к сентябрю она достигает, примерно, уровня осени 1925 года и на этом уровне с небольшими колебаниями остается вплоть до мая 1927 г., когда начинается новая волна роста заработной платы. Все эти колебания заработной платы отражает следующая таблица:

Месяцы	1925—26 год			1926—27 год			
	Номинальная	Реальная	В проц. к октяб. 1925 г.	Номинальная	Реальная	В проц. к октяб. 1925 г.	В проц. к соотв. месяцу 1925/26 г.
Октябрь	53,75	25,28	100.0	58,62	25,32	100,1	100,1
Ноябрь	50,29	23,21	91,8	58,13	24,94	98,6	105,4
Декабрь	52,3В	23,65	93,5	56,48	24,98	98,8	105,6
Январь	50,24	22,21	87,8	55,90	23.60	93,3	106,2
Февраль	50,90	22,04	87,2	57,20	24,35	96,3	110,4
Март	53,12	22,39	88,5	59,70	25,91	102,5	115,7
Апрель	56,83	23,15	91,5	59,50	25,72	100,6	109,8
Май	52,13	21,63	85,5	62,60	27,70	109,5	128,0
Июнь	54,50	23,01	91,1	60,70	26,80	106,0	116,4
Июль	58,59	24 62	97,3	64,30	28,03	110,8	113,8
Август	56,63	24.21	95,7	63,20	2-,20	111,9	116,4
Сентябрь	59,11	25,73	101,7	65,10[1])	28,80[1])	113,9	111,9

[1]) Приняты предварительные данные.

Эта таблица дает возможность сделать три следующих главных вывода. Во-первых, в течение более полутора лет, с октября 1925 г. по апрель 1927 года, заработная плата не превышала уровня осени 1925 года, т.-е. оставалась в общем и целом стабилизированной на этом уровне; об этом я и заметил мимоходом в своей статье [1]).

Во-вторых, повышение заработной платы в 1926—27 году против соответствующих месяцев 1925—26 года (последняя графа таблицы) является следствием *падения* заработной платы в отдельные месяцы 1925—26 года против осени 1925 года. В-третьих, общее повышение заработной платы за 1925—26 и за 1926—27 г. составило всего 13,9%.

Перейдем к вопросу о соотношении между заработной платой и производительностью труда. По мнению К. Розенталя, повторяющемуся ежедневно на разные лады в нашей прессе, у нас имеет место «систематическое отставание роста производительности труда от роста реальной зарплаты». В действительности дело обстоит совсем иначе. Секрет фокуса, при помощи которого наши экономисты доказывают отставание производительности труда от зарплаты, весьма прост: вместо того, чтобы показывать, как зарплата и производительность труда поднимаются к своим *довоенным уровням*, они показывают их рост по отношению к уровню, на котором зарплата и производительность находились в начале восстановительного периода. А между тем, если в 1920—21 г. годовая производительность труда опустилась до 66,3 довоенных рублей на рабочего, т.-е. до 30% своего довоенного уровня, то средняя по цензовой промышленности годовая заработная плата упала гораздо ниже—до 56,04 товарных рублей, т.-е. до 18,7% довоенной зарплаты. Таким образом, чтобы *одновременно* подойти к своим довоенным уровням, производительность труда должна была увеличиться всего в три с лишним раза, а заработная плата больше чем в пять раз. Это и об'ясняет несколько более быстрый абсолютный рост зарплаты по сравнению с производительностью труда; их движение из года в год характеризуется следующими данными (материал заимствуем из «Бюллетеня статистико-экономического сектора Госплана» № 15 и из «Контрольных цифр на 1926—27 г.», стр. 88 и 324):

Годы	Годовая выработка		Годовая зарплата	
	В довоенных рублях	В проц. к довоенной	В товарных рублях	В проц. к довоенной
1913	2.162	100,0	300,00	100,0
1920—21	663	30,6	56,04	18,7
1921—22	1.201	55,5	85,08	28,0
1922—23	1.342	62,0	147,72	49,0
1923—24	1.624	75,1	201,60	67,0
1924—25	2.144	99,1	246,60	82,0
1925—26	2.393	110,6	273,90	91,3

[1]) Статья моя была написана в июле, когда я располагал данными лишь по май 1927 г. включительно.

Данные, приведенные в этой таблице, достаточно красноречивы сами по себе. Они показывают, что в 1925—26 г. производительность труда уже превысила на 10% довоенный уровень в то время, как заработная плата составляла всего несколько более девяти десятых довоенной.

К этому нужно прибавить, что нельзя одинаково сравнивать с довоенным уровнем современные величины заработной платы и производительности труда, ибо, по сравнению с довоенным временем, сильно изменился один из определяющих производительность труда факторов — *продолжительность рабочего дня*. Если рабочий день раньше составлял в среднем 10 часов, а теперь—8 часов, то производительность труда, равная довоенной, в настоящее время по существу на 20% выше. Кроме того, довоенная производительность труда имеет место при крайне изношенном оборудовании и худшем, по сравнению с довоенным временем, качестве инструмента, что очевидно, уравновешено большей интенсивностью труда рабочих. Это обстоятельство подчеркнул в своем докладе IV С'езду Советов Союза председатель ВСНХ СССР Куйбышев, указав, что «при восьмичасовом рабочем дне против десятичасового довоенного, при том же количестве рабочих, мы производим, приблизительно, то же количество продукции по довоенной оценке. Таким образом, тут явно имеется повышение производительности». В свете этого замечания, действительное *отставание роста заработной платы от роста производительности труда* приобретает еще более отчетливый характер. Наконец, особенно заметным это отставание было в период с сентября 1925 г. по апрель 1927 г., когда на ряду с ростом зарплаты всего на 0,5%, месячная продукция на 1 рабочего выросла с 159,8 руб. в октябре 1925 года до 176,6 руб. в апреле 1927 г., т.-е. поднялась на 10,5%.

Таким образом, в своем движении к довоенному уровню зарплата *запаздывала* по сравнению с производительностью труда. Если вспомнить, что довоенный уровень заработной платы, о котором мы все еще до сих пор говорили, был следствием беспощадной эксплоатации труда в условиях царского самодержавия (а это мы постепенно начинаем забывать!), нынешнее положение с зарплатой никак не может быть названо удовлетворительным. Играть цифрами и фактами, доказывая обратное, как это делают за последние месяцы Стрельцовы, Рабиновичи, Трановские, Маркусы и прочие ревнители современной рабочей политики, значит прямо издеваться над положением рабочих масс. Трезвая оценка положения зарплаты должна быть, наконец, противопоставлена безудержному разгулу разоблачителей «оппозиционной демагогии», превращающих вопрос о зарплате на наших глазах в «творимую легенду». Никакими криками о «демагогии» изменить действительное положение вещей невозможно; эти крики никого, кромо самих крикунов, не обманут, ибо, как говаривал Ленин: «*классы обмануть нельзя*».

К. Розенталь.

Оппозиция в вопросах современного экономического курса.

(Ответ Б. Колесникову).

Тон нашего ответа произвел, по уверению Б. Колесникова, самое пренеприятное на него впечатление. Это ли тон, которым спорят с «товарищами по партии», отечески журил он нас и публично обещал но итти вслед за подобного рода критиком «по пути уснащения спора цветистыми ругательствами».

Сколь похвально такое намерение и как высоко оно должно цениться, особливо, когда исходит от человека, для которого, по его же собственным словам, отказ от «цветистых ругательств» равносилен превращению в «святого»!

Однако, как известно, «благими желаниями ад вымощен», и собственная природа взяла верх над благими намерениями Б. Колесникова. Стоило только нашему «святому» раскрыть рот, как с губ его начали срываться слова и эпитеты, совсем не приличествующие «святому» и явно свидетельствующие о том, что понятие о «сдержанной» и «лойяльной» полемике у Б. Колесникова существует самое превратное. Он, этот Б. Колесников, против ругани, он не пойдет вслед за своими критиками, он, наконец, будет «святым», но он не может не заметить, что его оппоненты страдают «непроходимой тупостью», «чванливостью», «развязностью и беззастенчивым обращением с фактами», «плоским горизонтом» и т. д. и т. п. Полемический задор превратил нашего «святого» в Марса, который, как известно, вместо слов и доказательств «ограничивался простым рычанием», представляющим для него, Марса, «самую сжатую форму для из'яснения чувств и мыслей».

* * *

В своей первой статье, направленной против Б. Колесникова, мы утверждали, что «Материалы» Госплана были для него только поводом для нового оппозиционного обстрела экономического курса нашей партии. Ах так!—«ехидно» подхватил это наше утверждение Б. Колесников, значит критика госплановских «Материалов» это—критика партийного экономического курса, значит, госплановская пятилетка «целиком соответствует нынешнему экономическому курсу», значит... Но, как читатель может убедиться, здесь добродушие «святого» окончательно покидает Б. Колесникова, и дальше идет сплошной «рык».

Однако, это не что иное, как жалкие и трусливые увертки, к которым оказался вынужден прибегнуть Б. Колесников, когда его прижали к стенке и потребовали от него ясного и прямого ответа.

Разве не озаглавил сам Б. Колесников свою статью «О некоторых спорных вопросах *современного экономического курса*»? Значит

дело не столько в перспективах и пятилетке, сколько в *современных* вопросах экономического курса! Зачем же пытаться скрыть критику и выступление против экономической политики партии разговорами о госплановских «Материалах»? Что это — стратегия или «своеобразная» природа оппозиционного экономиста?

Разве не открывает сам Б. Колесников главу «Философия восстановительного процесса» словами: «*Наши разногласия начинаются с оценки итогов хозяйственного развития* за годы нэпа...»? «Наши разногласия»! Чьи это «наши»? *Это разногласия между партией и оппозицией.*

Партия утверждает, что удельный вес индустрии в нашей стране повышается, что «итоги хозяйственного развития с полной отчетливостью обнаруживают, что *за период новой экономической политики произошла радикальная перегруппировка* в отношениях между обобществленными формами хозяйства (*в первую очередь социалистической индустрией*), простым товарным хозяйством и хозяйством капиталистическим», что «*социалистическая промышленность* и другие командные высоты играют уже *решающую и ведущую роль* во всем народном хозяйстве»[1]).

А *оппозиция* устами Б. Колесникова утверждает, что «прошлое нашего хозяйственного развития *не дает устойчивых* данных» для ответа на вопрос — «как решает партия проблему индустриализации нашей страны». Не дает «устойчивых данных»! То ли идет «аграризация» страны, то ли «индустриализация» — оппозиция и Б. Колесников никак разобрать не могут!

Впрочем, в этой «оценке» итогов нашего хозяйственного строительства ничего нового и оригинального нет, ибо существует, как известно, «Социалистический Вестник». Мы, конечно, не решаемся утверждать, что Б. Колесников совершил простой плагиат, списав свою оценку «итогов» у Далина, боясь навлечь совершенно справедливый гнев. Но вынуждены констатировать совершенно исключительное идейное их родство и близость. Д. Далин в таком же «недоумении» и так же разводит руками при подведении итогов нашего хозяйственного строительства, как это делает и оппозиция и в том числе Колесников, когда пишет: «хозяйственное развитие России можно было бы с тем же успехом называть не «индустриализацией», а «аграризацией»[2]).

Разве после этого не очевидно, что разногласия в оценке «итогов хозяйственного развития за годы нэпа» (т.-е. «наши» разногласия), *это — разногласия между нашей партией, с одной стороны, и оппозицией и меньшевиками, — с другой.*

Итак, как мы видели, Колесников признается, что он расходится с партией в оценке *итогов* нашего хозяйственного строительства и в «некоторых» вопросах современного экономического курса. Для чего же тогда эта трусливая стратегия — прятаться за будто бы «анализ госплановских «Материалов»?.. И каким надо обладать бесстыдством для того, чтобы фарисейски упрекать нас в том, что будто бы мы отождествляем критику госплановской пятилетки с критикой партийного экономического курса!

Надо заметить, что под влиянием критики, оппозиционно-меньшевистская «философия восстановительного периода» претерпела некоторые, так сказать «реконструктивные» изменения. И под

[1]) См. тезисы ЦК к XV партс'езду по докладам тт. Рыкова и Кржижановского.

[2]) «Соц. Вестник» от 22/IX—27 г.

барабанный бой и оппозиционный «рык» была произведена кое-какая перегруппировка аргументов.

Правда, это не мешает Колесникову попрежнему обвинять несогласных с ним в «непонимании» характера восстановительного периода, неумении «осязать» его особенностей и т. д. и т. п., но все это звучит теперь довольно уныло и неуверенно. Колесников попрежнему утверждает, что суть восстановительного периода — это достижение довоенного уровня и «полное и всестороннее использование наличной технико-производственной базы». Но после того, как было показано и *доказано*, что даже самое полное и самое всестороннее использование *наличной* технико-производственной базы было *недостаточно* для достижения довоенного уровня производства, что, в частности, промышленность должна была вложить для достижения этого пресловутого довоенного уровня в основные фонды не менее 1.300 млн. дов. рублей, этот аргумент Колесникова, этот довод потерял всякую тень серьезности и убедительности. Слабость и безнадежность защиты своей теории в этом вопросе чувствует, очевидно, и сам Колесников, *отказавшись от всяких возражений по существу* на аргументы, выдвинутые нами.

Но он очень ловкий и предусмотрительный, этот Б. Колесников. И когда его первый «аргумент» оказывается разоблаченным, то Колесников неторопливо вытаскивает из кармана другой. Не годится тот — попробуйте этот! Разве кто-нибудь сомневался в оппозиционной принципиальности?

Теперь суть восстановительного периода Колесников обнаружил в восстановлении «*довоенных* пропорций общественного разделения труда».

И вот этого-то оказывается и «не чувствуют», не «осязают», по мнению Колесникова, его критики. Но именно здесь-то Колесников и производит коренную перегруппировку аргументов. Охарактеризовав суть восстановительного периода, как восстановление довоенных пропорций, он оказался вынужденным, под влиянием критики, признать, что в некоторой части наше хозяйство реконструировалось «находу уже в восстановительном периоде», т.-е. произошел «ряд исторических изменений довоенных пропорций народнохозяйственного развития России».

В каком же направлении происходило это изменение пропорций общественного разделения труда? «В желательном с точки зрения наших общих социально-экономических задач» или нет? Перечисления, которые делает сам Колесников — «техническая революция в производстве», «достижения в области тракторостроения, электрификации и пр.» (при чем под этим «и проч.» скрывается машиностроение и станкостроение, производство искусственного волокна и т. д. и т. п.), не оставляют никаких сомнений. Изменение довоенных пропорций, т.-е. реконструкция, вынужденно признанное Колесниковым, происходило и в восстановительный период нашего хозяйственного строительства, при чем в направлении, имя которому — *индустриализация страны*. Ибо электрификация страны, развитие машиностроения и пр. и т. п. — не что иное, как конкретизация, расшифровка того, что имеет общий заголовок — *индустриализация*.

Что же осталось от оппозиционной «философии восстановительного периода»?

С одной стороны:

«Барон фон-Гринвальдус
Сей доблестный рыцарь
Все в той же позицьи
На камне сидит».

Или: «для ответа на вопрос—как решает партия проблему индустриализации нашей страны—прошлое нашего хозяйственного развития не дает устойчивых данных».

А с другой:

Реконструирование нашего хозяйства «находу уже в восстановительном периоде» и ряд «изменений довоенных пропорций» общественного разделения труда, развитие машиностроения, электрификации и проч., т.-е. повышение удельного веса, роли и значения социалистической промышленности в народном хозяйстве. Или: уже восстановительный период показал и дал картину того, в каком направлении и как будет происходить в дальнейшем индустриализация народного хозяйства.

Но, признав наличие реконструктивных элементов в прошлом, как можно не понимать, что эта реконструкция—результат сознательного регулирования, воздействия и частичного преодоления действия рыночной стихии со стороны пролетарского государства? Итоги нашего хозяйственного строительства представляются Колесникову не как результанта стихии и государственного регулирования, а как результат одних только об'ективно-стихийных тенденций восстановительного периода. Отсюда неизбежно рыночная стихия превратилась в *демиурга* нашей хозяйственной жизни! Отсюда рыночная стихия—«сигнализатор» и «регулятор», способствующий *гармоническому* и *бескризисному* развитию нашего хозяйства! Отсюда стихия, как указатель «*кратчайшего направления*» в развитии народного хозяйства! Отсюда, наконец, стихия в роли активного строителя социализма!

И этакая, с позволения сказать, галиматья преподносится с невозмутимым видом и самым серьезным лицом!

* * *

Центральной проблемой в критической «платформе» Колесникова была проблема источников индустриализации. Не потрудившись даже проанализировать, *как* конкретно разрешается эта проблема в «Материалах», не произведя никаких подсчетов (хотя ответ на этот вопрос и можно было получить на конкретном анализе богатейшего материала перспективной пятилетки), Колесников воспользовался, как мы писали, неудачной формулировкой «Материалов», неудачной, ибо она противоречит реальному их содержанию, и бухнул в колокола о «противопролетарском» политическом их содержании.

Между тем, *конкретного исследования, конкретного анализа* этой проблемы требовала элементарная добропорядочность исследователя. Но как раз этими-то качествами Колесников, к сожалению, и не обладал. Потому-то кропотливой исследовательской работе над выяснением им же самим поставленной проблемы он предпочел легкое «изящное» скольжение по поверхности явлений.

Как можно было хоть сколько-нибудь серьезно отнестись к человеку, претендующему на экономический анализ проблемы «За чей счет?» и «забывшему», что крестьянство участвует в общегосударственных расходах и расходах на индустриализацию *не только и не столько сельхозналогом, но и косвенными налогами и переплатой на индексе*! Иначе говоря, оппозиционный экономист «запамятовал» по меньшей мере (для 1925—26 г.) $^7/_8$ платежей крестьянства!

Это ли не пример «чванливой» учености и «серьезного, делового» отношения к исследуемой проблеме! Это ли не пример «развязного и беззастенчивого» обращения с фактами!

И не окончательно ли взбесившимся, потерявшим всякое чувство меры и приличия, надо быть публицистом для того, чтобы напоминание о существовании косвенных налогов и переплат крестьянства на индексе взять в иронические кавычки «доказательства» участия крестьянства в расходах по индустриализации и общегосударственных расходах!

Должен, впрочем, оговориться. Переплата крестьянства на индексе, исчислявшаяся для 1925—26 г. в 1 мрд. рублей, а для проектируемого в «Материалах» пятилетия определяющаяся примерно (с учетом и оптово-розничных ножниц) в 3 мрд. рублей, не удостоилась попасть даже в число «доказательств» (в кавычках) участия крестьянства в расходах по индустриализации.

Пусть знает каждый,—оппозиционер Колесников «по мелочам» не считает! Оппозиционный экономист выше этих житейских «мелочей»!

Но все-таки, приличествует ли экономисту, исследующему проблему распределения и перераспределения производительных сил в народном хозяйстве, совершенно игнорировать перераспределение производительных сил, происходящее на основе и через посредство механизма цен? И разве не известно Колесникову, что оппозиция, настаивая на повышении промышленных цен (и именно в связи с вопросом «за чей счет?»), рассматривает *цены, как рычаг перераспределения производительных сил?* Мы охотно верим, что Колесников этого не понимает, ибо эта проблема отсутствует у него и в первой и во второй статье, но от этого проблема все же не перестает быть проблемой, и известная перекачка крестьянских накоплений в промышленное русло будет итти, несмотря на зловещее молчание оппозиционного экономиста.

Как же конкретно выглядит проблема «за чей счет?» в свете «Материалов» госплановской пятилетки?

Мы уже писали, что общая сумма налоговых платежей, уплачиваемых крестьянством на проектируемое «Материалами» пятилетие, приблизительно и ориентировочно должна выразиться в размере 6—7 мрд. рублей. Много это или мало? Такая постановка вопроса была бы, конечно, бессмысленна. Ответ на вопрос мы могли бы получить или сопоставив, что мы «даем» деревне и что от нее «берем», или сопоставив удельный вес налогового обложения деревни в бюджете с удельным весом сельского хозяйства в продукции народного хозяйства.

Доходная часть бюджета определяется в «Материалах» Госплана за пятилетие в 29.393 млн. рублей. Налоговые платежи крестьянства, примерно в 6.296 млн. руб. (по одному варианту) и в 7.162 млн. руб. (по другому варианту). Таким образом, удельный вес крестьянства в доходной части государственного бюджета выражается за пятилетие в 21,4—24,2%.

Какую же роль играет сельское хозяйство в продукции народного хозяйства?

Товарная продукция.

(В млн. черв. рублей по ценам соотв. лет).

Отрасли народного х-ва.	1926/27 г.		1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1930/31 г.	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Промышленность . .	11.791	81,6	13.030	81,6	13.882	81,1	14.574	80,5	15.151	79,8
Сельское хоз-во . .	2.658	18,4	2.951	18,4	3.245	18,9	3.537	19,5	3.832	20,2
Всего . . .	14.449	100	15.981	100	17.127	100	18.111	100	18.983	100

Удельный вес сельского хозяйства в совокупной товарной продукции промышленности и сельского хозяйства колеблется в пределах от 18,4% в 1926—27 г. и до 20,2% в 1930—31 году. Таким образом, *удельный вес с. х. в товарной продукции меньше, чем в доходной части бюджета*. В общегосударственных расходах крестьянство участвуют в *большей* степени, чем в товарной продукции страны.

Еще более показательны будут данные о степени участия крестьянства в государственном бюджете, если мы возьмем бюджет без эксплоатационных доходов транспорта и связи. А именно с участием крестьянства в *таком* бюджете мы должны сопоставлять его участие в товарной продукции *только* промышленности и сельского хозяйства. Совершенно понятно, что участие транспорта, связи и т. п. в товарной продукции должно было бы *увеличить* общую сумму товарной продукции и соответственно снизить долю сельского хозяйства. Так вот, если взять доходную часть бюджета, очищенную только от транспорта и связи (оставляя доходы от товарооборота, банков и т. п.), то удельный вес налоговых поступлений от крестьянства возрастет до 33,8—38,4%, т.-е. будет в $1^1/_2$—2 раза превышать удельный вес с. х. в совокупной товарной продукции промышленности и сельского хозяйства. В такой постановке ответ на вопрос—«много или мало берется с деревни»—представляется в существенно отличном виде от того, как это пытается представить оппозиционный экономист.

Как же будет выглядеть проблема «за чей счет?», если к ней подойти с точки зрения того, сколько мы «берем» у деревни и сколько ей «даем». В № 8 «Планового Хоз.» С. Г. Струмилин приводит «ориентировочный расчетный баланс деревни за 1926/27—1930/31 гг.». В каком-либо «пристрастии» в нашу пользу этот расчет С. Г. Струмилина никак нельзя обвинить, ибо основная задача этого баланса «доказать» перекачку средств из «государственного сектора» в сельское хозяйство. И тем не менее именно на этих расчетах лучше всего видна вся безнадежность попыток подобного рода «доказательств». В этом нетрудно убедиться на анализе струмилинского баланса.

Ориентировочный баланс деревни С. Г. Струмилина за 1926/27—1930/31 гг.

(В милл. черв. рублей).

Что мы даем деревне.

1. Финанс. сел. хоз.	1.200
2. Дорожное стр-во	589
3. Элеваторы, холодильники	191
4. Сельск. школы, больницы и пр.	2.000
5. Содерж. учрежд. Наркомзема	543
6. » шос. и грунт. дорог	245
7. » сельск. и волостн. самоупр	800
8. Сниж. пром. цен	2.135
Итого	7.303

Что мы берем у деревни.

Единый с.-х. налог	1.656
Проч. денежн. налог	4.040
Дорожная повинность	105
Итого	5.801
Чистый остаток в пользу деревни	1.902
Всего	7.703

Самый беглый взгляд на этот баланс обнаруживает весьма непонятное присутствие одной статьи и не менее непонятное отсутствие—другой. Присутствие в графе «Что мы даем деревне» рубрики—«снижение промышленных цен» в такой же степени неправомерно, как и отсутствие в графе «Что мы берем» рубрики «переплата крестьянства на индексе», которое остается по данным «Материалов» на протяжении всего пятилетия. Разве не бесспорно для любого экономиста, что *«ножницы» между промышленными и с.-х. ценами были тем инструментом, при посредстве которого происходило перераспределение средств из сельского хозяйства в город?* Эта разница индексов в 1925—26 году означала переплату крестьянства городу на промышленных товарах в размере свыше миллиарда рублей[1]). Один миллиард рублей—это было то, что давала деревня городу помимо участия в различного рода налоговых обложениях.

Если бы, следовательно, на протяжении всего проектируемого пятилетия эта разница в индексе сохранялась неизменной, т.-е. оставалась на уровне 1925—26 года, *крестьянство дало бы городу дополнительно, сверх налоговых платежей, больше 5 мр. д. руб.* И в графе «Что мы берем у крестьянства» нужно было бы добавить 5 мр. д. рублей—«переплата на ножницах». Но так как «Материалы» Госплана проектируют сжатие «ножниц» путем снижения промышленных цен на 9,8%, или на 2.135 милл. руб., то на эту же величину понижается и общая сумма переплат крестьянства на индексе. *Вместо 5 мрд. руб. крестьянство в запроектированное пятилетие переплатит городу на ножницах всего лишь 2.865 млн. руб.* И для определения того, что же, по «Материалам», мы берем у крестьянства, к общей сумме «налогов и повинностей» должна быть прибавлена эта сумма. Прибавлять же к тому, что мы «даем» деревне, «снижение промышленных цен» с точки зрения выяснения действительного баланса, по меньшей мере неправильно. *Деревня выигрывает или «получает» эти 2.135 млн. лишь постольку, поскольку она переплатит городу не 5 мрд. руб., а только лишь 2.865 млн. руб.* И именно этот итог должен быть внесен в расчетный баланс между городом и деревней, но в разделе, что мы «берем» у деревни. Тогда графа «Что мы

[1]) Тов. Яковлев определяет общую сумму переплат в 1.041 милл. руб

даем деревне» сократилась бы до 5.568 млн. руб. (7.703 млн. р. минус 2.135 млн. р.), а графа «Что мы берем у деревни» увеличилась бы до 8.668 млн. руб. (5.801 млн. руб. плюс 2.865 млн. руб.) и тогда «чистый остаток» был бы не в пользу деревни, а в пользу города и выражался бы он общей суммой в 3,1 мрд. руб. Эти 3,1 мрд. руб. и являются показателем степени и размеров участия крестьянства в расходах по индустриализации страны и строительству социализма. 3,1 мрд. руб.—это чистое вложение со стороны деревни в дело социалистического строительства.

«Много ли это, или мало»,—это «дело вкуса», политической ориентации и политического темперамента. Но нелепая и лживая басня о том, что индустриализация страны идет исключительно «за счет пролетариата», полностью разоблачается анализом того цифрового материала, который дают в руки исследователя госплановские «Материалы». И не наша, конечно, вина, если оппозиционный экономист не пошел дальше первых трех десятков страниц этих «Материалов».

В заключение несколько мелких замечаний. Если верить Колесникову, промысловый налог, гербовый сбор и пошлины идут исключительно за счет «государственного хозяйства». Это, опять-таки, очередное оппозиционное «заблуждение». На долю земледельческого населения падает больше 35% всего взимаемого промыслового налога и около 36% расходов на гербовый сбор и пошлины. Конечно, К. не обязан всего этого знать, но, во-первых, никогда не следует говорить о том, чего не знаешь, а, во-вторых, это еще и еще раз говорит о степени серьезности и деловитости аргументов и доводов оппозиционного экономиста.

И еще. Оппозиция «ужасно» любит напоминать (как будто партия их забывает) кулака и нэпмана. Однако, когда дело касается конкретного подсчета, «за чей же счет» идет индустриализация, К. опять заболевает «забывчивостью» и буржуазия исчезает из поля его зрения. Между тем, несмотря на свой незначительный удельный вес в хозяйстве страны, буржуазия—в силу давления пролетарской диктатуры—несет значительные расходы по индустриализации страны. И «забывать» эту статью источников средств для индустриализации по меньшей мере непростительно.

Весьма важно,—и это имеет не только политическое, но и педагогическое, так сказать, значение,—суметь поднять любой спор на должную принципиальную и теоретическую высоту. Весьма важно, но... недостаточно. Надо уметь не только подняться, но и удержаться на этих принципиальных и теоретических высотах, то-есть, нужно уметь сделать как раз то, чего не удалось сделать Колесникову.

К. решил отыскать «мерило» наших хозяйственных успехов. И такое «мерило» нашел в степени «использования наличных запасов человеческого труда»! Критерий и формулировка вообще говоря довольно странные, тем более, что К. обошел такие «мерила» (найдя, очевидно, их недостаточно показательными), как темп нашего хозяйственного развития, темп индустриализации страны, рост и повышение удельного веса социалистического сектора и т. д., и т. п. Этот свой выбор К. подкрепляет такими доводами: во-первых, тем, что «основной производительной силой

является именно человеческий труд» и, во-вторых, что именно здесь, по мнению К., можно судить, преодолевается ли нами «всеобщий закон капиталистического накопления», т.-е. судить о «социалистическом качестве» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития.

Общий ход мыслей и доказательств К. весьма прост и незамысловат. Берется длинная цитата из Маркса, из которой явствует, что в *капиталистическом* обществе росту общественного богатства или функционирующего капитала соответствует рост промышленной резервной армии—безработицы, и что этот процесс приобретает в *капиталистическом* обществе характер «всеобщего закона *капиталистического* накопления». (Это—этап № 1—дискуссия поднимается на принципиальную высоту—К. выказывает «незаурядные» познания в пределах первого тома «Капитала»). Затем «доказывается» (хотя кто-то отрицает?), что у нас безработица растет. За сим следует авторитетное раз'яснение, что это «точь в точь как и в капиталистическом обществе, только немножко похуже» (или лучше?). И, наконец, торжествующее заключение: а посему (см. выше Маркса) у нас «всеобщий закон капиталистического накопления» не преодолен, наше хозяйственное развитие «проверено» на «социалистическое качество», и таковое обнаружено не было. Порукой тому—сам К. (Этап № 2—с теоретических высот К. стремительно низвергается в меньшевистское болото!).

Хорошо, конечно, и похвально, что Колесников «знакомит» читателя с Марксом, но нельзя не признаться, что сам он не обнаруживает сколько-нибудь заметного знакомства с Марксом, во всяком случае—понимания его. Колесников не изменяет своей природе и весело кувыркается на поверхности теоретических волн!

В чем же, однако, основной порок всех рассуждений и теоретических построений К.? Да в том, что Маркс говорит о *капиталистическом* обществе, а К. о *советской системе хозяйства*, о таком обществе, *где диктатура находится в руках пролетариата, а не буржуазии*, где вся крупная промышленность, транспорт, банки, подавляющая часть торгового аппарата и то находится *в руках пролетариата, а не буржуазии*, т.-е. *о системе принципиально отличной от капиталистической системы хозяйства*. Но разве поймаешь на эту «удочку» неукротимого К.! По его мнению,—это только «отделаться» от проблемы. Ведь именно это-то принципиальное отличие нашего общества от капиталистического,—«социалистическое его качество» и требуется доказать. И К. не то, что злорадствует, но этак ехидничает: попробуйте, дескать, доказать, когда и там безработица и здесь безработица, и там она растет, и здесь она растет, а «по Марксу» безработица—«всеобщий закон капиталистического накопления», и выходит, следовательно, что «накопляете» вы по-капиталистически и никакого принципиального отличия советская система хозяйства от капиталистического не имеет и «социалистическое качество»—одни пустые разговоры. Качество, мол, социалистическое, а дух-то капиталистический!

Нечего и говорить, что к Марксу эти рассуждения не имеют и косвенного отношения. Динамика безработицы—«критерий», «мерило», «показатель» «социалистического качества» нашего хозяйственного развития! Ежели, следовательно, безработица за пяти-

летие уменьшилась, скажем, на тысячу человек, значит, по К., «социалистическое качество» нашего хозяйственного развития доказано; а ежели безработица на тысячу человек увеличилась, то наше хозяйство оказывается подчиненным «всеобщему закону капиталистического развития» и от «социалистического качества» нашего хозяйственного развития остались только рожки да ножки! Это ли не достойное завершение оппозиционной экономической теории! Ну, а если безработица уменьшается (т.-е., по Колесникову, налицо «социалистическое качество» развития), а удельный вес социалистического сектора падает—какого качества будет такое развитие? Социалистического или капиталистического? И как будет выглядеть в этом случае «закон всеобщего капиталистического накопления»? Мы представляем все «неудобство» для К. такого вопроса, но «назвался груздем—полезай в кузов»!

На теоретическом «косогоре» и не такие «теоретики» сапоги стаптывали!

Увлеченный исканием «сходных» черт между нашей системой хозяйства и капиталистической, готовый призвать их тождество уже по одному тому, что и «там» безработица, и «здесь» она имеется, К. не сумел даже здесь обнаружить качественного отличия законов и динамики развития.

Как действует и как проявляется закон, регулирующий движение промышленной резервной армии в капиталистическом обществе? «Внезапное и конвульсивное расширение масштаба производства является предпосылкой его внезапного сокращения; последнее в свою очередь вызывает первое, но первое невозможно без доступного эксплоатации человеческого материала, без увеличения численности рабочих, независимо от абсолютного возрастания населения. Это увеличение создается простым процессом, который постоянно «освобождает» часть рабочих посредством методов, которые уменьшают число занятых рабочих по отношению к возрастающему производству. Следовательно, *вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего населения в незанятые или полузанятые руки*» (Маркс. «Капитал», т. I, гл. 23. Курсив наш. *К. Р.*).

Есть ли что-либо похожее на этот механизм образования промышленной резервной армии у нас? Происходит ли у нас что-либо похожее на такое спазматическое и конвульсивное расширение промышленного производства? Является ли характерным для движения нашей советской формы промышленности «постоянное» превращение части рабочего населения в незанятые или полузанятые рабочие руки? Достаточно поставить все эти вопросы, чтобы убедиться в поразительном невежестве оппозиционного экономиста.

В капиталистическом обществе происходит *спазматическое* и *конвульсивное* расширение производства (экономический под'ем, кризис, депрессия), а у нас постепенное, *плановое, бескризисное* развитие производства. В капиталистическом обществе этот процесс сопровождается «*постоянным превращением*» «*части рабочего населения в незанятые или полузанятые рабочие руки*», а у нас—*постоянным вовлечением незанятых свободных рабочих рук в промышленное производство*. Как говорится: «почти то же самое—только наоборот»!

В капиталистическом обществе—«*широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии*» (Маркс), т.-е. иначе говоря, зарплата понижается с увеличением резервной армии (безработица) и растет с ее сокращением, а у нас... ничего похожего!

И законы, регулирующие заработную плату, и законы, регулирующие, равно, как и причины, вызывающие безработицу, у нас качественно отличны от капиталистических. И если рост заработной платы регулируется у нас ростом производительности, то корни и причины безработицы у нас не в «конвульсивном» сжатии и расширении промышленного производства, а в аграрной перенаселенности, в избытке рабочей силы в деревне и резком различии уровня благосостояния города и деревни. Отсюда и тот поток незанятой, свободной рабочей силы из деревни в город, образующий подавляющую часть армии безработных, отсюда и то возрастание безработицы, которое мы имели за последние годы и которое не в силах были преодолеть госплановские «Материалы». При этом надо заметить и подчеркнуть, что процент безработных квалифицированных рабочих, фигурирующий в наших статистических материалах по безработице, отнюдь не выражает действительного положения вещей, выражая больше чрезмерную текучесть квалифицированной рабочей силы, чем ее безработное состояние.

Мы уже говорили, что нет ничего более нелепого и бессмысленного, как думать, что существующая безработица может быть ликвидирована только за счет развития промышленности. Это требовало бы на протяжении пятилетия увеличения капитальных вложений в промышленность, по меньшей мере, в три раза против суммы, запроектированной в «Материалах». Ликвидация безработицы должна итти, повторяем, не только по линии промышленного развития—индустриализации. В первую очередь надо приостановить поток рабочей силы, идущей из деревень. Интенсификация сельского хозяйства, расширение посевных площадей трудоемких культур и т. д., и т. п. должны в значительной степени разрешить эту проблему большего «удержания» крестьянства на земле. Наконец, свою положительную роль в деле разрешения проблемы безработицы должна будет сыграть и кустарно-ремесленная и мелкая промышленность. Обо всем этом, впрочем, уже достаточно и говорилось и писалось—теперь это известно любому пионеру. И не это нас в данном контексте интересовало. Здесь нас больше интересовало то теоретическое скудоумие, которое обнаружил наш оппозиционный экономист в своем анализе «критерия», «показателя» и «мерила» наших «социалистического качества», наших хозяйственных планов и хозяйственного развития.

Колесников обнаруживает весьма «скромное» мы бы сказали «шапочное знакомство» с марксовой теорией, когда пытается определить «качество» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития по динамике безработицы. Ибо «качество» системы по Марксу определяется тем, в чьих руках находятся средства и орудия производства или теми отношениями, которые возникают между людьми в процессе производства. А «качество» ее хозяйственного развития определяется тем, какой способ производства оказывается доминирующим, преобладающим и ведущим в процессе всего народнохозяйственного развития, какой способ произ-

водства становится все более господствующим в системе хозяйства. «Социалистическое качество» хозяйственного развития нашей системы хозяйства и «социалистическое качество» наших хозяйственных планов именно в этом и находит свое выражение. Из года в год неуклонно вытесняется в нашей системе хозяйства капиталистический сектор, из года в год понижается его удельный вес, его роль и значение. В то же время социалистический сектор из года в год растет, растет и абсолютно и относительно, повышая свой удельный вес, роль и значение во всей системе хозяйства. Именно в этом процессе вытеснения социалистическим сектором сектора капиталистического—слышал «музыку будущего» «любезный друг» оппозиционного несмышленыша—Троцкий.

В заключение любопытно отметить, что «потерянное» в «Материалах» «социалистическое качество» наших хозяйственных планов и хозяйственного развития «нашлось» в уточненной и прокорректированной госплановской пятилетке. По этому последнему варианту и аграрное перенаселение и безработица должны будут уменьшиться и относительно и абсолютно. И, таким образом, «всеобщий закон капиталистического накопления» благополучно «преодолен»! «Социалистическое качество» нашего хозяйственного развития и хозяйственных планов, принципиальное отличие нашей хозяйственной системы от системы капиталистической, сосредоточение в руках пролетариата политической власти и командных экономических высот «доказывается» и «подтверждается» теперь... «теорией» Колесникова—уменьшением безработицы. Но ведь этого могло и не быть! Безработица могла бы не уменьшиться! И тогда К.—этот друг «любезного друга» мог поставить под сомнение и то, что наша система хозяйства принципиально отличается от капиталистической системы хозяйства, и усумниться в том, что у нас диктатура пролетариата, а не буржуазии! А ведь он такой, этот Б. Колесников, он все может!

Все писания оппозиции по экономическим вопросам отличаются каким-то поражающим бесстыдством в оперировании фактами и цифрами. Уличенная во лжи, извращении фактов и подтасовке цифр, оппозиция даже не пытается «защищаться», а с энергией, воистину достойной лучшего применения, торопливо возводит новое здание «доводов» и «доказательств», построенных все на том же неизменном основании—клевете, лжи и подтасовке фактов.

Эта «сказка про белого бычка» находит свое прямо «художественное» завершение в писаниях Колесникова по вопросам труда. В своей первой статье, рабски следуя всем оппозиционным документам и меньшевистским писаниям, Колесников рассуждал о «полной стабилизации уровня заработной платы, фактически установившегося у нас с осени 1925 года». В ответ на это, мы привели целый ряд данных, свидетельствующих о лживости этого оппозиционного утверждения и показали, ссылаясь и на статистику ВСНХ и на статистику ЦБСТ и, наконец, на статистику ВЦСПС, что рост заработной платы происходил из года в год и что уже в 1926—27 году заработная плата превысила довоенный уровень заработной платы.

Как же на все это реагирует Колесников?

Его ответ напоминает старый анекдот с горшком. «Во-первых, я твоего горшка не брала, во-вторых, он был битый, а, в-третьих, я его тебе отдала».

Во-первых, возражает Колесников, следуя этой изумительной логике «вопросу о современном состоянии заработной платы было посвящено ровным счетом *полторы строки*». («Я горшка не брала»). Этот довод—окончательно нас сразил. Но в том-то и заключается ваша, оппозиционных экономистов, особенность, что вы и на полутора строках умудряетесь так наблудить и налгать, что требуется много терпения для разоблачения того, *как* вы наблудили и *сколько* вы налгали.

Во-вторых,—продолжает Колесников,—«с осени 1925 года у нас установилась полная стабилизация уровня заработной платы». («Горшок был битый»!).

А в-третьих,—заключает все тот же Колесников,—«общее повышение заработной платы за 1925—26 г. и за 1926—27 год составило всего 13,9%». («Горшок возвращен по принадлежности»).

Мы приносим извинения за нашу настойчивость! Но все-таки—что же было? «Полная стабилизация заработной платы» или повышение заработной платы на 13,9%? [1]).

И если заработная плата с осени 1925 года росла, а не была стабильной, как это вынужден теперь признать и сам Колесников, то не значит ли это, что в своей первой статье он сознательно обманывал и сознательно лгал, утверждая обратное? Ведь можно быть и оппозиционером и меньшевиком, но все же понимать, что не может же заработная плата быть одновременно и *стабильной и расти*!

«*Легенда* о заработной плате и производительности труда»! Да какая тут «легенда»? Да в чем здесь «легенда»? Да ведь тут и «таинственности»-то никакой нет! Наклеветал, наблудил, налгал, запутался в своей собственной лжи Колесников—это верно. И теперь разоблаченный и уличенный во лжи хочет свою неприглядную «наготу» прикрыть «таинственностью» и окутать «легендой»! Не выйдет из этого ничего!

«За 1925—26 г. и за 1926—27 г.,—вынуждея признаться Колесников,—происходило общее повышение заработной платы», но «*всего*» лишь на 13,9%. «Всего» на 13,9%! Мудрено ли, что Колесников не заметил этакой мелочи! Но Колесников так любит искать прецедентов «в прошлом». Обратимся к этому «прошлому» и мы. В царской России, по данным Госплана, за тринадцать лет с 1900 г. по 1913 г. реальная заработная плата возросла на 3%! *Три* процента за *тринадцать* лет—и *четырнадцать* процентов за *два* года! Каково же «качество» колесниковской демагогии на фоне этих «*количественных*» соотношений в темпе роста зарплаты в царской России и в СССР?

Таково же в основном и «качество» колесниковских данных о соотношении динамики производительности труда и заработной платы. Но если там была просто ложь, которую Колесников пытался, правда, весьма неискусно замазать простым признанием факта роста, а не стабильности заработной платы, то здесь маневр уже более «хитроумный» и целиком рассчитанный на «уловление» незнакомых с техникой выведения тех данных, которыми жонглирует Колесников.

С внешней стороны доводы Колесникова имеют видимость убедительности. И ни одну из приводимых им цифр мы и не

---

[1]) Мы уже не говорим, что и здесь Колесников лжет, ибо за *два* эти года—25/26 и 26/27—реальная зарплата возросла не на 13,9%, а на 27,6%.

думаем оспаривать. Они верны. *Но... верны порознь, а не вместе.* Ибо охватывают они *различный круг* взятых в статистическое оформление предприятий промышленности. Между тем, как известно, производительность труда, весьма колеблется не только между отдельными отраслями промышленности, но и между отдельными предприятиями одной и той же отрасли промышленности. Чтобы судить, насколько велики могут быть эти колебания, достаточно сопоставить производительность труда рабочего в нефтяной промышленности, где годовая продукция одного рабочего составляет свыше 10.277 дов. рублей, с производительностью в каменноугольной промышленности, где годовая выработка рабочего составляет всего лишь 864 дов. рубля, т.-е. в 12 раз меньше выработки рабочего нефтяной промышленности. Таким образом, динамика производительности труда будет показательна только в том единственном случае, когда *круг* входящих в статистический подсчет отраслей промышленности и предприятий и *метод* подсчета будут единообразны. Вот этот-то принцип Колесниковым и не соблюден, ибо он черпал свой цифровой материал из *двух* различных источников. Является ли это плодом простого недоразумения или сознательной передержки, мы судить не беремся. Но во всяком случае Колесников пользуется *несравнимыми* данными, хотя такие данные имеются.

Беря в отношении производительности труда и зарплаты статистический ряд ЦОС ВСНХ (не отличающийся, впрочем, сколько-нибудь отличной *динамикой* от данных Госплана), мы получаем следующие ряды:

	Средняя годовая выработка на 1 рабоч. цензов. пром-сти в дов. р.		Реальная заработная плата (в рубл.)	
	Абс.	В %	Абс.	В %
1913	2.136	100	30,49	100
1917	1.347	63,1	22,29	73,1
1918	809	37,9	11,28	36,9
1919	542	25,4	8,51	27,9
1920	467	21,8	8,29	27,2
1921—22	855	40,0	12,50	40,9
1922—23	1.081	50,6	15,88	52,0
1923—24	1.250	58,5	20,75	68,0
1924—25	1.700	79,6	25,18	82,5
1925—26	1.961	91,6	28,57	93,7
1926—27	2.226	104,2	32,05	105,1

Таким образом, мы имеем налицо некоторое превышение, по сравнению с довоенным, роста заработной платы над ростом производительности труда. Эти же данные подтверждаются в основном и тов. Кржижановским [1]), который, на основании данных Госплана, определяет производительность труда промышленного пролетариата в 109% от довоенного, а заработную плату в 115%. Мы уже не говорим, что в приводимые нами данные ЦОС по заработной плате не включаются начисления на заработную плату, значительно повышающие ее реально. Между тем с учетом начислений, заработная плата в IV кв. 1926—27 г. превышала довоенную заработную плату на 34,2%!..

Творимая оппозицией легенда в вопросах производительности труда и зарплаты войдет в историю нашей партии, как пример «легендарной» клеветы, лжи, недобросовестного обращения с фактами и отвратительной, разнузданной демагогии.

[1]) Г. М. Кржижановский.—«Десять лет хозяйственного строительства СССР», Изд-во «Плановое Хозяйство».

Трудно поверить, чтобы люди, которые знают нашу партию и знают не со вчерашнего дня, могли думать—и даже не думать, а тешить себя иллюзией,—что партия пойдет за лжецами и клеветнических дел мастерами.

* * *

Мы уже говорили, насколько трудно полемизировать с людьми, основным принципом которых является полная беспринципность. Но еще труднее спорить с человеком, который на доводы и аргументы противника способен только твердить: «уж мы брили, тетенька, брили! уж мы стригли, тетенька, стригли!» А именно такого рода «ответ» дает Колесников по вопросу о темпе нашего хозяйственного развития.

Можно или нельзя сравнивать темп нашего промышленного развития в тот «реконструктивный» период, в который мы вступили, с темпом развития капиталистической промышленности в *годы под'ема*? Мы, возражая Колесникову, утверждали, что нельзя и нельзя по двум причинам. Во-первых, потому, что капиталистический цикл промышленного развития составляет органическое единство периодов кризиса, депрессии и под'ема, а, во-вторых, потому, что годы капиталистического промышленного под'ема являются не только годами *развития* производительных сил, но и годами энергичного использования уже имеющихся в наличности, но по кон'юнктурным причинам не используемых производительных сил и, наконец, годами спекулятивной горячки. В годы промышленного под'ема пускаются в ход все стоящие фабрики и заводы, работающие не с полной загрузкой загружаются «до отказа», вводятся новые смены рабочих, наконец, строятся новые фабрики и заводы. Иначе говоря, по советской терминологии, годы капиталистического промышленного под'ема в значительной мере являются тем, что мы называли «*восстановительным*» периодом, т.-е. таким, когда в первую очередь максимально использовываются наличные производственно-технические ресурсы. А если это так, а это бесспорно так, это—азбука марксистской политической экономии, то тогда будет понятно, *почему* нельзя абстрагироваться от кризисности капиталистического хозяйства. Ибо иначе «восстановительный» момент капиталистического промышленного под'ема будет взят за одну скобку с действительным развитием его производительных сил. И максимальное *использование наличной* технико-производственной базы будет взято за одну скобку с действительным *расширением* технико-производственной базы.

Но, как говорится, «вобла оказалась зубаста, затвердила наоборот,—и баста»! Доводы? Доводы, извиняемся за нашего «экономиста», все те же—«уж мы брили, тетенька, брили!».

Подосновой колесниковских разговоров о недостаточности темпа нашего промышленного развития было требование больших вложений со стороны народного хозяйства в промышленность и большей перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность. Наши возражения, в первую очередь, сводились к тому, что госплановские «Материалы» недостаточно учитывают эффективность капитальных вложений и преимуществ нашей

системы хозяйства и что уже жизнь доказала чрезмерную осторожность госплановских подсчетов. И мы тогда же писали: «Столь значительный недоучет эффективности капитальных вложений искажает действительную картину того, что мы будем иметь к концу запроектированного пятилетия, на основе намеченной общей суммы капитальных вложений». Теперь имеется возможность проверить, в *какой же степени* госплановские «Материалы» недоучитывали капитальных вложений.

Тщательный пересмотр пятилетнего плана промышленности, предпринятый ВСНХ, показал, что *при том же размере вложений в промышленность извне, но при максимальном качественном улучшении ее работы, валовая продукция госпромышленности возрастет не на 79%, а на 108%*. Т.-с. валовая продукция больше чем удвоится за пятилетие, а годовой средне-арифметический прирост составит почти 22%, значительно превышая, таким образом, самый рекордный год прироста промышленной продукции российского капитализма! Промышленность должна быть во всех отношениях «ведущей» отраслью народного хозяйства. И к ней в первую голову мы должны пред'явить требование решительного качественного улучшения ее работы. Именно с этой стороны и подходила большевистская критика к госплановским «Материалам». Экономически и политически *реакционна* была критика оппозиции, пытавшейся поставить промышленность в обстановку какого-то тепличного растения и пред'являвшей непомерные требования к народному хозяйству и бюджету для развития промышленности вместо того, чтобы требовать от промышленности качественного улучшения ее работы: максимальной эффективности капитальных вложений, максимально возможного снижения строительного индекса, всемерного и решительного сокращения всякого рода непроизводительных расходов и т. д. и т. п.

Оппозиция не нашла поддержки у партии и рабочего класса в своей платформе по хозяйственным вопросам и в своей оценке темпа нашего промышленного развития. Но тем более для нее должны быть «ценны» те симпатии и та идейная поддержка, которые она нашла у... меньшевиков. «*Критика оппозиции*,—писал Далин,—*была во всех отношениях правильна*. Она отражала общее недовольство рабочего класса слишком замедленным темпом промышленного развития и всеми вытекающими из этого для рабочего класса последствиями».

В каких только «странных» формах проявляет рабочий класс свое «недовольство» партией и ее хозяйственной политикой! Ведь тухлые яйца и гнилые огурцы летели в сторону оппозиции!

Сущим шутовством и шарлатанством являются замечания Колесникова о том, что «привлечение иностранных концессий авансом шельмуется в качестве «кабальных сделок». Кто, где и когда концессии авансом называл «кабальными сделками»? Почему Колесников не называет имен? Что за недомолвки и намеки! К кому они относятся? Или это из серии тех грязных и непристойных телодвижений, которые проделывала оппозиция в вопросе об «отмене» монополии внешней торговли?

«Достойным» венцом колесниковской статьи являются его рассуждения на тему о душевом потреблении. Мы утверждали и с фактами в руках *доказывали*, что Колесников пользуется приемом профессионального шулера, затушевывая и стирая социально-экономическое содержание «души населения». На ряде промышленных товаров мы иллюстрировали, что понятия «души населения» и «души рабочего населения» далеко не равнозначащи. И что потребление «души населения» *значительно ниже* потребления «души рабочего населения». Не имея возможности опровергнуть этого *важнейшего* факта, Колесников скачет и играет по поводу того, *какими* товарами иллюстрируется это положение. Он даже рекомендует обратиться к совсем «несознательной» хозяйке для получения соответствующих на этот счет раз'яснений. Как будто это нужно, когда своим оппонентом имеешь Колесникова!

Паясничаньем и кривляньем Колесников думает отделаться от существа вопроса. Но, *отказавшись от каких бы то ни было возражений* по поводу коренного, принципиально иного содержания «души населения» в довоенное время и теперь, Колесников тем самым *подтвердил шулерскую передержку* в этом вопросе. Колесников пытается отделаться от существа вопроса «насмешливо-ехидной» оценкой приведенного в качестве иллюстрации набора промтоваров. Оказывается, что керосина рабочий потребляет больше только потому, что примус заменил плиту. Но ведь этот довод с таким же успехом и правом может быть применен не только к рабочему, но и к служащему, т.-е. к *подавляющему* большинству населения городов! Сахарного песку потребляется больше потому, что меньше рафинада,—«веселится» Колесников. Но ведь это должно быть отнесено не только к рабочему, но и к служащему и к крестьянину. И, наконец, разве пить чай «в накладку» не прогресс по сравнению с питьем оного же, но «в приглядку»! Сравнение потребления рабочих (по бюджетам) для 1908—11 гг. и 1925—26 г. показывает такие изменения: потребление пшеничной муки составляло в 1925—26 г. 164% от довоенного, мяса и сала—157%, масла коровьего—142%, сахара и конфет—128% и, наконец, одежды, белья и обуви—115% от довоенного [1]). Может быть, и эти показатели недостаточны для Колесникова?

Но основной и решающий довод Колесникова сводится к следующему: «заработная плата у нас в лучшем (!) случае находится на довоенном уровне, цены промышленных товаров, приведенные к тому же (!) знаменателю (!), выше довоенных—казалось бы ясно: душевые нормы потребления рабочих должны быть *ниже* довоенных». В этой фразе сконцентрировано столько самой отвратительной лжи, недобросовестности и шарлатанства, что только диву даешься, до какой надо дойти степени нравственного падения, чтобы решиться преподнести ее читателю. Сам Колесников в этой же статье признавался, что к осени 1925 г. мы подошли к довоенному уровню заработной платы, а за два последующих года зарплата возросла на 13,9%. Значит реальный уровень зарплаты *значительно* превышает теперь уровень довоенной зарплаты! Почему же через несколько страниц зарплата оказалась «в лучшем случае» на уровне довоенном? Какое чувство должно овладевать, когда споришь с таким... «оппонентом»!

А цены на «промтовары», приведенные к «такому же знаменателю», выше довоенных—раз'ясняет далее Колесников. О каком

[1]) С. Г. Струмилин. «Правда» № 274.

«знаменателе» идет речь? Что это за «туман»? Или Колесников «запамятовал», что речь идет о превышении довоенного уровня *реальной* зарплаты?

Доказательством превышения довоенных норм душевого потребления рабочим классом является тот совершенно бесспорный факт (и его не мог опорочить Колесников), что уровень реальной заработной платы превышает довоенный ее уровень (на IV кв. 1926—27 г.) на 11,3% без начислений и на 34,2% с начислениями, которые прямо или косвенно, но увеличивают бюджет рабочего. Уровень материального положения рабочего класса настолько же выше довоенного его уровня, насколько *реальная* зарплата выше довоенной *реальной* зарплаты. И этого не может не знать тот, кто понимает различие между реальной и номинальной заработной платой.

Оппозиция окончательно изжила себя, как оппозиция *внутри* партии. Оппозиция уже превратилась в *оппозицию к партии*. Со ступеньки на ступеньку спускалась она к меньшевизму, пока окончательно не попала в его об'ятия. И нет ничего удивительного в том, что, в частности, по всем основным вопросам нашей хозяйственной политики между оппозицией и меньшевиками существует такое идейное родство, близость и взаимное понимание. Ибо кто упорствует в своей борьбе против ленинской партии, тот неизбежно скатывается в меньшевистское болото, в лагерь врагов рабочего класса.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. ЛЕНИН. Сочинения. Издание второе под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Том XX. 1917 г. Подготовлен к печати. Н. Н. Овсянниковым. Государственное Издательство. 1927 г. Стр. 715.

В настоящий том вошли произведения В. И. Ленина за время с 16 (3) марта и до июльского кризиса 1917 г., когда Ленин должен был перейти на нелегальное положение. Помимо новых материалов, не вошедших в XIV т. (ч. 1) первого издания,—в настоящий, XX том, включено свыше тридцати статей, напечатанных в «Правде» в 1917 г. без подписи Ленина, и несколько писем, представляющих большой политический интерес, таковы два письма к А. М. Коллонтай от 16 (3) и 17 (4) марта и письмо к Ганецкому от 30 (17) марта.

Порядок расположения материала в XX томе в общем сохранен тот же, что и в ранее вышедших томах—хронологический. Все статьи XX тома охватывают *переходный* период от *первого этапа* февральско-мартовской революции ко *второму этапу*—революции пролетарской и посвящены *своеобразию* этого *переходного* момента и тактике, из него вытекающей.

Уже 17 (4) марта в письме к А. М. Коллонтай из Швейцарии, располагая скудными сведениями о положении дел в России, Владимир Ильич писал, что «*мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть», и что основная задача сейчас—«добивать реакцию, *ни тени* доверия и поддержки новому правительству и *вооруженное выжидание, вооруженная подготовка* более *широкой* базы для более *высокого* етапа».

Такую тактику рекомендовал Ленин «*издалека*», располагая лишь скудными сведениями о революции в России. Какую же тактику защищали товарищи «*вблизи*», находясь в самой гуще событий?

18 (5) марта ЦК РСДРП (б) в манифесте «Ко всем гражданам России» заявлял: «Неотложная и немедленная задача Временного революционного правительства—войти *в сношение с пролетариатом воюющих стран* (курсив наш. *Н. А.*) для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей... и немедленного прекращения кровавой человеческой бойни» (т. XX, Приложения, стр. 600).

Таким образом, ЦК РСДРП (б), *в то время* допускал еще возможность обращения правительства Милюкова и Гучкова к международному пролетариату в целях «борьбы народов... против угнетателей». На этой же точке зрения стоял и Петроградский Совет. В воззвании «К населению» от того же 18 (5) марта он призывает к поддержке правительства, «создавшегося из общественно-умеренных слоев общества».

Повидимому, для тогдашнего ЦК (б) это «умеренное» правительство способно было начать революционную кампанию для прекращения войны.

Надо припомнить, что *в это же время* и Московский Совет *единогласно* высказался за поддержку Временного правительства «*постольку—поскольку*»; на этой же точке зрения стояло и большинство московской организации большевиков.

12 марта т. Ногин от имени всех партий, входящих в Президиум Московского Совета Раб. и Солд. Депутатов, предлагает Пленуму Со-

ветов обратиться к социалистическим партиям всех стран о созыве международной конференции для принятия мер к прекращению войны. 14 марта на этот же путь вступает и Петроградский Совет в своем обращении «к трудящимся всех стран», и в частности к австро-германской коалиции с предложением «последовать русскому примеру—сбросить с себя иго самодержавного порядка».

До какой степени даже в половине марта среди большевиков наблюдались еще шатания по этим важнейшим вопросам, видно из статьи т. Каменева в «Правде» от 28 (15) марта:

«...Не дезорганизация революционной армии и не бессодержательное «долой войну»—наш лозунг. Наш лозунг: давление на Врем. правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны» (т. XX. Приложения, стр. 602).

Если центральный орган партии так оценивал значение воззвания Петроградского Совета, то нет ничего удивительного, что и московские большевики (*главным образом*, работающие в Совете) также слишком переоценили значение петроградского воззвания.

«...День 14 марта,—писал в «Известиях» тов. Скворцов,—замечательный день... Да здравствует воскресающий международный социализм!».

«...Обращение к гучковско-милюковскому правительству,—писал Ленин из-за границы 12 (25) марта,—с предложением поскорее заключить честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение доброго деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божецки»... Совершенно такую же роль—независимо от того, сознают они это или нет,—играют все те, кто с добренькими речами о мире обращается к буржуазным правительствам во время настоящей империалистской войны. Буржуазные правительства иногда вовсе отказываются выслушивать такие речи и даже запрещают их, иногда позволяют говорить их, раздавая направо-налево обещания, что они-то ведь и воюют ради быстрейшего заключения «самого справедливого мира» и что виноват только неприятель. Разговоры о мире, обращенные к *буржуазным* правительствам, оказываются на деле *обманом народа*... Чтобы добиться мира..., надо, чтобы власть в государстве принадлежала не помещикам и капиталистам, а *рабочим и беднейшим крестьянам*...».

«Если бы государственная власть в России,—говорит далее Ленин,—принадлежала *Советам*, то эти Советы наверное осуществили бы программу мира, которую партия большевиков наметила еще 13 октября 1915 г. в № 47 «Социал-Демократа» (Сочинения, т. XX, стр. 43—44).

Вот как уже в *то время*, «издалека» решал Ленин основные вопросы тактики пролетарской партии.

В письме к Ганецкому и в других местах XX тома Ленин все время упоминает о № 47 «Социал-Демократа». В письме к Ганецкому от 30 (17) марта Ленин писал: «Во что бы то ни стало, я должен требовать переиздания в Питере... больше всего и прежде всего *тезисов* из № 47 «Соц.-Дем.» (от 13/X—1915 г.). Эти тезисы теперь архи-важны. Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции! Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией» (Том XX, стр. 54).

Документ такой важности надлежало бы дать в приложении, но, к сожалению, редакция ограничилась простой ссылкой: «см. XVIII т. сочинений». Поскольку томы сочинений Ленина выходят не в последовательном порядке (XVIII т. не вышел)—ссылка редакции на этот том не облегчает положения.

Статья «О задачах пролетариата в данной революции» (тезисы) перепечатывается в настоящем издании без изменений из «Правды» (№ 26 от 20 (7) апреля). Как известно, эти тезисы Ленина среди значительной части большевиков породили растерянность и недоумение. Меньшевики же и эсэры истолковали выступление Ленина как «призыв к гражданской войне в среде революционной демократии».

Теперь, когда в XX томе собраны и расположены в хронологическом порядке *все* статьи и письма Ленина за время с первых дней Февральской революции—«апрельские» тезисы представляют собой лишь развитие и обобщение уже не раз высказанных мыслей. Растерянность от прочитанных тезисов на совещании большевиков 4 апреля тем и об'яснялась, что первоначальный набросок тезисов 17 марта никому не был известен, тогда как в этом наброске уже были даны начала большевистской тактики в революции 1917 г.

Точно так же только в 1924 г. впервые увидели свет письма к Коллонтай, второе—пятое «письма издалека» и в 1921 г.—письмо к Ганецкому. Мало кому были известны и «тезисы», напечатанные за границей в 1915 г. в «Социал-Демократе».

В статье «Наши разногласия» («Правда» 21 (8) апреля) т. Каменев писал: «...Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции *законченной* и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую. Тактика, вытекающая из подобной оценки, глубоко расходится с той тактикой, которую защищали представители «Правды» на Всероссийском с'езде, как против официальных вождей Совета, так и против тащивших Совет направо меньшевиков» (Соч. т. XX. Приложения, стр. 608) [1].

В «Письмах о тактике», вышедших в середине апреля 1917 г. отдельной брошюрой, Ленин писал, что «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» *уже* осуществилась в самом факте существования Совета Раб. и Солд. Депутатов. «Эта формула уже устарела... На очереди уже иная, новая задача: раскол пролетарских элементов *внутри* этой диктатуры... Кто говорит *теперь* только о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)» (Соч., т. XX, стр. 101).

---

[1]) На Всероссийском Совещании (а не с'езде) 29 марта т. Каменев, по вопросу о войне от имени большевистской фракции высказался за продолжение «революционного давления» на Временное правительство с целью заставить его «немедленно... предложить всем воюющим народам мир без аннексий и контрибуций», пока же власть не перейдет в руки «пролетариата и революционной демократии», мы, говорил т. Каменев, «отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи... призываем всех солдат и рабочих оставаться на своих местах...»

По вопросу об отношении к Временному правительству т. Каменев от имени фракции большевиков сказал, что он «счастлив заявить, что благодаря тем изменениям, которые внесены в первоначальный текст резолюции, предложенной Исполнительным Комитетом, большевики снимают отдельную резолюцию и будут голосовать за резолюцию Исполнительного Комитета», то-есть за «поддержку» Временного правительства, «давление» и «контроль» над ним. Таким образом, резолюция Совещания оказалась правее резолюции на Областной Конференции Советов Московской Области от 25 марта. (Цитируем по брошюре т. Игнатова «Всероссийские С'езды Советов в 1917 г.»).

В тех же «Письмах о тактике» Ленин говорит о второй ошибке т. Каменева. Как известно, т. Каменев упрекал Ленина в том, что его схема «рассчитана» на немедленное перерождение этой (буржуазно-демократической) революции в социалистическую. «Это неверно,—отвечает Ленин.—Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в *социалистическую*, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8... «не введение социализма, как наша *непосредственная* задача»...

Указывая далее на то, что в России *нельзя* «немедленно» ввести «государство-коммуну», Ленин замечает, что «т. Каменев немножечко «нетерпеливо» размахнулся и повторил буржуазный предрассудок насчет Парижской Коммуны, будто она «немедленно» хотела вводить социализм. Это не так. Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства*. А такое государство в России уже родилось, это и есть Советы Рабочих и Солдатских Депутатов! Тов. Каменев не вдумался в *факт*, в значение *существующих* Советов, в их тождество... с государством Коммуны...» (там же, стр. 107).

Очень значительное место в рецензируемом томе занимают речи, доклады и резолюции Ленина на Петроградской и Всероссийской апрельской конференциях.

В примечании редакции (стр. 650) сообщается, что «на конференции была небольшая группа, составившаяся по преимуществу из части делегатов Московского и Московского Окружного Комитетов.. и отстаивавшая взгляд на революцию, близкий к большевистской оценке 1905 г. (формула: «диктатура пролетариата и крестьянства»). На состоявшейся незадолго перед тем Московской общегородской конференции были приняты резолюции, почти целиком воспроизводившие схемы 1905 г. Группа поручила на конференции сделать доклад Л. Б. Каменеву, который придерживался взглядов, близких к позиции этой группы».

Это не совсем точно. Что взгляды части московской и других делегаций по некоторым вопросам совпадали со взглядами т. Каменева и других (напр.—«диктатура пролетариата и крестьянства», как лозунг не законченной еще буржуазно-демократической революции)—это верно. Сходились точно так же многие делегаты в том, что доклад Ленина об оценке момента не дает конкретных лозунгов для практической работы («...мы никогда не были только педагогами-пропагандистами»).

Что же касается вопроса о войне и об отношении к Временному правительству, то в *этом отношении* московская партийная организация уже со *второй половины апреля* (точнее: с 11 апреля) заняла правильную линию и решительно покончила со всякими в этих вопросах шатаниями. Таким образом, говорить о совпадении взглядов части «москвичей» со взглядами т. Каменева можно только с весьма существенными оговорками.

15 апреля по вопросу о «Займе Свободы» и 22 апреля по поводу ноты Милюкова большевистская фракция в Московском Совете вносит резолюцию в Пленум о *недоверии* Врем. правительству и *отказе от тактики «поддержки»* и *«давления»* на это правительство, высказываясь за подготовку условий для перехода власти к Советам. Затем за два дня до открытия Всероссийской конференции (21 или 22 апреля) на совместном совещании Московского Комитета, Московского Окружного Комитета и Областного Бюро ЦК в принятой резолюции об отношении к Врем. правительству говорилось, не о «давлении» на него, не о пред'явлении к нему требований, а о переходе власти к советам, «усилении агитации в рабочих и крестьянских массах с разоблачением контрреволюционного характера Врем. правительства и с раз'яснением необходимости революционной борьбы с войной». Резолюция предлагает Всероссийской конференции обратиться с воззванием к армии и Совету Солдатских Депутатов с призывом о сплочении сил к выступлению против войны («Соц.-Дем.», 23/IV).

Еще ранее, 17 апреля, московская окружная конференция по докладу т. *Овсянникова* решительно высказалась против поддержки контрреволюционного Врем. пр-ства и за подготовку условий для перехода власти в руки рабочих и крестьян, и за тесный союз пролетариата с беднейшим крестьянством и сельскими батраками.

Нет ничего удивительного в том, что довольно значительная часть старых большевиков до ознакомления с тезисами Ленина и «Письмами о тактике» придерживалось старых схем 1905 г. в теоретическом вопросе о характере революции 1917 г., но в вопросах текущего дня, в вопросах непосредственной революционной борьбы в это время взгляды Московской организации не совпадали со взглядами т. Каменева и других его питерских сторонников.

Также не вполне соответствует действительности сообщение редакции о том, что «группа москвичей поручила т. Каменеву выступить с содокладом»... Обмен мнений с т. Каменевым по вопросу о характере нашей революции был. Не одни москвичи были заинтересованы в том, чтобы этот серьезный вопрос, к тому же не обсуждавшийся в Московской организации, был продискуссирован, но поручения т. Каменеву на выступление с содокладом «москвичи» не давали, да вряд ли это и требовалось. Дело обстояло несколько иначе. После доклада Ленина выступил т. Дзержинский и сказал следующее: «Из частных разговоров выяснилось, что многие не согласны принципиально с тезисами докладчика. Я вношу предложение выслушать доклады, выражающие другую точку зрения на текущий момент, выслушать товарищей, которые вместе с нами пережили революцию практически и которые находят, что она пошла несколько по иному направлению, чем это обрисовано докладчиком». Предложение было принято, и слово получил т. Каменев в качестве содокладчика. Вот как обстояло дело.

После апрельской конференции в большевистской партии не возникало сколько-нибудь заметных разногласий по основным вопросам программы и тактики, и только в октябре такие разногласия возникли и по вопросу о восстании, и по вопросу о принципах организации власти. В какой степени эти разногласия были органически связаны и вытекали из оценки февральско-мартовской революции уместнее будет рассмотреть по выходе в свет XXI тома сочинений.

«Вехи жизни» Ленина за время с марта по июль 1917 г. разработаны весьма тщательно. Научный аппарат XX тома (примечания, приложения, указатель имен) составлен с такой же тщательностью, как и в предыдущих томах. Библиографического очерка жизни и деятельности Ленина за время с марта по июль 1917 г. в XX томе не имеется; повидимому, такой очерк будет приложен к XXI т.

С внешней стороны рецензируемый том издан столь же безукоризненно, как и предыдущие.

Н. Ангарский.

Л. Д. ТРОЦКИЙ. Соч. том IX. «Европа в войне». ГИЗ, 1927 г., стр. 420.

Недавно вышедший IX том собр. соч. Л. Д. Троцкого посвящен эпохе войны. Вот кстати!—скажет читатель. Наконец-то, я доподлинно узнаю, как т. Троцкий боролся против империалистической войны.

Можно ожидать, что, развернув недавно вышедший том собр. соч. Л. Д. Троцкого, прямо вслед за титульным листом мы найдем нечто в роде «Уроков Октября». Но нет. И автор, и редакция, и сонм комментаторов скромны и молчаливы.

Неопытный глаз поразит обилие в книге корреспонденций с разных фронтов и стран. Будто бы т. Троцкий никогда не был не чем иным, кроме как «собственным корреспондентом» «Киевской Мысли». Из собственного органа т. Троцкого «Наше Слово», «Голос» тоже даны всякого рода заметки и статьи, свидетельствующие о неустрашимости автора, писавшего подобные вещи под бдительным оком военной цензуры,—и только.

Даже раздел «Основные вопросы и первые итоги войны»—и тот безотраден в смысле *руководящих* политических статей. Читатель, более искушенный, заглянувший в примечания к предисловие от редакции, поймет почему так безыдейно на безбрежных страницах этой аккуратно изданной книги. Оценка Троцким перспектив революции в России в связи с войной отложена в дальний... том. Обоснования лозунга «Соединенные Штаты Европы»—тоже. С лозунгом «борьбы за мир»—очевидно, то же. Одним словом—«не взыщи, читатель. Автора дома нет». Троцкого, как видного *политического деятеля*, в IX томе нет. Он приедет—в следующем томе.

Впрочем, и по уцелевшим от из'ятия вещам можно догадаться, «кто хозяин сего дома». Наиболее крупной из них является статья: «Военная катастрофа и политические перспективы». Всякий, читавший книгу Л. Д. Троцкого «Война и революция», будет поражен неожиданным обрывом этой статьи «на самом интересном месте»,—на том месте, где автор от «убийственных» характеристик николаевских генералов переходит к существу дела—к изложению своих взглядов на перспективы революции в России. Дабы не распространяться о том, «чего не было», верней—что *было*... но сплыло, приведем лишь один небольшой отрывок из отсеченной редакцией части статьи. Вот он:

«Условием развития пролетариата и той *единственной формой, в которой он может овладеть государственной властью, является и остается демократия*» [1]).

Речь идет явно о буржуазной демократии.

О буржуазной демократии, как государственной форме диктатуры пролетариата, Троцкий говорит и в своих «американских письмах», написанных *после* февральского переворота, после выяснения роли советов. А как же быть с «предвосхищением ленинских апрельских тезисов»?

Судите сами.

Что более важно, так это то, что и *после* приезда в Россию, и после ознакомления с апрельскими тезисами т. Троцкий остался верен своему взгляду. В брошюре «Программа Мира» он пишет о *демократических* Соединенных Штатах Европы, как *единственно возможной государственной форме диктатуры пролетариата*. Сотрудничая с партией в революции 1917 года, Троцкий не покял или не принял *основного* ленинского тезиса о замене демократической республики республикой советов.

[1]) Троцкий: «О демократии, как о государственной форме диктатуры пролетариат», т. IX, стр. 211.

Трактуя буржуазную демократию, как форму государственной власти пролетариата, Троцкий сдает зато в архив истории национальное государство. Там же, на стр. 215, он пишет о «пережившем себя национальном государстве». Это, опять-таки, лишь кончик, за которым тянется длинная нить непомещенных в этом томе писаний Троцкого на тему о том, что в эпоху империализма национальное государство изжило себя, как форма диктатуры пролетариата и т. д.

Пацифистско-каутскианский лозунг «Борьбы за мир», определявший во время войны всю политическую линию Троцкого, представлен в этом томе следующим «хвостиком»:

«Революция не заинтересована в дальнейшем накоплении поражений, наоборот, борьба за мир является для нас заветом революционного самосохранения» [1]).

Лозунг «Борьбы за мир», противопоставляющийся тов. Троцким ленинскому лозунгу поражения, был чрезвычайно характерен для Троцкого-политика: 1) потому что в нем содержится попытка противопоставить *революционному действию* благочестиво-интернационалистскую *фразу*; 2) потому что это есть лозунг центристский, соответствующий всей старой внутрипартийной позиции тов. Троцкого,—позиции сидения между двумя стульями, позиции беспринципного примиренчества; 3) потому что он является идейной пуповиной, соединяющей Троцкого с международной социал-демократией. Но этот *центральный* лозунг Троцкого, лозунг, выставлявшийся им и в мае 1917 г. (после ликвидировавшей якобы все разногласия Февральской революции), скрыт, спрятан. Осталась одна оброненная мимоходом фраза о «революционном самосохранении (!)», остался лишь хвостик. Итак, все положительное изложение взглядов Троцкого—спрятано, разногласия его с Лениным—спрятаны. Остается довольно «беспартийная» публицистика.

Единственное, что не совсем скрыто в этом томе, так это то, что Троцкий был против большевистского лозунга «Поражения», даже в применении к *царской* России. Чем мотивирует Троцкий свое антипораженчество?

Прежде всего делает ход от «интернационализма».

«Ставим ли мы развитие русской революции, а значит, практически *движение русского пролетариата в зависимость от революционного движения русской интеллигенции, мелкой городской буржуазии и крестьянства? Или* же мы подчиним движение российского пролетариата задачам и целям движения всего европейского пролетариата, и российскую революцию ставим в зависимость от пролетарской борьбы во всем капиталистическом мире? Словом, держим ли мы основной курс всей нашей политики на национальную буржуазную революцию или интернациональную революцию пролетариата»?

Одно из двух: *или* национальная ограниченность в союзе с крестьянством *или* курс на интернациональную революцию в союзе с международным пролетариатом. Вот где виден Троцкий-теоретик, Троцкий-политик. Вот где виден Троцкий—апостол и провозвестник «нового ленинизма» и Троцкий—организатор всего антибольшевистского, что есть в рядах Коминтерна. Но *этого* Троцкого, по условиям мо-

[1]) Троцкий, т. IX, стр. 151.

мента, выпускать в очередном томе, очевидно, неподходяще. Его заменяет Троцкий-турист, Троцкий—собственный корреспондент «Киевской Мысли».

Впрочем, кое-какие кончики, хвостики, остаточки от Троцкого-политика в этом томе можно найти.

«Мы не знаем такого европейского социального и государственного организма, в упрочении которого был бы заинтересован европейский пролетариат, и в то же время мы ни в каком смысле не отводим России роли избранного государства, интересам которого должны быть подчинены интересы развития других европейских народов» (стр. 147).

«Мы» (Троцкий) не страдаем «национальной ограниченностью» (кивок в сторону Ленина), не «отводим России роли избранного государства», а потому и не станем брать на себя почин в превращении империалистической войны в гражданскую. Во имя «интернационализма» мы воздерживаемся от нанесения смертельного удара своей буржуазии, а будем взывать о мире к пролетариям всего мира.

Так аргументирует т. Троцкий против революционного лозунга поражения от «пролетарского интернационализма», от того «интернационализма», который он защищал совместно с К. Каутским. Таков мотив № 1 против поражения.

Переходим к мотиву № 2. Вот он: теперь,—рассуждает т. Троцкий,—не 1905 год, когда можно было быть пораженцем (вместе с *буржуазией*), а 1914 г. с небывалой еще мировой войной. «Именно гигантские размеры нынешней войны,—пишет т. Троцкий,—могут при ее *неопределенно затяжном характере* надолго подрезать крылья всему общественному развитию, а стало быть, в первую голову—революционному движению пролетариата» (стр. 151).

Грандиозные размеры бедствий и затяжной характер войны могут задушить революционное движение. *Политически* этакий тезис—насквозь гнилой, ликвидаторский. Ленин, учитывая затяжной характер войны, считал ее все же кануном великих революционных взрывов.

А из приведенного выше тезиса т. Троцкого следуют выводы: если война затянется—оставьте надежду на революцию. Таков мотив № 2 «пролетарского революционера» т. Троцкого.

Следующий мотив, мотив № 3, поясняет, почему наш «пролетарский революционер» так мрачно смотрит на будущее:

«Поражения дезорганизуют и деморализуют правящую реакцию, но одновременно война дезорганизует всю общественную жизнь и прежде всего ее рабочий класс». И дальше: «Наконец, выросшая из поражений революция получает в наследство в конец расстроенную войной хозяйственную жизнь, истощенные государственные финансы и крайне отягощенные международные отношения» (стр. 148).

Итак, поражения дезорганизуют *прежде всего рабочий класс.*

Это почему же?

Потому, что рабочий класс, его психологию и тактику т. Троцкий мыслит на западно-европейский социал-демократический образец?

О революции т. Троцкий рассуждает тоже, как добрый социал-демократ. Революция, выросшая из поражений—не хороша. Пролетариату куда лучше потерпеть плохие времена, дать капитализму оправиться и пред'явить свою претензию на власть и руководство народным хозяйством тогда, когда последнее будет в цветущем состоянии. Ведь, социализм предполагает расцвет, а не упадок. Но, ведь, это все из той же *мерзопакостной* оперы, которую разыгрывали российские и прочие социал-оппортунисты, чтобы заставить пролетариат России отказаться от взятия (позже—сохранения) власти.

Поскольку со страниц книги смотрит Троцкий-политик, поскольку за кочующим по Европе журналистом удается рассмотреть *политика,* постольку становится всем ясно, что его лицо есть лицо *социал-демократа* до мозга костей, человека, *чуждого большевизму по своему мировоззрению.*

Именно в этом интерес книги.

Надо еще сказать пару слов об аппарате примечаний. Обычно они очень пространны и носят частью характер методических разработок троцкистского агитпропа, частью характер полемических статей на исторические темы троцкистского истпарта.

В данном случае лучшая форма агитации и пропаганды это—*умолчание* об ошибках т. Троцкого. Эту линию и проводят комментаторы тов. Троцкого. Они пишут большую статью про гвоздевщину (стр. 396), но ни полсловечка не уделяют освещению позиции органа Троцкого «Наше Слово» в этом вопросе. Они приводят статью Ленина об итогах кампании выборов, но из нее выбрасывают основной вывод: выборы показали, что в РСДРП есть лишь два течения: большевистское-пораженческое и меньшевистское-оборонческое, а все остальное—игра в бирюльки.

Линия органа Троцкого целиком подтвердила эту ленинскую характеристику, поскольку «Наше Слово» сказало свое слово о вхождении рабочих в ВПК. Но это слово было *меньшевистское.* Судите сами:

«В нашей среде, среди интернационалистов, есть сторонники взгляда, что целесообразнее было бы выборы произвести» [1]. И дальше:—«Среди петроградских интернационалистов были и такие, которые полагали, что рабочие должны участвовать в Комитете». Троцкий не из их числа, но—из их компании. Он выдает им аттестат на звание «интернационалистов», считает их мнение «законным оттенком» и даже предлагает своим читателям их линию, как одну из возможных вариаций тактики интернационалистов. Перед лицом *фактов* «интернационализм» т. Троцкого линял, как самая линючая тряпка. Его «интернационализм» служил делу сокрытия шовинизма друзей по «левой» социал-демократии,—прежде всего фракции Чхеидзе.

В этой же серии статей тов. Троцкий пишет:

«Ничто не дает права утверждать, будто она (фракция Чхеидзе, *Д. Б.*), готовится свернуть с этого пути на путь социал-«патриотизма» [2].

Фракция Чхеидзе на деле уже давно помогала правительству и буржуазии в обороне страны. (Скобелевские «комитеты помощи», «непротиводействие» гвоздевщине, «успокоение» стачек и пр.).

Обо всем этом всезнающие комментаторы Троцкого не знают или не хотят знать. Они не удосужились проинтервьюировать Троцкого по вопросу о том, кого он считал «интернационалистом» и кого считает теперь.

А для читателей было бы небезынтересно.

Еще одна черточка для характеристики литературного предприятия, именуемого «Собр. соч. Л. Д. Троцкого» (полным или неполным?).

[1]) «Наше Слово», № 229, 31 окт. 1916 г.
[2]) «Наше Слово», № 250, 26 ноября, 1916 г.

В III томе, *вышедшем в 1923 г.*, когда Каменев и Зиновьев еще стояли на ленинской линии, в примечаниях было разыскано «из-под земли» все, что способно было их скомпрометировать.

В IX же томе, *вышедшем в 1927 г.*, в примечании-статье (стр. 378) о процессе думской «пятерки» и Каменева ничего не сказано об оппортунистическом поведении на суде Каменева, хотя Ленин счел нужным в свое время в передовой подпольного Ц. О. заклеймить поведение Каменева, как небольшевистское.

Понятно, что «1923 год не 1927». Но все-таки надо сказать, что барометрийность прямо-таки поразительная!

Д. Баевский.
